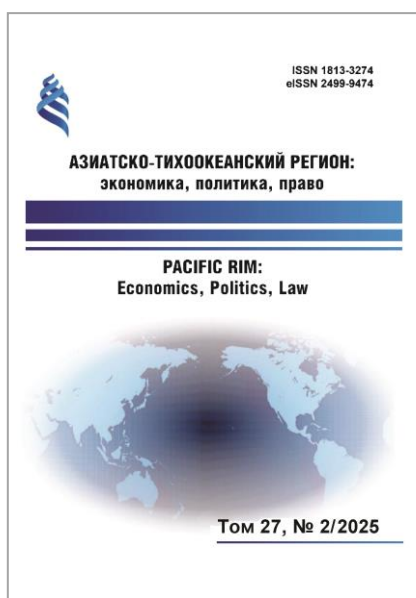

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: **экономика, политика, право**

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Научный журнал

Основан в 1999 году
Выходит 4 раза в год

Отпечатано в типографии
Издательства Дальневосточного
федерального университета
690091, Приморский край,
г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10

Подписано в печать 24.06.2025.
Тираж 500 экз. Заказ 177.
Дата выхода в свет 30.06.2025.
Цена свободная

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2025

Учредитель и издатель:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор),
свидетельство ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016.

Подписной индекс 83612.

Включён в Перечень рецензируемых научных
журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соис-
кание учёных степеней доктора и кандидата наук.

Индексируется в базах данных РИНЦ, Киберле-
нинка, Google Scholar, Publons, Ulrich's Periodicals
Directory.

Адрес редакции:

690922, Приморский край, г. Владивосток, остров
Русский, п. Аякс, д. 10, кампус ДВФУ, корп. А (24),
к. А920-923

Редактор *Е.Л. Ефремова*

Перевод на английский язык *Н.В. Бетанкурт*

Редактор References *Т.В. Поликарпова*

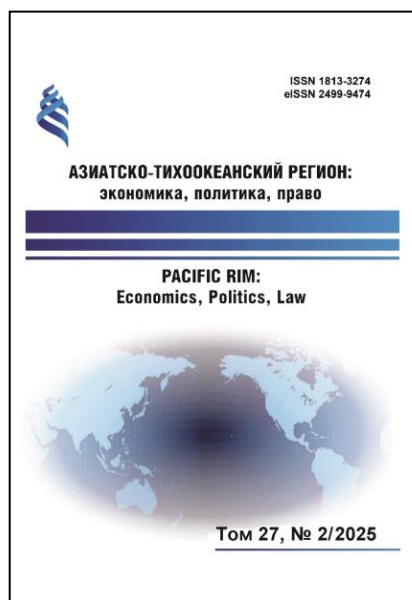
Компьютерная верстка *Г.П. Писаревой*

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Aziatsko-Tihookeanskij region. Èkonomika, politika, pravo

Scientific Journal

*The Journal was established in 1999
Published 4 times a year*

Printed by the printing house of the
Far Eastern Federal University
Publishing House
690091, Vladivostok, 10 Pushkinskaya str.

Signed for publication 24.06.2025.
The circulation is 500 copies. Order 177.
Release date 30.06.2025.
The price is free.

Founder and publisher:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate ПИ No. ФС 77-65746 dated 20.05.2016.

The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.

The Journal is indexed in the Russian Index of Science Citation, Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial office address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay,
FEFU Campus, Building A, office A920–923

Editor *E.L. Efremova*

Translation into English by *N.V. Betancourt*

References editor *T.V. Polikarpova*

Computer layout *G.P. Pisareva*

Главный редактор журнала

КОРОБЕЕВ заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической
Александр школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридиче-
Иванович ских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федера-
ции, Владивосток, Российская Федерация

Заместители главного редактора

ГАВРИЛОВ доктор юридических наук, доцент,
Вячеслав Владивосток, Российская Федерация
Вячеславович
МАМЫЧЕВ профессор кафедры теории и истории государства и права Юриче-
Алексей ской школы Дальневосточного федерального университета, доктор по-
Юрьевич литических наук, доцент, Владивосток, Российская Федерация

Ответственный секретарь

КОРОЧЕНЦЕВ профессор департамента общей и экспериментальной физики
Владимир Института наукоемких технологий и передовых материалов
Владимирович Дальневосточного федерального университета, доктор физико-
математических наук, доцент, Владивосток, Российская Федерация

Редакционная коллегия

БЕЛКИН советник директора Школы экономики и менеджмента
Виктор Дальневосточного федерального университета, доктор экономических
Григорьевич наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Владивосток, Российская Федерация

ВАНДЕРХЗВААГ директор Института морского и экологического права, Юридическая
Дэвид школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс,
Новая Шотландия, Канада

ВОЛЫНЧУК ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных
Андрей исследований Института истории, археологии и этнографии народов
Борисович Дальнего Востока ДВО РАН, доктор политических наук, доцент,
Владивосток, Российская Федерация

ВОТИНЦЕВА член-корреспондент Российской академии естественных наук, доктор
Людмила экономических наук, профессор, почётный работник высшего
Ивановна профессионального образования Российской Федерации, Санкт-
Петербург, Российская Федерация

ЖАРИКОВ доктор экономических наук, профессор,
Евгений Владивосток, Российская Федерация

Прокофьевич
КАПУСТИН научный руководитель Института законодательства и сравнительного
Анатолий правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент
Яковлевич Российской ассоциации международного права, доктор юридических
наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

КНЯЗЕВ
Сергей
Дмитриевич

судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры административного права Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

КОРОТКИХ
Наталья
Николаевна

профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация

КОШЕЛЬ
Алексей
Сергеевич

проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук, доктор юридических наук, доцент, Москва, Российская Федерация

КУРИЛОВ
Владимир
Иванович

член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация

ЛИ
Ик Хён

вице-президент Университета Моквон, Тэджон, Республика Корея

НОМОКОНОВ
Виталий
Анатольевич

профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация

ПАК
Ноенг

профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ПАНОВА
Инна
Викторовна

профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Российская Федерация

ПЕСЦОВ
Сергей
Константинович

профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация

РОГОВ
Игорь
Иванович
СЕВАСТЬЯНОВ
Сергей
Витальевич

заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан
профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Российская Федерация

ТРЕТЬЯК
Ольга
Анатольевна

заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Российская Федерация

ФУ
Куенчен
ХУАН
Даосю

профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russian Federation

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Alexey Yu. Mamychhev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Assistant editor

Vladimir V. Korochentsev Professor of Department of General and Experimental Physics, Institute of High Technologies and Advanced Materials, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Editorial Board

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russian Federation

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Andrey B. Volynchuk Leading Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Lyudmila I. Votintseva Professor of Department of Modern Banking, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Saint Petersburg, Russian Federation

Evgeny P. Zharikov Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russian Federation

Anatoly Ya. Kapustin Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russian Federation

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

Natalia N. Korotkikh	Professor of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russian Federation
Alexey S. Koshel	Vice Rector of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Law, Associate Professor, Moscow, Russian Federation
Vladimir I. Kurilov	Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russian Federation
Ik Hyeon Rhee	Vice President, Mokwon University, Daejeon, the Republic of Korea
Vitaly A. Nomokonov	Professor of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russian Federation
Park Nohyoung	Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the School of Law of Far Eastern Federal University
Inna V. Panova	Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics", Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russian Federation
Sergey K. Pestsov	Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russian Federation
Igor I. Rogov	Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan
Sergey V. Sevastyanov	Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation
Olga A. Tretyak	Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russian Federation
Fu Kuen-chen	Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
Huang Daoxiu	Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Professor, Beijing, People's Republic of China

Содержание

ЭКОНОМИКА	13
Макеева С.Б. Пространственное экономико-демографическое развитие приграничных территорий: современные регионоведческие подходы и практики	13
Митрошин И.В. Доходы населения США в периоды Великой депрессии и Второй мировой войны	28
Керимова А.В., Мишина З.А. Анализ и прогноз показателей деятельности коммерческих предприятий со смешанной формой финансирования на примере основных средств	45
Чалый А.Д. Влияние цифровой трансформации на производительность бизнес-процессов	63
Локша А.В., Трегубова Т.С. Теоретические и методические аспекты разработки стратегии развития клиентского сервиса медицинских организаций	79
ПОЛИТИКА	90
Казаков А.А., Коновалов А.Ю. Цветные революции на постсоветском пространстве (2003–2022 гг.)	90
Ермолаева Е.М., Пешков Д.А. Современная избирательная система Республики Корея	107
Ло Сюань, Печерица В.Ф. Роль политических механизмов и технологий в укреплении стратегического партнёрства Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Арктике	122
Чернева Т.С. AUKUS – новый актор безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: причины и предпосылки появления альянса	136
ПРАВО	155
Рабец А.П. Правовая охрана секретов производства (ноу-хау): современные тенденции судебной практики	155
Мельников Е.А. Неуважение к суду (ст. 297 УК РФ): проблемные вопросы объекта и объективной стороны	170
Землюков И.С. Общественная опасность наркопреступлений: системный анализ	185
Усенко А.С. Военно-уголовное право как подотрасль уголовного права: исторический аспект	197
Ляшко Г.С. Эволюция доктрины исторических прав на морские пространства от античности до принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.	207

Contents

ECONOMICS	13
Makeeva S.B. Spatial economic and demographic development of border territories: modern regional studies approaches and practices	13
Mitroshin I.V. Income of the US population during the Great Depression and World War II ...	28
Kerimova A.V., Mishina Z.A. Analysis and forecast of indicators of enterprises with a mixed form of financing using example of fixed assets	45
Chaly A.D. The impact of digital transformation on business process performance	63
Loksha A.V., Tregubova T.S. Theoretical and methodological aspects of developing a customer service development strategy for medical organizations.....	79
POLITICS	90
Kazakov A.A., Konovalov A.Yu. Color revolutions in the post-Soviet space (2003–2022)...90	
Ermolaeva E.M., Peshkov D.A. Modern electoral system of the Republic of Korea.....	107
Lo Xuan, Pecheritsa V.F. The role of political mechanisms and technologies in strengthening the strategic partnership between the Russian Federation and the People's Republic of China in the Arctic.. ..	122
Cherneva T.S. AUKUS – a new security actor in the Asia-Pacific region: reasons and prerequisites for the emergence of the alliance.....	136
LAW	155
Rabets A.P. Legal protection of production secrets (know-how): modern trends in judicial practice	155
Melnikov E.A. Contempt of court (Article 297 of the Criminal Code of the Russian Federation): problematic issues of the object and the objective side.....	170
Zemlyukov I.S. Public danger of drug crimes: system analysis	185
Usenko A.S. Military criminal law as a sub-branch of criminal law: historical aspect.....	197
Lyashko G.S. Evolution of the doctrine of historical rights to maritime spaces from anti-quity to the adoption of the UN Convention on the Law of the Sea of 1982.....	207

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 28 ноября 2022 года журнал включён в обновленный Перечень ВАК по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки).

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

5.2.4. Финансы.

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики.

5.5.4. Международные отношения.

Юридические науки:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР;

архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, междонародному взаимодействию в АТР;

материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;

обзоры деятельности региональных организаций;

сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать материалы, согласно указанной рубрики, объемом не более 20 страниц текста, оформленные по образцу журнала (и в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021), которые должны включать:

- УДК;
- название статьи – на русском и английском языках;
- Ф.И.О. автора (полностью), место и адрес (город и страна) его работы, учёбы – на русском и английском языках;
- электронный адрес автора (*без слова e-mail*), ORCID (*без слова ORCID* в формате <https://orcid.org/...>) и (или) Researcher ID;
- знак охраны авторского права, например: © Семёнов В. И., Рыбаков А. Н., 2023;
- аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (10–15 слов или словосочетаний) – на русском и английском языках;
- основной текст статьи – на русском языке (текст желательно структурировать);
- список источников (на рус. яз.), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) с обязательным указанием общего количества страниц в печатном источнике;
- полные сведения об авторе (после References): учёную степень и учёное звание, должность, место работы (вуз, город, страна) – на русском и англ. яз. соответственно.

Подписи к иллюстративному материалу необходимо приводить на русском и английском языках.

Ссылки оформляют как внутритекстовые, помещают их в квадратных скобках, например: [5] или [5, с. 18].

Авторский оригинал необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14.

Пример оформления статьи приведён на сайте журнала в рубрике «Правила оформления статьи» (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: journals.dvfu.ru/ATR

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of November 28, 2022 the journal is included in the updated list of VAK (Higher Attestation Commission) of the following academic specialties:

Economic Sciences:

5.2.1. Economic Theory (Economic Sciences).

5.2.5. World Economy (Economic Sciences).

5.2.3. Regional and Branch Economics.

5.2.4. Finance.

Political Sciences:

5.5.2 Political Institutions, Processes, Technologies.

5.5.3. Public Administration and Sectoral Policies.

5.5.4. International Relations.

Legal sciences:

5.1.1 Theoretical and Historical Legal Sciences.

5.1.2 Public Law Sciences.

5.1.3 Private (Civil) Law Sciences.

5.1.4 Criminal Law Sciences.

5.1.5 International Legal Sciences.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

– materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;

– reviews of the work of regional organizations;

– messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

To publish an article in the journal, it is necessary to send materials, according to the specified heading, no more than 20 pages of text, designed according to the model of the journal, which should include:

- UDC;
- title of the article – in English and Russian;
- full name of the author, place and address (city and country) of his work or study – in English and Russian;
- the author's email address (without the word e-mail), ORCID and (or) Researcher ID;
- copyright protection mark, for example: © Semenov V. I., Rybakov A. N., 2023;
- abstract (200–250 words), keywords (10–15 words or word combinations) – in English and Russian;
- main text of the article (it is desirable to structure the text);
- References (BSI transliteration) with the obligatory indication of the total number of pages in the printed source;
- full information about the author (after References): academic degree and academic title, position, place of work (institution, city, country) – in English and Russian, respectively.

Links should be placed in square brackets, for example: [5] or [5, p. 18].

The author's original must be sent in electronic form, Times New Roman font, size 14.

A sample design of the article should be seen on the website of the journal in the rubric “The article design rules” (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax Bay, building D, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: journals.dvfu.ru/ATR

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 13–27.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 13–27.

ЭКОНОМИКА / ECONOMICS

Научная статья

УДК 332.12

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/13-27>

Пространственное экономико-демографическое развитие приграничных территорий: современные регионоведческие подходы и практики

Светлана Борисовна Макеева

Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук,

Москва, Российская Федерация

✉ msbmag9581@yandex.ru

Аннотация. В системе современного научного регионоведческого знания одним из ключевых направлений выступает комплексное исследование развития приграничных регионов от оценки динамики геополитических, социально-экономических, демографических процессов в приграничье до разработки стратегий пространственного развития пограничных районов. Приграничные регионы определяются как территории, расположенные на окраине государства, которые являются его частью, но более удалены по отношению к центральному региону государства. Целью данной статьи является рассмотрение различных отечественных научных источников по особенностям развития приграничных регионов и выделение на основе использования системного анализа ведущих регионоведческих подходов и практик по стратегированию пространственно-демографического приграничного развития. Особую значимость представляют монографические работы отечественных экономистов В.А. Шлямина, Н.П. Рыжовой, Н.Р. Вязьминой, социологов и демографов З.А. Даниловой, Г.В. Мазаева, А.Н. Торенко. В статье установлено, что в российской системе регионоведческого знания сформировалось несколько концептуальных подходов, обосновывающих современные тенденции эволюции приграничья и представляющих практические рекомендации по комплексному развитию пограничных территорий. Регионоведческий подход с доминантой экономического усиления приграничных территорий касается интеграционных процессов, внешнеэкономических связей,

ликвидации неравномерности, поддержания экономической безопасности и развития приграничных крупномасштабных хозяйственно-территориальных образований. Второй регионоведческий подход посвящён формированию высококачественной социальной инфраструктуры приграничья, касающейся определения социальной миссии приграничного региона, поиска социальных возможностей для эффективного приграничного рыночного развития. Третий регионоведческий подход касается решения демографических проблем приграничных территорий и включает в себя теоретические разработки по усилению демографического потенциала приграничья, варианты систем расселения, механизмы регулирования миграционных процессов в приграничных регионах.

Ключевые слова: приграничные регионы, система регионоведческого знания, экономический потенциал, социальная инфраструктура, демографические проблемы, неравномерность, внешнеэкономические связи, безопасность, граница, миграция

Для цитирования: Макеева С.Б. Пространственное экономико-демографическое развитие приграничных территорий: современные регионоведческие подходы и практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 13–27.

Original article

Spatial economic and demographic development of border territories: modern regional studies approaches and practices

Svetlana B. Makeeva

Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ msbmag9581@yandex.ru

Abstract. In the system of modern scientific regional studies, one of the key areas is a comprehensive study of the development of border regions from assessing the dynamics of geopolitical, socio-economic, demographic processes in the border area to the development and formation of strategies for the spatial development of border territories. Border regions are defined as territories located on the outskirts of the state, which are part of it but are more remote from the central region of the state. The purpose of this article is to consider various domestic scientific sources on the specifics of the development of border regions and to identify, based on the use of a systemic analysis, the leading regional studies approaches and practices for strategizing spatial and demographic border development. Of particular importance are the monographs of Russian economists V.A. Shlyamin, N.P. Ryzhova, N.R. Vyazmina, sociologists and demographers Z.A. Danilova, G.V. Mazaev, A.N. Torenko. The article establishes that several conceptual approaches have been formed

in the Russian system of regional studies, substantiating the modern trends in the evolution of borderlands and providing practical recommendations for the integrated development of border territories. The regional studies approach with the dominance of economic strengthening of border territories concerns integration processes, foreign economic relations, elimination of unevenness, maintenance of economic security, development of large-scale border economic and territorial entities. The second regional studies approach is devoted to the formation of high-quality social infrastructure of the borderland, concerning the definition of the social mission of the border region, the search for social opportunities for effective border market development. The third regional studies approach concerns the solution of demographic problems of border territories and includes theoretical developments on strengthening the demographic potential of border areas, options for settlement systems, mechanisms for regulating migration processes in border regions.

Keywords: border regions, system of regional studies knowledge, economic potential, social infrastructure, demographic problems, unevenness, foreign economic relations, security, border, migration

For citation: Makeeva S.B. Spatial economic and demographic development of border territories: modern regional studies approaches and practices. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 13–27. (In Russ.).

Введение

Современная система регионоведческого знания направлена на исследование различных регионов как в рамках отдельного государства, так и за его пределами. Усиление геополитической турбулентности и борьба за национальную идентичность приводит к обострению межгосударственных и межнациональных конфликтов. В сложившихся условиях территория фронта, пограничные районы становятся наиболее актуальными в регионоведческих комплексных исследованиях. Наблюдается особый всплеск интереса учёных к процессам, происходящим в приграничных регионах. С каждым годом появляется всё больше и больше узконаправленных научных работ по регионоведческой тематике в части изучения проблем в сопредельных с другими государствами территориях. Постепенно в системе регионоведческого знания формируются новые научные подходы, учитывающие все аспекты развития приграничных регионов от экономико-демографической динамики до пространственных изменений. Данные подходы имеют огромное практическое значение, поскольку основаны на детальной проработке всех векторов развития пограничья. Использование современных регионоведческих подходов и практик в системе региональной политики определяет успех формирования и реализации стратегий пространственного экономико-демографического развития приграничных территорий. В настоящее время для процессов регионального развития в различных государствах

характерна широкомасштабная разработка разнонаправленных целевых программ по усилению пограничных районов.

В системе регионоведческого знания приграничные регионы определяются как территории, расположенные на окраине государства, которые являются его частью, но более удалены по отношению к центральному региону государства. Географическая среда приграничных территорий часто более сложная и может включать такие природные ландшафты, как горы, пустыни и леса, что делает связь между приграничными территориями и другими частями страны относительно слабой. Приграничные регионы исторически сталкивались с уникальными проблемами, включая нехватку ресурсов, неразвитую инфраструктуру и пограничные проблемы с соседними странами. Из-за удалённости от политических, экономических и культурных центров страны экономическое развитие и социальный прогресс приграничных регионов часто отстают от показателей внутренних территорий государства. Кроме того, приграничные регионы могут также сталкиваться с необходимостью защиты окружающей среды, поскольку они часто обладают богатыми природными ресурсами, такими как полезные ископаемые, леса и водные ресурсы, к разработке и использованию которых необходимо подходить с осторожностью. Поэтому формирование стратегий пространственного экономико-демографического развития приграничных территорий в последние годы приобретает возросшую значимость.

В отечественной и мировой науке накоплен значительный опыт исследовательского осмысления векторов развития приграничья. Данный опыт представляет собой общую научно-теоретическую основу для разработки стратегий пространственного экономико-демографического развития приграничных территорий. Целью данной статьи является рассмотрение различных отечественных научных источников по особенностям развития приграничных регионов и выделение на основе использования системного анализа ведущих регионоведческих подходов и практик по стратегированию пространственно-демографического приграничного развития. Анализируя специфику комплексного изучения приграничных территорий, необходимо опираться на современные исследования учёных различных научных направлений. Особую значимость представляют монографические работы отечественных экономистов В.А. Шлямина [1], Н.П. Рыжовой [2], Н.Р. Вязьминой [3], социологов и демографов З.А. Даниловой [4], Г.В. Мазаева [5], А.Н. Торенко [6].

Специфика приграничного регионального развития: общее теоретическое осмысление

Приграничные регионы относятся к особым типам регионов, занимающих важное положение при разработке общегосударственной стратегии регионального развития. Согласно анализу документов Правительства России, под приграничной территорией понимаются территории муниципальных образований, примыкающие

к границе и находящиеся в зоне не более 30 км от неё, а также образования, часть которых располагается в зоне от 30 до 50 км от границы. Поэтому в процесс управления страной входят задачи управления границами. Приграничные регионы сталкиваются с более сложными социально-экономическими условиями и более трудными задачами развития. Обеспечение пространственно-экономической стабильности, социально-демографической безопасности является важным элементом координации эволюции приграничья. Целенаправленная поддержка пограничных районов включает в себя эффективное и рациональное использование природных ресурсов, создание благоприятных условий производства и жизнедеятельности, расширение возможностей населения, содействие трансграничным обменам, обеспечение стабильности и безопасности границ. Одним из ведущих направлений в развитии приграничных территорий выступает расширение приграничного экономического сотрудничества.

Пространственное развитие приграничных территорий, согласно системе регионоведческого знания, включает в себя такие политические направления, как охрана и укрепление границ, обеспечение благосостояния жизни людей, усиление пограничной обороны, поддержание взаимосвязи с прилегающими районами. Развитие приграничной региональной инфраструктуры основывается на поддержании в рабочем состоянии системы дорог, электроснабжения, водоснабжения, отопления, связи; усилении таких компонентов социальной сферы, как наука, образование, культура, здравоохранение и спорт; обеспечении экологической безопасности. В условиях удалённости приграничных районов от центра и формирования центр-периферийных отношений зачастую пограничные территории нуждаются в высококачественных комплексных преобразованиях.

Демографическое развитие приграничья, согласно регионоведению, в основном характеризуется миграционным оттоком, что вызвано разными причинами – от тяжёлых природных условий до высокой стоимости производства и проживания, а также отсутствия соответствующих возможностей для трудоустройства. Это выступает серьёзной угрозой ослабления потенциала приграничных территорий и формирования скрытых опасностей для стабильности и безопасности границ. Отток жителей из приграничных районов в основном включает в себя людей среднего возраста и молодёжь, что приводит к серьёзному старению населения приграничья.

Ещё одна особенность развития приграничных территорий – это активное включение в систему внешнеэкономических и торговых обменов, которое требует высоких затрат на строительство инфраструктуры и поддержание коммунальных услуг [7]. Кроме того, приграничные города в основном небольшие по размеру, находятся далеко от экономических центров и потребительских рынков, с крайне неудобной транспортной доступностью, слабой базой местного экономического развития, небольшим рынком и низким потенциалом в привлечении инвестиций.

Ключевыми моментами в содействии процветанию и стабильности приграничных регионов выступают следующие пространственно-демографические составляющие. Высококачественное развитие приграничья через создание важных пространственных узлов сосредоточения населения и промышленности в виде городов, посёлков и деревень. Содействие развитию характерных отраслей промышленности в приграничных районах является значимым средством увеличения доходов жителей приграничья. Предполагается поддержание различных форм трансграничного экономического сотрудничества, расширение приграничных товарных рынков и торговых центров, наращивание потенциала приграничных мелких торговых предприятий и развитие перерабатывающих и логистических отраслей, а также создание приграничных производственных и перерабатывающих баз. Процветание и стабильность приграничных территорий являются неотъемлемыми требованиями стратегирования регионального развития приграничных территорий. На первое место выходят задачи предоставления гарантий линии безопасности и стабильности в пограничных районах, эффективного использования сравнительных преимуществ приграничья при поддержке государства и усилиях самих приграничных регионов.

Регионоведческий подход с доминантой экономического усиления приграничных территорий

Как показывает анализ научных монографий отечественных учёных по проблемам развития приграничных регионов, в настоящее время в российской системе регионоведческого знания сформировалось несколько концептуальных подходов, обосновывающих современные тенденции эволюции приграничья и представляющих практические рекомендации по экономико-демографическому усилению пограничных территорий.

Подход с доминантой усиления приграничной региональной экономики является одним из основных в российской системе регионоведческого знания. М.В. Бильчак в своей работе по тематике приграничного развития комплексно разбирает роль интеграционных процессов в экономике пограничных территорий [8]. Учёный уделяет пристальное внимание изучению ресурсной базы и потенциалу социально-экономического развития приграничья, программированию сценариев усиления данных территорий, применению стратификационного анализа для повышения инвестиционной привлекательности приграничья. Работа коллектива авторов под руководством Т.В. Гомелько также имеет высокое практическое значение, потому что обосновывают процесс моделирования интеграционных экономических форм в приграничных территориях [9]. Учёные подробно разбирают создание приграничных экономических кластеров, целями которых служит повышение инвестиционной поддержки, рост научно-технологических инноваций, привлечение высококвалифицированной рабочей силы. Прикладные разработки исследователей имеют весомое зна-

чение в практике территориального управления приграничьем. Разработана инструкция по моделированию рыночных процессов в приграничных регионах, основанная на принципах интеграционного экономического сотрудничества. В монографии В.А. Шлямина подробно рассматриваются социально-экономические аспекты современного развития приграничных территорий России [1]. Учёный подробно разбирает принципы межрегионального сотрудничества приграничных регионов в условиях поддержания различных вариантов торговой кооперации. По мнению исследователя, экономические связи образуют своеобразный каркас приграничного взаимодействия. Трансграничные контакты воздействуют на обустройство транспортной, таможенной и пограничной инфраструктуры, стимулируют создание новых рабочих мест для жителей приграничья, содействуют трансформации промышленных производств. Вопросы экономической интеграции приграничных регионов подробно представлены в исследованиях Н.П. Рыжовой [2]. На основе использования экономико-географического анализа выявлено влияние интеграционных процессов на агломерационные эффекты в приграничных территориях. Н.П. Рыжова уделяет пристальное внимание изучению эффекта границ для национальных и приграничных рынков, формированию институтов приграничной открытости, функционированию трансграничных рынков, деловых сетей и неформальных трансграничных обменов.

Стратегирование устойчивого развития приграничных территорий представлено в работе Н.Р. Вязьминой [3]. По мнению учёного, ведущее значение в поддержании пространственно-экономической устойчивости сопредельных районов с другими государствами отводится расширению межрегионального экономического сотрудничества, обеспечивающего ликвидацию депрессивности и неравномерности. Н.Р. Вязьмина уделяет пристальное внимание изучению особенностей социально-экономического развития приграничных регионов, разработке методов оценки устойчивости социально-экономического развития приграничных территорий, определению направлений модернизации экономики приграничья. Анализу экономической безопасности приграничных регионов пристальное внимание уделяет К.Ю. Волошенко, подробно останавливаясь на формировании модели развития сопредельных с другими государствами территорий [10]. Данное исследование имеет высокое практическое значение при разработке общегосударственной стратегии пространственно-демографического развития приграничных регионов. Как утверждает К.Ю. Волошенко, приграничное положение региона в большинстве случаев характеризуется его удалённостью, некой оторванностью от крупных индустриально развитых центров. Поэтому сбалансированное пространственное развитие приграничных территорий требует разработки особых подходов, моделей, учитывающих природно-географическую и геополитическую специфику.

Одним из фундаментальных исследований по пространственно-экономической трансформации приграничных территорий является работа А.Б. Грачева, касающаяся

анализа хозяйственных комплексов малых и средних пограничных городов [11]. Учёный предлагает изучать приграничные территории через призму территориального развития регионального комплекса, включающего в себя внутреннее территориальное строение, систему отношений между процессами производства, условия их развития в пределах пограничных регионов. Ведущая роль в данном анализе отводится структурно-функциональным приграничным городам: многофункциональным, городам с преимущественным значением индустриальных центров, городам переходного типа, промышленным новым городам. Исследованию проблем развития приграничных регионов посвящена работа отечественного учёного Е.А. Малышева, в которой подробно рассматривается влияние инновационных факторов в преодолении кризисных экономических ситуаций в приграничье [12]. Предложена модель и методический инструментарий по выбору приоритетов социально-экономического роста пограничных территорий. Кроме того, Е.А. Малышевым разработана уникальная методика прогнозирования долгосрочных пространственных преобразований экономики сопредельных с другими государствами территорий. В научный оборот впервые П.В. Дружинин вводит категориальную структуру «приграничный регион в переходный период», в которой обосновывает расширение полномочий местных администраций приграничных территорий во времена реформирования [13]. Специфика влияния транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие приграничных регионов детально представлена в исследовании В.В. Бобровой [14]. Установлена ведущая роль транспорта для региональной экономики приграничья. Рассматривается вопрос взаимодействия экономик приграничных регионов соседних стран с точки зрения влияния на них имеющейся транспортной инфраструктуры, а также анализируется неравенство между уровнями экономического развития приграничных территорий. Особенности развития агропромышленной интеграции приграничных регионов с сопредельными территориями представлены в работе Е.С. Пермяковой [15]. Вводится в научный оборот категориальная структура «приграничное крупномасштабное хозяйственно-территориальное образование», рассмотрение которой проводится во взаимосвязи с определением роли приграничных регионов в развитии межрегиональных интеграционных отношений и росте экономики пограничных территорий. Особое внимание уделяется интеграционному развитию системы агропромышленных комплексов приграничных регионов.

Регионоведческий подход к формированию высококачественной социальной инфраструктуры приграничья

В современной системе российского регионоведческого знания выделяется подход с доминантой развития высококачественной приграничной социальной инфраструктуры. Особо следует обратить внимание на работу отечественного учёного О.Б. Малаховой, в которых представлены уровни стратегирования пограничных территорий

для достижения социально-экономического роста при минимальном ущербе природной экосистеме [16]. Исследователем выделены следующие этапы стратегирования социального приграничного развития: формирование миссии приграничного региона, определение стратегических целей развития, анализ потенциала социальной инфраструктуры, поиск экономических возможностей для рыночного развития, прогнозирование приграничной социальной динамики, разработка и реализация стратегий, оценка результативности стратегирования. Стоит отметить высокую практическую значимость исследований О.Б. Малаховой в части поэтапной региональной социальной политики в отношении приграничных территорий государства. Коллективом отечественных учёных под руководством В.А. Сапрыка проведено уникальное исследование по изучению социальных аспектов развития приграничных территорий, формированию имиджа подобных регионов и ведущей роли «мягкой силы» в поддержании пограничного сотрудничества [17]. Данными учёными уделяется пристальное внимание применению общественной дипломатии в снижении угроз социокультурного характера в трансграничном сотрудничестве.

Проблемы управления приграничными регионами становятся предметом исследования И.П. Чёрной, в работе которой установлена степень влияния процессов глокализации и транснационализации на расширение социального потенциала пограничных субъектов [18]. И.П. Чёрная обосновывает модель управления на трёх уровнях пограничья (микро-, мезо-, макро-). Кроме того, учёным выделен более обширный термин «трансграничный регион», на развитие которого влияет несколько государств с сопредельными территориями. Ведущее значение в развитии трансграничного региона отводится принципам «открытости». По мнению И.П. Чёрной, в приграничном взаимодействии переплетаются внешнеэкономические, демографические, социально-экономические и гуманитарные проблемы, для решения которых необходимо привлекать мировой научный опыт. Экономико-правовые аспекты в управлении приграничным регионом рассмотрены отечественным учёным В.В. Кудиновым [19]. В его работе проводится анализ нормативно-правового регулирования обеспечения приграничной безопасности государства, определяется ведущая роль органов государственной власти и местного самоуправления в совершенствовании законодательства о государственной границе. Обосновываются принципы общегосударственной и региональной политики по обеспечению пограничной безопасности. Исследование В.В. Кудинова имеет весомое практическое значение, потому что учёным разработаны принципы совершенствования законодательной базы в области охраны приграничных территорий государства. Сравнительный анализ опыта развития российских и зарубежных приграничных регионов проводит в рамках своего исследования российский учёный В.В. Котилко [20]. Автором установлены причины неэффективности формирования и реализации региональной социально-экономической политики на приграничных территориях. Сопоставление программ пространст-

венных преобразований производится между Россией, Китаем, Бразилией, Монголией и Испанией. Привлечение статистических данных позволяет В.В. Котилко установить результативность социального стратегирования развития приграничных территорий.

Регионоведческий подход с доминантой решения демографических проблем приграничных территорий

Особый интерес представляет работа отечественного исследователя Г.И. Немировой, посвящённая комплексному развитию пограничных субъектов государства [21]. Учёным выделяются критерии сбалансированного приграничного развития, объединяющие улучшение социально-экономических условий населения, рост региональной приграничной экономики, обеспечение ресурсной безопасности. Г.И. Немировой впервые введена в научный оборот категориальная структура «функциональная сбалансированность приграничного региона», в которой определяются пропорции между демографическим, экономическим, социальным, культурным потенциалом приграничья. Концепция сбалансированного социально-экономического развития приграничного региона Г.И. Немировой имеет практическую значимость в демографическом стратегировании сопредельных с другими государствами территорий. Демографические особенности развития приграничных регионов в рамках различных геополитических условий рассматривает отечественный учёный А.Ю. Горбачев, подробно останавливаясь на кризисных ситуациях в демографическом развитии приграничья [22]. Особо стоит отметить труд отечественного учёного Г.В. Мазаева, посвящённый применению лимнологического анализа в разработке моделей расселения приграничных районов в условиях приоритетности принципов национальной безопасности всей территории государства [5]. Учёным выделяются западная, кавказская, азиатская системы расселения, применимые в рамках приграничья, и обосновывается необходимость территориального планирования приграничных территорий. Практическую значимость имеет разработанная Г.В. Мазаевым методика построения «устойчивых паттернов» систем расселения, позволяющая выделить преимущества региональных систем. Учёный приходит к выводу, что существенную роль в формировании демографического потенциала играет именно приграничие.

В работе З.А. Даниловой уделено значительное внимание демографическим аспектам функционирования приграничных регионов [4]. Ключевым фактором экономической стабильности приграничных территорий, по мнению учёного, является международная трудовая миграция. Отмечается, что в условиях демографических кризисов больше всего страдают приграничные регионы, для развития которых необходимо проводить эффективную миграционную политику в целях стабилизации экономико-демографического ресурса приграничья. З.А. Данилова уделяет пристальное внимание определению роли иммиграционного потенциала квалифицированных

иностранных граждан, привлекаемых в приграничные районы с наиболее острыми экономическими потребностями в рабочей силе. Процессы наибольшей миграционной активности в приграничье подробно разбирает исследователь А.Н. Торенко, который выявляет различные причины сокращения численности местного населения пограничных регионов [6]. Учёным проводится подробный анализ влияния внешней национальной и глобальной сред на пространственное демографическое развитие приграничья. Выделяя и дифференцируя причины разбалансированности механизма регулирования миграционных процессов в приграничных регионах, А.Н. Торенко разрабатывает единую организационно-управленческую систему. Авторский коллектив под руководством А.Ю. Лукьяновой занимается исследованием проблем влияния миграции молодёжи на рынок труда приграничных регионов [23]. Практическое применение заслуживает авторский научно-обоснованный теоретико-методологический подход к пониманию сущности влияния миграции на трансформацию рынка труда молодёжи в региональном аспекте. Данные учёные уделяют внимание профориентации и миграции молодёжи как важнейшим элементам развития приграничного рынка труда, разбирают социальную безопасность рынка труда приграничья, разрабатывают комплексную оценку и методику прогнозирования динамики кадровой безопасности и трудового потенциала приграничных регионов, анализируют приграничную кадровую и миграционную политику.

Заключение

Таким образом, в системе современного научного регионоведческого знания одним из ключевых направлений выступает комплексное исследование развития приграничных регионов от оценки динамики геополитических, социально-экономических, демографических процессов в приграничье до разработки и формирования стратегий пространственного развития приграничных территорий. Данные направления не только представляют собой теоретические основы регионоведческого знания, но и имеют практическое значение в процессе осуществления региональной приграничной политики. В системе российского регионоведческого знания в настоящее время сформировались три ведущих научных подхода по различным аспектам приграничного регионального развития. Регионоведческий подход с доминантой экономического усиления приграничных территорий касается интеграционных процессов, внешнеэкономических связей, ликвидации неравномерности, поддержания экономической безопасности, развития приграничных крупномасштабных хозяйственно-территориальных образований. Второй регионоведческий подход затрагивает формирование высококачественной социальной инфраструктуры приграничья, касающейся определения социальной миссии приграничного региона, поиска социальных возможностей для эффективного приграничного рыночного развития. Третий регионоведческий подход касается решения демографических проблем пригранич-

ных территорий и включает в себя теоретические разработки по усилению демографического потенциала приграничья, варианты систем расселения, механизмы регулирования миграционных процессов в приграничных регионах.

Список источников

1. Шлямин В. А. Приграничный регион на Северо-Западе России. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2021. 185 с.
2. Рыжова Н. П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 348 с. EDN: RWHPDZ
3. Вязьмина Н. Р. Управление устойчивым развитием приграничного региона. Нижний Новгород: Изд-во ВВАГС, 2011. 126 с.
4. Данилова З. А. Международная трудовая миграция в приграничном регионе. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 196 с.
5. Мазаев Г. В. Градостроительная лимология. Системы расселения новых приграничных регионов России в условиях границ. Екатеринбург: Альфа Принт, 2024. 258 с.
6. Торенко А. Н. Организационный механизм регулирования миграционных процессов в приграничном регионе. М.: ЦНТБ пищевой промышленности, 2014. 194 с. EDN: TBNXSZ
7. Макеева С. Б. Современный этап межрегионального российско-китайского сотрудничества в условиях регионализации // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20, № 3. С. 382–387.
8. Бильчак М. В. Интеграция в приграничном регионе. Калининград: Изд-во Балтийского федерал. ун-та, 2012. 185 с.
9. Гомелько Т. В. Оптимизация интеграционных процессов в экономике приграничных регионов. Смоленск: Маджента, 2021. 159 с. EDN: ИТJYR
10. Волошенко К. Ю. Экономическая безопасность приграничного региона. Калининград: Изд-во Балтийского федерал. ун-та, 2021. 247 с.
11. Грачев А. Б. Пространственно-экономическая трансформация хозяйственных комплексов малых и средних городов приграничных регионов. Брянск: Ладомир, 2011. 311 с.
12. Малышев Е. А. Приоритеты инновационного развития приграничного региона: методология и практика. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2012. 261 с.
13. Дружинин П. В. Развитие экономики приграничных регионов в переходный период. Петрозаводск: Изд-во КНЦ РАН, 2005. 243 с.
14. Боброва В. В. Социально-экономическое развитие приграничных регионов с учётом влияния транспортной инфраструктуры. СПб.: Троицкий мост, 2023. 195 с.
15. Пермякова Е. С. Развитие агропромышленной интеграции приграничного региона с сопредельными территориями. Барнаул: Петров, 2019. 118 с.

16. Малахова О. Б. Выбор стратегических направлений развития приграничного региона. Оренбург: Университет, 2011. 158 с.
17. Сапрыка В. А. Общественная дипломатия и гражданское общество приграничных регионов. Белгород: Эпицентр, 2021. 213 с.
18. Черная И. П. Проблемы управления развитием приграничного региона в условиях глокализации. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 278 с.
19. Кудинов В. В. Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности приграничного региона. Курган: Изд-во Курганской ГСХА, 2020. 162 с.
20. Котилко В. В. Приграничные регионы России и опыт развития приграничных районов за рубежом. М.: Изд-во РУДН, 2016. 253 с.
21. Немирова Г. И. Социально-экономическое развитие приграничного региона: теория и практика. М.: Экономика, 2009. 381 с.
22. Горбачев А. Ю. Геополитические аспекты демографического развития приграничных регионов. М., 2006. 26 с.
23. Лукьянова А Ю. Влияние миграции молодежи на рынок труда приграничных регионов Северного Кавказа. Ставрополь: Фабула, 2020. 199 с

References

1. Shlyamin V. A. Prigranichnyj region na Severo-Zapade Rossii [Border region in the North-West of Russia]. Petrozavodsk: Publishing House of Petrozavodsk State University, 2021. 185 p.
2. Ryzhova N. P. Jekonomicheskaja integracija prigranichnyh regionov [Economic integration of border regions]. Khabarovsk: IEI FEB RAS, 2013. 348 p.
3. Vyazmina N. R. Upravlenie ustojchivym razvitiem prigranichnogo regiona [Management of sustainable development of the border region]. Nizhny Novgorod: VVAGS Publishing House, 2011. 126 p.
4. Danilova Z. A. Mezhdunarodnaja trudovaja migracija v prigranichnom regione [International labor migration in the border region]. Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2011. 196 p.
5. Mazaev G. V. Gradostroitel'naja limologija. Sistemy rasselenija novyh prigranichnyh regionov Rossii v uslovijah granic [Urban limology. Settlement systems of new border regions of Russia in the context of borders]. Yekaterinburg: Alfa Print, 2024. 258 p.
6. Torenko A. N. Organizacionnyj mehanizm regulirovanija migracionnyh processov v prigranichnom regione [Organizational mechanism for regulating migration processes in the border region]. Moscow: Central Scientific and Technical Library of the Food Industry, 2014. 194 p.
7. Makeeva S. B. Sovremennij jetap mezhregional'nogo rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva v uslovijah regionalizacii [The current stage of interregional Russian-Chinese cooperation in the context of regionalization]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Ser. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija*, 2020, no. 3, pp. 382–387.

8. Bilchak M. V. Integracija v prigranichnom regione [Integration in the border region]. Kaliningrad: Publishing House of the Baltic Federal University, 2012. 185 p.
9. Gomelko T. V. Optimizacija integracionnyh processov v jekonomike prigranichnyh regionov [Optimization of integration processes in the economy of border regions]. Smolensk: Magenta Publ., 2021. 159 p.
10. Voloshchenko K. Yu. Jekonomicheskaja bezopasnost' prigranichnogo regiona [Economic security of the border region]. Kaliningrad: Publishing House of the Baltic Federal University, 2021. 247 p.
11. Grachev A. B. Prostranstvenno-jekonomicheskaja transformacija hozjajstvennyh kompleksov malyh i srednih gorodov prigranichnyh regionov [Spatial and economic transformation of economic complexes of small and medium-sized cities in border regions]. Bryansk: Lodomir Publ., 2011. 311 p.
12. Malyshev E. A. Prioritety innovacionnogo razvitija prigranichnogo regiona: metodologija i praktika [Priorities of innovative development of the border region: methodology and practice]. Chita: Publishing House of ZabSU, 2012. 261 p.
13. Druzhinin P. V. Razvitie jekonomiki prigranichnyh regionov v perehodnyj period [Development of the economy of border regions in the transition period]. Petrazavodsk: Publishing House of the KSC RAS, 2005. 243 p.
14. Bobrova V.V. Social'no-jekonomicheskoe razvitie prigranichnyh regionov s uche-tom vlijanija transportnoj infrastruktury [Socio-economic development of border regions taking into account the impact of transport infrastructure]. SPb.: Troitsky Most Publ., 2023. 195 p.
15. Permyakova E.S. Razvitie agropromyshlennoj integracii prigranichnogo regiona s sopredel'nymi territorijami [Development of agro-industrial integration of the border region with adjacent territories]. Barnaul: Publishing House "Petrov", 2019. 118 p.
16. Malakhova O.B. Vybor strategicheskikh napravlenij razvitija prigranichnogo regiona [Selection of strategic directions for the development of the border region]. Orenburg: University Publ., 2011. 158 p.
17. Sapryka V.A. Obshhestvennaja diplomatija i grazhdanskoe obshhestvo prigranichnyh regionov [Public diplomacy and civil society of border regions]. Belgorod: Epicenter Publ., 2021. 213 p.
18. Chernaya I.P. Problemy upravlenija razvitiem prigranichnogo regiona v uslovijah globalizacii [Problems of managing the development of a border region in the context of globalization]. Vladivostok: Publishing house of VSUES, 2006. 278 p.
19. Kudinov V.V. Jekonomiko-pravovoe obespechenie jekonomicheskoy bezopasnosti prigranichnogo regiona [Economic and legal support for economic security of the border region]. Kurgan: Publishing house of the Kurgan State Agricultural Academy, 2020. 162 p.
20. Kotilko V.V. Prigranichnye regiony Rossii i opyt razvitija prigranichnyh rajonov za rubezhom [Border regions of Russia and the experience of border area development abroad]. Moscow: RUDN University Publishing House, 2016. 253 p.

21. Nemirova G.I. Social'no-jekonomicheskoe razvitie prigranichnogo regiona: teorija i praktika [Socio-economic development of the border region: theory and practice]. Moscow: Economics Publ., 2009. 381 p.

22. Gorbachev A.Yu. Geopoliticheskie aspekty demograficheskogo razvitija prigranichnyh regionov [Geopolitical aspects of the demographic development of border regions]. Moscow, 2006. 26 p.

23. Lukyanova A.Yu. Vlijanie migracii molodezhi na rynek truda prigranichnyh regionov Severnogo Kavkaza [The impact of youth migration on the labor market of the border regions of the North Caucasus]. Stavropol: Fabula Publ., 2020. 199 p.

Информация об авторах / Information about the authors

С.Б. Макеева – доктор исторических наук, доцент, заведующий отделом региональной демографии Института демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (Москва, Российская Федерация),

✉ msbmag9581@yandex.ru

S.B. Makeeva – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Regional Demography, Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 26.02.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 06.05.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 28–44.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 28–44.

Научная статья

УДК 330.564.2(73)“1929/1957”

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/28-44>

Доходы населения США в периоды Великой депрессии и Второй мировой войны

Игорь Васильевич Митрошин

ООО «Интернешнл Бизнес Консалтинг Групп»,

Москва, Российская Федерация;

Российская таможенная академия, Люберцы,

Российская Федерация

✉ timgarick@yandex.ru

Аннотация. Великая депрессия и Вторая мировая война – важные события в истории человечества в XX веке. Устройство мира, сформированное в то время, действует по настоящее время, хотя и подошло к крупнейшему политическому кризису, требующему перемен. США являются важнейшим участником событий тех лет и до сих пор остаются страной, формирующей текущую повестку на мировой политико-экономической сцене. Эта страна является главным инициатором гибридной войны против России, в связи с чем вызывает интерес не только её настоящее, но и прошлое. Любые экономические изменения отражаются на уровне жизни населения. В настоящей работе проведён анализ доходов населения США за 1929–1957 гг. По результатам исследования выявлено, что после существенного падения доходов граждан в период Великой депрессии (1929–1932 гг.) и некоторого посткризисного восстановления отмечается резкий рост доходов граждан в период Второй мировой войны. Причём сразу после войны личные доходы американцев существенно снизились, что отражает наступление нового кризиса. Структура источников доходов населения отражает рост государственного, а в частности военного, сектора экономики. Воспользовавшись войной, США смогли превратиться в крупнейшую и доминирующую экономику мира.

Ключевые слова: доходы населения, Великая депрессия, Вторая мировая война, частный и государственный секторы, государственное регулирование экономики, милитаризация

Для цитирования: Митрошин И.В. Доходы населения США в периоды Великой депрессии и Второй мировой войны // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 28–44.

Original article

Income of the US population during the Great Depression and World War II

Igor V. Mitroshin

LLC "International Business Consulting Group",

Moscow, Russian Federation;

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russian Federation

✉ timgarick@yandex.ru

Abstract. The Great Depression and World War II are important events in the history of mankind in the 20th century. The world order established at that time remains in place today, although it has reached a major political crisis requiring changes. The United States is a key participant in the events of those years and still remains a country that shapes the current agenda on the world political and economic stage. This country is the main initiator of the hybrid war against Russia, in connection with which not only its present, but also its past is of interest. Any economic changes are reflected in the standard of living of the population. In this paper, an analysis of the income of the US population for 1929–1957 is conducted. The results of the study revealed that after a significant drop in citizens' incomes during the Great Depression (1929–1932) and some post-crisis recovery, a sharp increase in citizens' incomes was noted during the Second World War. Moreover, immediately after the war, the personal income of Americans decreased significantly, which reflects the onset of a new crisis. The structure of sources of income of the population reflects the growth of the state, and, in particular, the military sector of the economy. Taking advantage of the war, the USA was able to turn its country into the largest and dominant economy in the world.

Keywords: income of the population, the Great Depression, World War II, private and public sectors, state regulation of the economy, militarization

For citation: Mitroshin I.V. Income of the US population during the Great Depression and World War II. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 28–44. (In Russ.).

Введение

Известно, что развитие человечества происходит по спирали, многие вещи повторяются, проявляясь уже в новых формах. Например, модные тренды одежды или направления в искусстве. Таким же образом осуществляется экономическое развитие

существующей цивилизации. Событиям, происходящим в настоящем, всегда можно найти аналоги в прошлом. Можно попытаться предусмотреть, подготовиться или даже спровоцировать события в будущем на основе анализа прошлого. Понимая цикличность рыночной экономики, можно определить точки роста и снижения уровня её развития. В условиях современной турбулентности на международной политической сцене становится актуальным проведение анализа и прогнозирование развития мировой экономики. Главным двигателем изменений в мире, безусловно, являются Соединённые Штаты Америки, чьё политическое и экономическое доминирование пока ещё продолжается. Поэтому вызывает интерес не только состояние экономики этой страны в настоящее время, а также влияние некоторых исторических событий в прошлом на её народное хозяйство. Точнее сказать, сама экономическая ситуация в то время могла спровоцировать некоторые политические события.

Индикатором, отражающим состояние экономического развития страны, являются благосостояние её граждан, уровень жизни её населения. Они определяются множеством показателей, самым важным из которых, пожалуй, являются доходы населения. Благодаря доходам формируется не только текущее благосостояние граждан, но и их накопления и инвестиции на будущее, определяющие уровень и качество их жизни и жизни следующих поколений в будущем. В настоящей работе проведён анализ доходов населения в США за 1929–1957 гг., то есть исследованием охвачен период Великой депрессии, Второй мировой войны и первого послевоенного десятилетия.

К проблемам исследования уровня жизни граждан, а также анализа экономической ситуации в США обращаются и другие авторы. В исследовании С.И. Абрамян, А.А. Федотова [1] рассматриваются функциональные взаимосвязи человеческого потенциала и уровня жизни населения. Работа Д.А. Гучмазовой [2] посвящена мировым тенденциям дифференциации доходов населения. Авторы И.П. Данилов, Т.И. Ладыхова в своей статье [3] анализируют доходы населения в контексте индикативного планирования. В публикации Е.В. Дорошенко [4] рассматривается взаимосвязь дохода и личностных характеристик человека, а также их влияние на уровень его благополучия. Работа В.А. Капитанова, А.А. Ивановой, А.Ю. Максимовой посвящена выявлению трендов падения доходов населения США на протяжении пяти последних десятилетий. В исследовании К.А. Кузнецовой [6] рассматривается проблема формирования личных доходов в современных условиях. Автор Г.В. Леонидова в своей статье [7] анализирует пути снижения социального неравенства в свете экономических и социальных перемен. В работе Ф.А. Мирсаидовой [8] доходы населения рассматриваются как основной источник повышения уровня жизни населения. Автор настоящего исследования обращался ранее в своём исследовании [9] к анализу региональных особенностей доходов и расходов населения в Канаде, которая является соседом США, в связи с чем экономика и культура этих двух стран во многом

схожи. Учёные Е.Я. Пастухова, Т.А. Бельчик, О.П. Кочнева в своей статье [10] рассматривают долгосрочные тренды и факторы влияния на доходы, бедность и потребительские расходы регионов. В работе П.Ю. Петрова [11] анализируется модель пропорционального перераспределения личных доходов. Публикация Н.Е. Петровской, И.А. Суваловой [12] посвящена анализу влияния креативных индустрий на уровень жизни в США в XXI веке на примере штатов Калифорния, Нью-Йорк и Флорида. Исследователь Е.В. Такмакова в своей работе [13] рассматривает направления совершенствования политики доходов населения на базе системы социальной стандартизации. Группа учёных в эссе [14], посвящённом памяти Джона Е. Мюррея, проводит теоретический и методологический анализ стандартов жизни населения. Группа авторов из университета Гронингема в своей работе [15] анализирует долгосрочные перспективы человеческого благополучия и развития. Словацкие учёные в своём исследовании [16] рассматривают стандарты жизни человека как факторы конкурентоспособности страны.

Материалами для исследования послужили данные федеральной статистики США (Census)¹, Бюро экономического анализа США² и Бюро статистики труда США³. Все таблицы и рисунки сформированы на основе этих данных. В работе использован метод сравнения, когда сопоставляются данные доходов граждан за рассматриваемый период по различным географическим областям страны. Метод измерения использован в части расчёта отдельных величин, таких как: реальные доходы на душу населения, удельный вес отдельных статей в общих доходах населения, соотношения личных доходов по географическим областям со средними данными в целом по США. Метод анализа применён в части разложения отдельных показателей исследования по различным категориям, например по отраслям или по видам доходов. Метод синтеза применён в части объединения частных выводов и результатов исследования. Метод наблюдения использован в части формирования отдельных расчётных показателей, формирования динамики показателей.

Результаты исследования

Один из сильнейших экономических кризисов, произошедших в новой истории человечества, известен как Великая депрессия. В первую очередь он захватил наиболее развитые западные страны, то есть страны с рыночным способом хозяйствования. Сильнейшее воздействие он оказал на Соединённые Штаты Америки, в связи с чем также называется Великой американской депрессией. Последствия этого кризиса в Европе привели к развитию националистических экстремистских настроений, особенно в Германии, проигравшей в Первой мировой войне и желающей реванша.

¹ Statistics Census. URL: <https://www.census.gov> (дата обращения: 06.01.2025).

² U.S. Bureau of Economic Analysis. URL: <https://www.bea.gov> (дата обращения: 06.01.2025).

³ U.S. Bureau of Labor Statistics. URL: <https://data.bls.gov> (дата обращения: 06.01.2025).

В конечном итоге результатом глобального кризиса стала Вторая мировая война, приведшая к десяткам миллионов жертв и превращению Европейского континента в руины, особенно его восточной части, включая Советский Союз. Кроме того, война привела к появлению оружия массового уничтожения, жесточайшим военным преступлениям. Хиросима и Нагасаки стали именами нарицательными для всего мира. Экономический кризис не был единственной причиной войны, однако стал для неё мощным импульсом.

Важнейшим показателем, определяющим уровень жизни населения, являются доходы граждан. Динамика доходов жителей США в 1929–1957 гг. отражает степень их благосостояния, а также степень состояния экономики страны в целом (рис. 1). Доходы граждан рассчитаны в ценах 1929 года с целью возможности производить сравнительный анализ. В рассматриваемый период включены годы Великой депрессии, годы выхода из кризиса и предвоенные годы, годы Второй мировой войны и двенадцать послевоенных лет. На наш взгляд, принятый период чётко отражает происходящие политические и экономические события как внутри США, так и за пределами страны.

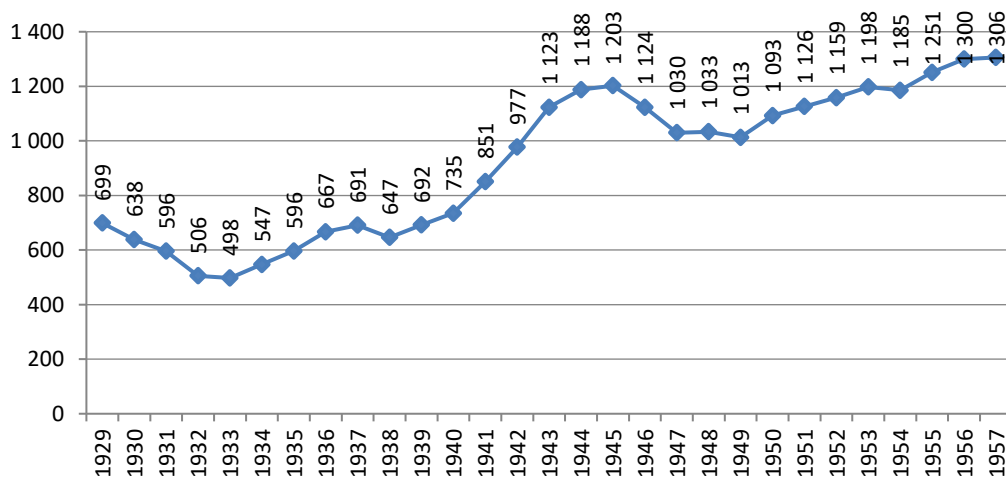

Рис. 1. Реальные доходы на душу населения в США в 1929–1957 гг., в ценах 1929 года, доллар США¹

Fig. 1. Real income per capita in the USA in 1929–1957, in 1929 prices, US dollar

В период экономического кризиса, то есть в течение 1929–1932 гг., происходило значительное снижение доходов населения. За этот период доходы снизились на 28,8%. В 1929–1932 гг. снижение этого показателя происходило примерно на 10% в год. Самый высокий темп снижения доходов населения зафиксирован в 1932 году –

¹ Источник информации по индексам цен в США: Inflation Rates and CPI.
URL: <https://www.rateinflation.com> (дата обращения: 08.01.2025).

15,1% по отношению к предыдущему году. То есть самым тяжёлым временем для граждан были последние годы кризиса. В 1933 году темп снижения доходов американцев составил 1,6% по отношению к предыдущему году.

В период с 1934 по 1937 год происходит рост доходов граждан, что, безусловно, связано с окончанием депрессивных явлений в экономике страны и медленным ростом производства. За четыре года доходы населения вырастают на 38,8%, почти достигая уровня 1929 года. Среднегодовые темпы роста доходов граждан в этот период составляют 8,6%. В 1938 году произошло снижение реальных доходов населения на 6,4%. Снижение доходов граждан в этот период могло быть связано с внутренними факторами, воздействующими на экономику страны, так как Вторая мировая война ещё не началась.

В 1939–1940 гг. вновь происходит рост доходов граждан со средними темпами 6,4%. В 1940 году уровень реальных доходов среднего американца уже на 5,2% превышает аналогичный показатель 1929 года. В 1941–1943 гг., в самый разгар войны, когда США уже присоединились к ней, происходит резкий рост доходов населения США. В 1941 году среднегодовые темпы роста этого показателя составили 15,8%, в 1942 г. – 14,8%, в 1943 г. – 14,9%. В 1944 году темп роста личных доходов составил 5,8%, а в 1945 г. – всего лишь 1,3%. Самые высокие темпы роста доходов граждан в США зафиксированы в 1941–1943 гг., то есть в самый разгар мировой войны. Рост уровня жизни граждан отражает рост экономики страны в целом. В связи с этим Соединённые Штаты Америки были в то время, пожалуй, единственной страной, действительно поднявшей свою экономику на высокий уровень. Рост благосостояния граждан показывает, что США, подстроившись под текущую политическую ситуацию, а иногда провоцируя её, зарабатывали на войне, выводя страну из глубочайшего кризиса.

В 1946–1947 гг., по окончании Второй мировой войны, доходы населения в США значительно снизились – за два года на 14,4%. В 1948–1949 гг. уровень доходов практически не изменился, и только с 1950 года начался медленный рост личных доходов. В 1954 году зафиксирована точка небольшого снижения этого показателя (–1,1%), в дальнейшем вновь продолжился стабильный рост. За период с 1949 по 1957 гг. доходы граждан выросли на 28,9%. После завершения войны США потребовалось время, чтобы перестроить экономику под новые реалии. Прекращение военных действий сократило уровень государственного заказа в оборонной промышленности, что стало следствием послевоенного кризиса. Однако начавшаяся гонка вооружений и холодная война с СССР дали новый импульс американской военной промышленности и вывели экономику США из кризиса.

Зависимость уровня доходов граждан от состояния оборонного комплекса отражает также зависимость экономики Соединённых Штатов в целом от положения дел в военной промышленности. Рост доходов граждан в периоды масштабных боевых действий, в которых участвуют США, отражает экономическую систему, построен-

ную на принципах милитаризма. Если учесть, что мировая финансовая и платёжная системы также базируются на долларе США, можно утверждать, что увеличение военных расходов не является тяжёлым бременем для государственного бюджета, так как страна получает компенсацию, покрывающую с лихвой осуществлённые затраты. Указанная компенсация возникает за счёт роста военной промышленности в стране, расширения сфер политического и экономического влияния, увеличения экспорта оружия и т.д.

Уровень жизни населения на территории США неоднороден. Соответственно, доходы граждан также неоднородны в различных географических регионах, штатах, территориях страны. Динамика отношения доходов на душу населения в основных географических областях США к средним доходам на душу населения в стране в 1929–1957 гг. отражает различия в уровне жизни населения (табл. 1).

В 1929 году самые высокие доходы населения зафиксированы на Среднем Востоке, куда входят такие мегаполисы, как Нью-Йорк, Вашингтон (округ Колумбия) и Филадельфия. Однако в период Второй мировой войны ситуация меняется и на первое место по уровню доходов граждан выходит Дальний Запад, в который входят, кроме прочих, штаты Тихоокеанского побережья, такие как Калифорния, Орегон, Вашингтон. Крупные мегаполисы этой области – Лос-Анджелес, Портленд, Сиэтл. Именно в военный и послевоенный периоды происходит активное освоение и развитие Калифорнии. Появляется такое понятие, как «калифорнийская мечта», когда миллионы американцев и иммигрантов из других стран стремятся туда за лучшей жизнью. Доходы граждан в США в целом за двадцать восемь анализируемых лет выросли в 1,87 раза, при этом на Дальнем Западе их рост за этот период составил 2,85 раза.

В течение рассматриваемого периода произошло сокращение существующей разницы, то есть уравнивание доходов населения. Если в 1929 году самые низкие среднегодовые доходы граждан, зафиксированные на Юго-Востоке, были на 48,1% ниже среднеамериканских значений, то в 1957 году самые низкие доходы, зафиксированные там же, были ниже среднеамериканских всего лишь на 26%. В 1929 году самые высокие доходы населения, зафиксированные на Среднем Востоке, были выше среднеамериканских значений на 39,1%, а в 1957 году самые высокие доходы населения, зафиксированные на Дальнем Западе, превышали среднеамериканские значения только на 20,7%. В регионах с низким уровнем личных доходов темпы роста этого показателя в рассматриваемый период были выше среднеамериканских, а в регионах с высоким уровнем жизни населения темпы роста личных доходов были ниже среднеамериканских. Исключение составляют штаты Дальнего Запада, где зафиксированы темпы роста доходов населения выше средних значений по США. На наш взгляд, «уравнивание» доходов населения по географическому признаку связано с развитием страны, строительством коммуникаций, дорог, новых технологий, что сократило зависимость благосостояния граждан от места их проживания.

Таблица 1

Отношение доходов на душу населения в основных географических областях к средним доходам на душу населения в США в 1929–1957 гг., %

Ratio of per capita income in major geographic areas to average per capita income in the United States, 1929–1957, %

Годы	Новая Англия	Средний Восток	Великие озёра	Юго-Восток	Равнины	Скалистые горы	Юго-Запад	Дальний Запад
1929	125,3	139,1	113,9	51,9	81,0	84,3	67,2	129,5
1930	129,8	143,3	109,2	49,9	81,2	85,7	64,1	130,8
1931	136,0	144,9	107,0	51,3	79,0	79,5	63,1	129,4
1932	142,8	147,5	102,0	50,5	77,9	82,1	62,2	130,8
1933	142,7	145,3	100,8	54,9	74,1	83,7	65,6	132,0
1934	137,7	141,0	105,4	57,6	72,4	85,7	66,0	130,2
1935	131,0	135,4	108,8	56,2	84,5	91,6	67,1	127,9
1936	129,7	135,8	110,2	57,0	76,8	93,3	67,2	132,5
1937	125,0	132,5	113,6	57,2	82,4	86,5	70,6	127,5
1938	124,9	133,7	108,1	57,1	82,5	91,7	73,4	135,0
1939	127,3	133,7	111,1	57,2	81,5	89,3	71,5	131,2
1940	128,0	133,7	111,3	57,5	80,0	88,2	70,5	132,7
1941	126,4	127,8	112,3	61,2	81,8	89,9	70,8	135,1
1942	121,7	120,9	108,5	65,7	87,3	98,6	78,1	138,9
1943	116,0	118,6	110,8	66,3	87,6	97,6	82,2	137,3
1944	110,3	120,2	108,9	68,9	87,2	91,7	85,3	130,0
1945	108,5	121,3	108,0	69,9	89,8	94,7	84,1	124,4
1946	110,1	120,6	106,8	68,6	93,0	96,1	81,2	127,5
1947	109,4	118,4	109,6	67,5	94,0	100,7	84,0	124,8
1948	105,2	114,0	110,6	69,8	100,8	101,0	83,6	122,9
1949	105,1	115,2	107,9	69,8	94,2	101,1	91,5	125,2
1950	107,3	115,2	109,4	69,5	95,8	100,5	87,5	123,7
1951	107,7	113,4	110,5	70,6	94,0	103,8	87,4	123,8
1952	108,0	112,3	109,2	71,3	94,4	102,8	88,2	124,9
1953	107,1	112,7	111,8	71,6	91,3	96,5	86,8	122,6
1954	107,3	112,7	108,6	71,9	94,6	96,1	88,8	122,4
1955	108,8	112,3	109,2	73,0	90,2	96,0	88,0	123,0
1956	109,6	113,2	108,9	73,5	88,8	95,7	87,6	121,6
1957	110,3	114,0	107,5	73,1	91,2	97,3	87,9	120,7

Динамика доходов населения, дифференцированных по источникам их возникновения, отражает социально-экономические изменения в США в 1929–1957 гг. (табл. 2). Наибольшую долю в доходах граждан в анализируемом периоде занимала заработная плата. В годы Второй мировой войны её доля немного выросла – с 59–60 до 67%. После окончания войны удельный вес заработной платы в личных доходах незначительно снижался, однако впоследствии вновь вырос. Изменение доли зара-

ботной платы примерно совпадает с изменением общей суммы доходов населения. В периоды роста доходов граждан её доля растёт, а в периоды их снижения – падает.

Таблица 2

**Удельный вес разных видов доходов населения в общих личных доходах
в 1929–1957 гг., %**

The share of different types of income of the population in total personal income in 1929–1957, %

Годы	Заработная плата	Доходы от предпринимательской и фермерской деятельности	Проценты, дивиденды, доходы от сдачи имущества в аренду	Социальные трансферты
1929	59,14	16,46	22,02	2,39
1930	60,36	14,23	22,70	2,71
1931	59,59	12,69	22,89	4,82
1932	60,63	9,99	24,45	4,92
1933	61,41	11,18	22,39	5,01
1934	62,33	12,98	20,10	4,59
1935	60,32	16,68	18,36	4,64
1936	60,57	15,05	18,49	5,89
1937	61,72	16,79	17,94	3,54
1938	62,22	15,38	17,83	4,57
1939	62,42	15,14	17,96	4,49
1940	62,76	15,45	17,19	4,59
1941	63,40	17,09	15,11	4,40
1942	64,65	18,63	12,43	4,28
1943	67,27	18,49	10,84	3,39
1944	67,93	17,97	10,59	3,51
1945	65,73	18,33	10,91	5,03
1946	61,07	19,83	11,38	7,72
1947	63,13	17,98	11,57	7,31
1948	63,40	18,59	11,39	6,62
1949	63,77	16,61	12,22	7,40
1950	62,93	16,17	12,64	8,26
1951	64,87	16,29	11,84	7,00
1952	65,62	15,41	11,87	7,10
1953	66,41	14,19	12,27	7,12
1954	65,21	14,13	13,15	7,52
1955	65,40	13,80	13,22	7,59
1956	65,80	13,29	13,24	7,66
1957	65,18	13,11	13,48	8,23

Ситуация, аналогичная изменениям удельного веса заработной платы в доходах граждан, наблюдается с доходами от предпринимательской и фермерской деятельности. Удельный вес этих доходов в доходах домохозяйств повышается в периоды роста экономики, а в периоды кризисов происходит снижение их удельного веса. Во

время экономического подъёма происходит рост экономической активности граждан, увеличивается доля малого предпринимательства в экономике страны. Однако основным источником доходов граждан в любом периоде остаётся заработная плата. Также отмечается спад доходов от предпринимательства и фермерства в течение первого послевоенного десятилетия.

Доля процентов, дивидендов, доходов от сдачи имущества в аренду в общих доходах граждан снижалась практически на протяжении всего рассматриваемого периода. Наблюдается незначительный рост этой доли в 1932 году (максимальное значение за 1929–1957 гг.), то есть в самый тяжёлый кризисный год для США. Наименьшее значение доли этих доходов зафиксировано в 1944 году, то есть во время пика экономического роста в стране. Доля этих доходов снижается в периоды экономического подъёма и повышается в периоды экономического спада. На наш взгляд, на сокращение этих доходов повлияла также финансово-экономическая политика американского правительства, направленная на увеличение регулирования и контроля рынка со стороны государства.

Рост удельного веса социальной поддержки граждан со стороны государства наблюдается на протяжении всего рассматриваемого периода. Особенно увеличение этих доходов населения заметно в послевоенные годы. В это время происходила перестройка финансовой системы как США, так и мира в целом. В связи с этим в стране были увеличены социальные расходы государственного бюджета на поддержку слабозащищённых слоёв населения. Однако удельный вес этих поступлений в общих доходах граждан оставался незначительным, едва превышая 8% в 1957 году. Увеличив контроль рынка, правительство США не изменило основное направление развитие экономики – это политика свободного развития рыночных отношений, относительно невысоких налогов и незначительной доли в государственном бюджете расходов на социально-культурную сферу.

Разделение доходов населения по сферам экономики, в которых граждане получают эти доходы, отражает структуру народного хозяйства и динамику его изменения в США в 1935–1955 гг. (табл. 3). Наибольшую долю в общих доходах населения на протяжении всего рассматриваемого периода занимает торговля, которая варьируется в пределах 16–20%. Самые низкие показатели личных доходов в этой отрасли зафиксированы в 1945 году, то есть в течение Второй мировой войны происходит снижение активности сектора торговли в экономике страны. Скорее всего, это происходит за счёт вытеснения её другими отраслями народного хозяйства. Например, за счёт промышленного производства, удельный вес которого в доходах граждан растёт на протяжении всех двадцати восьми анализируемых лет. Сначала происходит посткризисное восстановление промышленности, в дальнейшем война даёт новый импульс развитию производства, которое продолжает расти и в послевоенные годы. Рост промышленного производства отражает рост экономики США в целом в течение рассматриваемых лет.

Таблица 3

Разделение общих личных доходов в США по удельному весу каждой отрасли в 1935–1955 гг. с шагом 5 лет, %
 Division of total personal income in the United States by the specific weight of each industry in 1935–1955 in 5-year increments, %

Год	1930	1935	1940	1945	1950	1955
Всего доходы	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
<i>1. Частный сектор, всего</i>	<i>90,48</i>	<i>85,49</i>	<i>85,85</i>	<i>78,60</i>	<i>86,94</i>	<i>85,06</i>
1.1 Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство	9,05	12,19	8,14	9,72	8,49	5,29
1.2 Добывающая промышленность	2,35	2,11	2,18	1,59	1,95	1,65
1.3 Строительство	5,11	2,68	3,83	2,80	6,00	6,21
Промышленное производство	24,75	23,60	26,10	28,51	28,56	30,13
1.4 Транспорт, связь, коммунальное хозяйство	10,47	9,16	8,92	7,52	8,16	7,86
1.5 Торговля	19,47	18,33	20,30	16,56	18,65	17,70
1.6 Финансы, страхование, недвижимость	5,31	4,86	4,47	2,85	4,09	4,62
1.7 Прочие услуги	13,96	12,55	11,91	9,04	11,04	11,59
<i>2. Государственный сектор, всего</i>	<i>9,52</i>	<i>14,51</i>	<i>14,15</i>	<i>21,40</i>	<i>13,06</i>	<i>14,94</i>
2.1 Федеральные государственные организации	2,18	4,57	5,79	5,78	4,09	4,36
2.2 Военный сектор	0,59	0,71	1,13	11,62	3,10	4,09
2.3 Региональные и муниципальные государственные организации	6,74	9,23	7,23	4,00	5,87	6,49

В период Второй мировой войны происходит незначительное снижение добывающего сектора, который и так не занимал существенной доли в доходах населения. Причём в послевоенное время не происходит значительного увеличения удельного веса этого сектора в доходах граждан. В период мировой войны также происходит снижение долей в личных доходах таких отраслей, как финансы, страхование, недвижимость; строительство; прочие услуги. Однако в послевоенное время их доли вновь увеличиваются. Вполне логично, что экономика США в военный период концентрируется на промышленном производстве. В финансовом секторе и строительстве во время войны снижение доли доходов граждан происходит почти в два раза. В течение всего анализируемого периода снижается доля доходов граждан в отраслях транспорта, связи и коммунального хозяйства. Наибольшее снижение зафиксировано в 1945 году, далее происходит незначительное увеличение доли таких доходов.

Особое внимание привлекает государственный сектор экономики, доля которого снижается в период глобального кризиса, увеличивается в военный период, а после войны вновь снижается. Разделение доли государственного сектора по видам отражает определённую неравномерность распределения доходов. В период войны увеличивается доля федеральных государственных организаций и военного сектора, а доля региональных и муниципальных организаций снижается. Причём удельный вес военного сектора в доходах населения в 1945 году, по сравнению с кризисным 1930 годом, вырос в 19,7 раза. В период Великой депрессии США резко снизили военные расходы, а во время Второй мировой войны произошло их наращивание. В послевоенные годы доля доходов граждан в военном секторе снизилась до 3–4%, однако это выше показателя 1930 года в 6–7 раз. В межкризисные и послевоенные годы также увеличивается доля личных доходов в региональных и муниципальных государственных организациях.

Динамика доходов населения США в государственном и частном секторах в 1929–1957 гг. лучше всего отображается графическим способом (рис. 2). В период Великой депрессии доля государственного сектора в доходах граждан увеличилась в 1,8 раза, достигнув 14,64%. В дальнейшем доля государственных компаний сохранялась примерно на прежнем уровне до начала Второй мировой войны. Снижения доли государственного сектора в доходах населения не произошло, несмотря на окончание кризиса. На наш взгляд, это связано с политикой правительства США, когда государство усилило контроль и регулирование свободного рынка. Соответственно, была увеличена доля государственного сектора, как в бизнесе, так и в непроизводственной сфере.

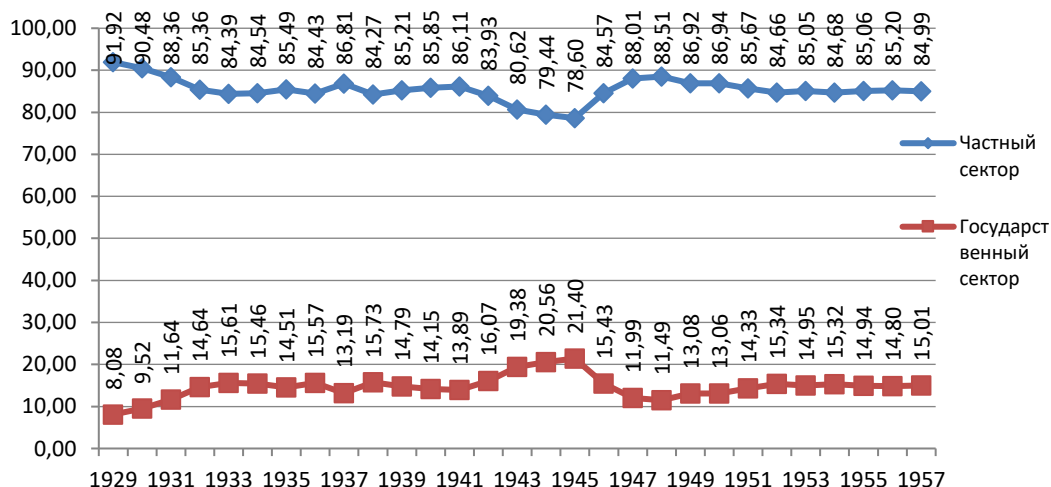

Рис. 2. Удельный вес частного и государственного секторов в доходах населения США в 1935–1957 гг., %

Fig. 2. Share of private and public sectors in the US population income in 1935–1957, %

В период Второй мировой войны произошёл существенный рост доли государственного сектора в доходах населения, она увеличилась в 1,54 раза. Соответственно, происходило сокращение доли частного сектора. Увеличение доли государства в источниках доходов граждан происходило в основном за счёт военного сектора и компаний федерального уровня. В 1946–1947 гг. по окончании войны удельный вес государственного сектора в личных доходах снизился почти в два раза. В последующие годы происходил незначительный медленный рост доли государственных компаний в этом показателе. Резкое снижение доли государственного сектора в первые два послевоенных года можно объяснить произошедшим в то время экономическим кризисом, а также снижением военных расходов. Дальнейший рост удельного веса государственных компаний в доходах граждан можно пояснить усилением роли государства в регулировании экономических отношений в США.

После Великой депрессии 1929–1932 гг. Соединённые Штаты стали постепенно менять свою внутреннюю финансово-экономическую политику. Не отступая от основных принципов свободного рынка, федеральное правительство стало использовать определённые инструменты регулирования экономики с целью сглаживания колебаний, вызываемых рыночными явлениями. Причина вмешательства государства в экономику и увеличения доли государственного сектора вызвана последствиями Великой депрессии. Государство теперь осуществляло политику, способную смягчить последующие кризисы, которые могут привести к полной стагнации и разрушению экономики страны.

Заключение

Доходы населения США в период Великой депрессии и Второй мировой войны стали хорошим индикатором, отражающим состояние экономики страны в эти исторические периоды времени. Экономический кризис 1929–1932 гг. оказал сильное воздействие на уровень и качество жизни граждан. В этот период произошло снижение личных доходов, на основании которых формируется благосостояние населения. Благодаря вмешательству государства и установления определённых инструментов регулирования экономики США удалось выйти из кризиса, достигнув докризисных показателей, включая доходы населения.

Вторая мировая война оказалась сильнейшим импульсом для экономического роста Соединённых Штатов, в результате которого значительно вырос и уровень жизни граждан. В этот период происходило увеличение государственного сектора за счёт роста объёмов военной промышленности, роста степени милитаризации экономики. США смогли воспользоваться ситуацией и заработать на войне, восстановив народное хозяйство после сильнейшего кризиса. Окончание войны для США, в отличие от многих других стран, стало причиной нового кризиса, в результате которого доходы населения стали вновь снижаться. Хотя чуть позже начался эконо-

мический подъём в стране. Соединённые Штаты оказались крупнейшим бенефициаром войны, превратившись в крупнейшую экономику мира, а доллар – в мировую резервную валюту. Уровень жизни населения США был на тот момент самым высоким в мире.

Список источников

1. Абрамян С. И., Федотов А. А. Человеческий потенциал и уровень жизни населения: функциональные взаимосвязи // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 12-1 (94). С. 11-14. DOI: <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-12-1-11-14>.
2. Гучмазова Д. А. Мировые тенденции дифференциации доходов населения // Статистика и экономика. 2022. Т. 19, № 2. С. 36–42. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-2-36-42>.
3. Данилов И. П., Ладыкова Т. И. Доходы населения в контексте индикативного планирования // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 3 (49). С. 4–11. EDN: AMYBUZ
4. Дорошенко Е. В. Уровень благополучия: взаимосвязь дохода и личностных характеристик человека // Управленец. 2019. Т. 10, № 1. С. 62–71. DOI: <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-1-6>.
5. Капитанов В. А., Иванова А. А., Максимова А. Ю. Выявление трендов падения доходов населения США на протяжении пяти последних десятилетий // Статистика и экономика. 2019. Т. 16, № 5. С. 94–110. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-5-94-110>.
6. Кузнецова К. А. Проблемы формирования личных доходов в современных условиях // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2021. № 23. С. 52–59. EDN: LVNNJR.
7. Леонидова Г.В. Пути снижения социального неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, № 2. С. 216–229. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2023.2.86.12>.
8. Мирсаидова Ф. А. Доход населения – основной источник повышения уровня жизни населения // Молодежный вестник ИрГТУ. 2019. Т. 9, № 1. С. 106–111. EDN: WALRVJ.
9. Митрошин И. В. Региональные особенности доходов и потребительских расходов населения в Канаде // Идеи и идеалы. 2024. Т. 16, № 1, ч. 2. С. 291–308. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2024-16.1.2-291-308>.
10. Пастухова Е. Я., Бельчик Т. А., Кочнева О. П. Доходы, бедность и потребительские расходы населения регионов: долгосрочные тренды и факторы влияния // Вопросы управления. 2023. № 3 (82). С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-3-5-18>.

11. Петров П. Ю. Модель пропорционального перераспределения личных доходов // Экономика и социум. 2019. № 6 (61). С. 693–710. EDN: PHBURJ.
12. Петровская Н. Е., Сувалова И. А. Влияние креативных индустрий на уровень жизни в США в XXI веке на примере отдельных штатов (Калифорния, Нью-Йорк, Флорида) // Индустриальная экономика. 2024. № 4. С. 140–150. DOI: <https://doi.org/10.47576/2949-1886.2024.4.4.020>.
13. Такмакова Е. В. Направления совершенствования политики доходов населения на базе системы социальной стандартизации в сфере «Доходы населения» // Управленческий учет. 2021. № 6-3. С. 751–759. DOI: <https://doi.org/10.25806/uu6-32021751-759>.
14. Standard of Living. Essays on Economics, History, and Religion in Honor of John E. Murray / ed. by P. Gray, J. Hall, R. W. Herndon, J. Silvestre. Springer, 2022. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-06477-7>.
15. Jong H. de. Living standards in a modernizing world – a long-run perspective on material wellbeing and human development. [S. l.]: University of Groningen, 2015. 30 p.
16. Madzik P., Piteková J., Daňková A. Standard of living as a factor of countries' competitiveness // Procedia Economics and Finance. 2015. Vol. 34. P. 500–507.

References

1. Abrahamyan S. I., Fedotov A. A. Chelovecheskij potencial i uroven' zhizni naseleniya: funktsional'nye vzaimosvyazi [Human potential and standard of living of the population: functional relationships]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 2022, no. 12-1(94), pp. 11–14. DOI: <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-12-1-11-14>.
2. Huchmazova D. A. Mirovye tendencii differenciacii dohodov naseleniya [Global trends in differentiation of population income]. *Statistika i Ekonomika*, 2022, vol. 19, no. 2, pp. 36–42. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-2-36-42>.
3. Danilov I. P., Ladykova T. I. Dohody naseleniya v kontekste indikativnogo planirovaniya [Income of the population in the context of indicative planning]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii*, 2022, no. 3(49), pp. 4–11.
4. Doroshenko E. V. Uroven' blagopoluchiya: vzaimosvyaz' dokhoda i lichnostnykh kharakteristik cheloveka [The level of well-being: A correlation between income and personality traits]. *Upravlenets*, 2019, vol. 10, no. 1, pp. 62–71. DOI: <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-1-6>.
5. Kapitanov V. A., Ivanova A. A., Maksimova A. Y. Vyyavleniye trendov padeniya dokhodov naseleniya SSHA na protyazhenii pyati poslednikh desyatiletiiy [Identification of trends in the decline in US income over the past five decades]. *Statistika i Ekonomika*, 2019, vol. 16, no. 5, pp. 94–110. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-5-94-110>.

6. Kuznetsova K. A. Problemy formirovaniya lichnykh dokhodov v sovremennykh usloviyakh [Problems of personal income formation in modern conditions]. *Uchenyye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU*, 2021, no. 23, pp. 52–59.
7. Leonidova G. V. Puti snizheniya sotsial'nogo neravenstva [Ways to reduce social inequality]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 216–229. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2023.2.86.12>.
8. Mirsaidova F. A. Dokhod naseleniya – osnovnoy istochnik povysheniya urovnya zhizni naseleniya [Income population is the main source of increasing the living standards of the population]. *Molodezhnyy vestnik IrGTU*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 106–111.
9. Mitroshin I. V. Regional'nyye osobennosti dokhodov i potrebitel'skikh raskhodov naseleniya v Kanade [Regional income and consumer expenditure specifics of the Canadian population]. *Idei i idealy*, 2024, vol. 16, no. 1, part 2, pp. 291–308. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2024-16.1.2-291-308>.
10. Pastukhova E. Ya., Belchik T. A., Kochneva O. P. Dohody, bednost' i potrebitel'skie raskhody naseleniya regionov: dolgosrochnyye trendy i faktory vliyaniya [Monetary incomes, poverty and consumer expenditures in the regions: long-term trends and impact factors]. *Management issues*, 2023, no. 3(82), pp. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-3-5-18>.
11. Petroff P. Yu. Model' proporsional'nogo pereraspredeleniya lichnykh dokhodov [Model of proportional redistribution of the personal incomes]. *Ekonomika i sotsium*, 2019, no. 6(61), pp. 693–710.
12. Petrovskaya N. Ye., Suvalova I. A. Vliyaniye kreativnykh industriy na uroven' zhizni v SSHA v XXI veke na primere otdel'nykh shtatov (Kaliforniya, N'yu-York, Florida) [The impact of creative industries on the standard of living in the United States in the 21st century on the example of individual states (California, New York, Florida)]. *Industrial'naya ekonomika*, 2024, no. 4, pp. 140–150. DOI: <https://doi.org/10.47576/2949-1886.2024.4.4.020>.
13. Takmakova E. V. Napravleniya sovershenstvovaniya politiki dokhodov naseleniya na baze sistemy sotsial'noy standartizatsii v sfere "Dokhody naseleniya" [Directions for improving the policy of income of the population on the basis of the system of social standardization in the field of "Income of the Population"]. *Upravlencheskiy uchët*, 2021, no. 6-3, pp. 751–759. DOI: <https://doi.org/10.25806/uu6-32021751-759>.
14. Gray P., Hall J., Herndon R. W., Silvestre J. (eds) *Standard of Living. Essays on Economics, History, and Religion in Honor of John E. Murray*. Springer, 2022. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-06477-7>.
15. Jong H. de. *Living Standards in a Modernizing World – A Long-Run Perspective on Material Wellbeing and Human Development*. University of Groningen, 2015. 30 p.
16. Madzik P., Piteková J., Daňková A. Standard of Living as a Factor of Countries' Competitiveness. *Procedia Economics and Finance*, 2015, vol. 34, pp. 500–507.

Информация об авторах / Information about the authors

И.В. Митрошин – кандидат экономических наук, ведущий аудитор ООО «Интернешнл Бизнес Консалтинг Групп» (Москва, Российская Федерация); старший преподаватель Российской таможенной академии (Люберцы, Российская Федерация),

✉ timgarick@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4906-1977>

I.V. Mitroshin – Candidate of Economic Sciences, Leading Auditor of LLC “International Business Consulting Group” (Moscow, Russian Federation); Senior Lecturer of Russian Customs Academy (Lyubertsy, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 12.01.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 09.05.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 45–62.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 45–62.

Научная статья

УДК 658:005.52:334.012.42

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/45-62>

Анализ и прогноз показателей деятельности коммерческих предприятий со смешанной формой финансирования на примере основных средств

Анна Велмуратовна Керимова✉, Зинаида Александровна Мишина

Нижегородский государственный инженерно-экономический университет,
Княгинино, Российская Федерация

✉ Kerimova.ann@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9869-713X>

Аннотация. Основные средства занимают достаточно большую долю в активах предприятия и являются важным звеном, обеспечивающим жизнедеятельность хозяйствующего субъекта. Статья посвящена проведению анализа и составлению прогноза основных средств коммерческих предприятий со смешанной формой финансирования. Рассматриваются различные модели трендового анализа в целях определения такой модели, которая наиболее реалистично может отразить современное состояние объекта исследования, анализируются общие показатели эффективности использования основных средств, характеризующие деятельность в исследуемой микроразоне. В ходе исследования используется программный продукт MS Excel. По результатам исследований установлено, что модель полиномиального тренда, которая наиболее точно аппроксимирует все точки кривой, является наиболее оптимальной из всех рассмотренных моделей тренда. В конце 2024 года, получив данные за 2023 год, мы произвели дополнительные расчёты и получили возможность оценить прогноз, сделанный нами ранее. Данные полиномиального тренда, по сравнению с другими моделями, наиболее близки к значениям показателей, полученным нами в 2023 году. По проведённым исследованиям с помощью трендового анализа можно спрогнозировать значение любых показателей деятельности организации. Точность полученного прогноза зависит от выбранного вида модели тренда, а период прогнозирования – от размера исходного ряда динамики. Большой анализируемый период позволяет делать прогнозы на долгосрочную перспективу. Рассмотренный нами пример позволяет сделать вывод, что методика бухгалтерского учёта, научно-правовая база, а также изменения в законодательстве и другие факторы, безусловно, также могут влиять на точность прогнозирования.

Ключевые слова: основные средства, трендовый анализ, прогноз, экономические показатели деятельности, фондоотдача, модели тренда

Для цитирования: Керимова А.В., Мишина З.А. Анализ и прогноз показателей деятельности коммерческих предприятий со смешанной формой финансирования на примере основных средств // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 45–62.

Original article

Analysis and forecast of indicators of enterprises with a mixed form of financing using example of fixed assets

Anna V. Kerimova✉, **Zinida A. Mishina**

Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics,
Knyaginino, Russian Federation

✉ Kerimova.ann@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9869-713X>

Abstract. Fixed assets account for a significant share of a company's assets and are an important link in ensuring the viability of a business entity. The various models of trend analysis are considered to determine the model and general indicators of the efficiency of the use of fixed assets characterizing activities in the microzone under study are analyzed. The research uses software products MS Excel. The results of the research show that the polynomial trend model, which most accurately approximates all points on the curve, is the most optimal of all the trend models considered. At the end of 2024, having received the data for 2023, we made additional calculations and were able to evaluate the forecast made earlier. The data of the polynomial trend, in the comparison with other models, are closest to the values of the indicators obtained in 2023. Using trend analysis, it is possible to predict the value of any indicators of an organization's activity. The accuracy of the forecast depends on the selected type of trend model, and the forecast period depends on the size of the initial series of the dynamics. The longer-analyzed period allows you to make long term forecasts.

Keywords: fixed assets, trend analysis, forecast, economic performance indicators, return on funds, trend models

For citation: Kerimova A.V., Mishina Z.A. Analysis and forecast of indicators on enterprises with a mixed form of financing using example of fixed assets. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 45–62. (In Russ.).

Введение

«Целью любого коммерческого предприятия (организации) является получение прибыли»¹, «а её сумма отражает конечный финансовый результат и представляет

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Ст. 50, п. 1. Доступно из: СПС «КонсультантПлюс».

собой важнейший элемент функционирования и развития. Для усиления эффективности функционирования работы компании, а также максимизации прибыли, требуется регулярный, своевременный анализ деятельности предприятия и его финансовых показателей» [1, с. 92]. «Это позволяет бизнесу избежать потерь или крупных финансовых проблем, если некоторые будущие результаты деятельности не соответствуют разумным ожиданиям» [2, с. 1].

Нормальное функционирование предприятия невозможно без наличия определённых средств. Так, основные производственные фонды, включающие в себя здания, сооружения, оборудования, машины и другие средства труда, принимающие участие в процессе производства, служат для предприятия его базой. Актуальность темы исследования заключается в необходимости отслеживать и корректировать использование основных средств для достижения хороших экономических результатов.

«Основные средства предприятия – это составная часть его имущества, с помощью которого оно осуществляет хозяйственную и производственную деятельность. Состояние и эффективность использования объектов основных средств имеет большое влияние на конечный результат в производстве организации» [3, с. 360].

Учёные В.К. Скляренко и В.М. Прудникова рассматривали основные средства как «совокупность производственных, материально-вещественных ценностей, действующих в процессе производства в течение длительного периода времени, сохраняющие на протяжении всего периода натурально-вещественную форму и переносящие свою стоимость на продукцию по частям по мере износа в виде амортизационных отчислений» [4, с. 325].

В российском законодательстве к основным средствам относятся: «машины и оборудование, транспортные средства, производственный и хозяйственный инвентарь, многолетние насаждения, сооружения и передаточные устройства, здания, культивируемые ресурсы животного происхождения, неоднократно дающие продукцию, рабочий скот» и др.¹

Формирование учётно-отчётной экономической информации о составе и состоянии объектов основных средств предприятия регламентируется в настоящее время Федеральным стандартом бухгалтерского учёта (ФСБУ) 6/2020 «Основные средства», вступившим в действие с 1 января 2022 года. В связи с этим в методологии, организации и ведении учёта основных средств для целей бухгалтерского учёта произошли существенные изменения [5].

Методы

«Математические методы моделирования динамики экономических процессов естественно поделить на два класса, к первому из которых можно отнести ретроспек-

¹ Постановление Правительства РФ от 1 января 2002 г. № 1 «О классификации основных средств, включаемых в амортизационные группы» (с изменениями и дополнениями). Доступно из: СПС «Гарант».

тивные модели, т.е. модели, основная цель которых описать в формальном виде различные экономические теории, объясняющие динамику процессов, происходивших в экономике в предыдущие периоды времени, а ко второму – модели прогнозирования экономической динамики в предстоящее время.

Вторая группа также включает анализ уже произошедших событий и использование имеющихся теорий о взаимозависимости тех или иных экономических показателей. Однако основной задачей второй группы моделей является всё же получение прогнозов экономических показателей в предстоящее время» [6, с. 66].

Выбор математической функции осуществляется на основании анализа, с использованием инструмента «Мастер диаграмм». Алгоритм выполнения трендового анализа при помощи инструмента «Мастер диаграмм»:

- выделить массив исходных данных изучаемого ряда динамики;
- вставить исходные данные в ячейки исходных данных диаграммы;
- во вкладке «Тип диаграммы» выбрать «График» (Линейная диаграмма);
- во вкладке «Диаграмма» выбрать «Добавить линию тренда»;
- во вкладке «Добавить линию тренда» выбрать «Параметры», отметить «Показать уравнение на диаграмме» и «Поместить на диаграмму величину достоверности аппроксимации» [7, с. 2].

В настоящее время существует множество способов прогнозирования, применимых для расчётов будущих значений различных показателей деятельности организаций. Одним из самых распространённых способов прогнозирования финансовой отчётности является трендовый анализ. Он заключается в процессе сравнения каждой из позиций отчётности с подобной ей позицией предыдущих. Линия тренда наглядно отражает возможные значения показателей в будущем.

Обсуждение

Основой любого анализа финансового состояния хозяйствующего субъекта, безусловно, является бухгалтерский учёт. Показатели деятельности предприятия определяются исходя из данных бухгалтерской отчётности и во многом зависят от способов учёта, применяемых в конкретной микроразоне. В этой связи стоит обратить внимание на законодательную базу и её актуальные изменения в части учёта основных средств.

«Концепция развития бухгалтерского учёта в долгосрочной перспективе предусматривает решение текущих проблем во многом благодаря переводу бухгалтерского учёта и отчётности в Российской Федерации на международные стандарты финансовой отчётности (МСФО)» [8, с. 1]. Учёт основных средств не является исключением.

Следует отметить, что в вопросах российской методики учёта основных средств в настоящее время нельзя не учитывать изменения, обусловленные вступлением в

силу новых ФСБУ 6/2020 «Основные средства» и ФСБУ 25/2018 «Аренда». Данные стандарты являются обязательными к применению коммерческими организациями начиная с 2022 г. [9].

Как отмечает исследователь О.М. Купрюшина, «вследствие этого утрачивают силу такие нормативно-правовые акты, как ПБУ 6/01 «Учёт основных средств», «Методические указания по учёту основных средств». ФСБУ 6/2020 внёс значительные изменения в порядок последующей оценки основных средств (п. 12-26 ФСБУ 6/2020): теперь предусмотрена возможность проводить оценку путём переоценки по справедливой стоимости (разница пересчитанной первоначальной стоимости и накопленной амортизации даёт балансовую стоимость, равную справедливой стоимости, вариант используемый в российской практике)» [10, с. 1191].

«К примеру, если организация безвозмездно получает будущий объект ОС, его нужно учесть по справедливой стоимости» [11, с. 2]. Понятия справедливой стоимости в ПБУ 6/01 не было, но требование оценивать основные средства, учитываемые по переоценённой стоимости, и инвестиционную недвижимость появились. В российском законодательстве такого определения нет, кроме как закона об оценочной деятельности, где есть понятие рыночной стоимости.

При определении справедливой стоимости ФСБУ 6/2020 рекомендует опираться на МСФО (IFRS) 13 «Оценка справедливой стоимости». В нём указаны три метода: затратный, рыночный и доходный. Как показывает практика: справедливая стоимость – предмет профессионального суждения бухгалтера. В данном случае важно представить доказательную базу, используя, например, метод рыночных цен [12].

Таким образом, мы можем отметить, что в законодательстве в настоящее время произошли довольно существенные изменения в части учёта основных средств.

Результаты деятельности любого хозяйствующего субъекта зависят, в том числе, от экономической среды. Как внешние, так и внутренние пользователи финансовой информации при принятии экономических решений обращают внимание на данные финансовой (бухгалтерской) отчётности компании. Если речь идёт, к примеру, о государственных предприятиях, то перед ними и вовсе ставятся определённые задачи и имеется соответствующее финансирование.

В качестве примера мы предлагаем проанализировать показатели деятельности Федерального государственного унитарного предприятия «Главный радиочастотный центр» (далее – ФГУП «ГРЧЦ»), которое имеет смешанную форму финансирования.

Предприятие исследуемой микрзоны находится в ведении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзора) и ежегодно проводит анализ показателей деятельности и прогноз на перспективу, необходимые для отчёта перед Роскомнадзором, выявления стратегии развития и составления финансового плана на следующие периоды.

Поскольку в деятельности данного предприятия стратегически важную роль играют основные средства, от состояния которых зависит качество выполнения государственных задач, мы считаем целесообразным рассмотреть данный вид материальных активов, провести анализ показателей деятельности, связанных с основными фондами, и спрогнозировать их развитие.

«Одним из обобщающих качественных показателей, характеризующих эффективность деятельности хозяйствующих субъектов, является фондоотдача. Она показывает выпуск продукции на единицу стоимости основных средств. При планировании, учёте и анализе производственной деятельности организаций показатель фондоотдачи определяется отношением выпуска продукции (выручки) в договорных ценах к среднегодовой стоимости основных средств организации» [13, с. 24].

Как уже отмечалось нами, значение показателей деятельности может довольно существенно изменяться в зависимости от применяемых способов бухгалтерского учёта.

В бухгалтерском балансе основные средства отражаются по балансовой стоимости, которая представляет собой разницу между первоначальной стоимостью и накопленной амортизацией и обесценением.

Таким образом, величина первоначальной стоимости и методика её расчёта не может не оказывать влияние на значение фондоотдачи.

«Первоначальной стоимостью объекта основных средств традиционно считается величина затрат экономического субъекта, обусловленная капитальными вложениями на его создание. Однако величина первоначальной стоимости не всегда равна стоимости потраченных ресурсов на его создание. В связи этим ФСБУ 6/2020 уточняет состав расходов, включаемых в капитальные вложения» [14, с. 2].

Вопрос применения новых федеральных стандартов предприятиями со смешанной формой финансирования возникает закономерно в части учёта основных средств.

По мнению Л. Федоровой, члена ААС, «вне зависимости от источников финансирования затрат на приобретение основных средств, новые федеральные стандарты бухгалтерского учёта обязательны к применению в подобной ситуации, поскольку:

- федеральные государственные унитарные предприятия не входят в список организаций бюджетной сферы;

- новые стандарты не предусматривают возможность неприменения положений ФСБУ 6/2020 к отдельным видам (объектам, группам объектов) основных средств либо приобретённым за счёт бюджетных средств (субсидий)»¹.

Лишь только «хозяйствующим субъектам, применяющим упрощённые способы ведения бухгалтерского учёта, включая упрощённую бухгалтерскую (финан-

¹ Федорова Лилия, член ААС, эксперт службы Правового консалтинга «Гарант». Правовые консультации. Доступно из: СПС «Гарант».

совую) отчётность, разрешается не применять некоторые пункты данного Стандарта»¹.

«С 01.01.2022 с учётом пункта 12 ФСБУ «Основные средства» и подпунктов 5, 9 и 14 ФСБУ «Капитальные вложения» в случае передачи государственного или муниципального имущества унитарному предприятию (объекта основных средств) его первоначальная стоимость определяется как справедливая стоимость этого объекта. Согласно пункту 8 ФСБУ 6/2020, в исследуемой микроразоне определяется срок полезного использования (СПИ) для каждого объекта основных средств (ОС). Сумма амортизации объекта ОС за отчётный период должна быть рассчитана таким образом, чтобы только к концу СПИ балансовая стоимость этого объекта стала равной нулю или равной его ликвидационной стоимости (если она определена) (согласно пункту 32 ФСБУ 6/2020 и информационному сообщению Минфина России от 03.11.2020 № ИС-учет-29)»².

Результаты

Проведём анализ основных показателей деятельности в исследуемой микроразоне в части, касающейся основных средств. По состоянию на момент проведения исследования в открытом доступе появилась информация по результатам 2023 года, в качестве периода исследования были отобраны данные в динамике за 5 лет (2019–2022 гг.).

Для получения более точных результатов применяемого нами метода (трендового анализа) в ряд динамики включены 10 уровней (2013–2022 гг.), что позволяет нам сделать прогноз на три будущих периода (2023–2025 гг.). Информация по результатам 2023 года не была включена в используемый ряд динамики в целях сохранения возможности сравнения полученного нами прогноза на 2023 год и фактических данных за 2023 год, которые являются наиболее актуальными из всех доступных.

На основании данных бухгалтерской отчётности и отчётов о деятельности ФГУП «ГРЧЦ» рассчитаем такие показатели, как фондоотдача, фондоёмкость, фондовооружённость и среднегодовая стоимость основных средств.

Показатели деятельности ФГУП «ГРЧЦ» в части основных средств оформлены в таблице 1.

По данным таблицы 1 можно отметить, что стоимость основных средств, приходящихся на одного работника, увеличилась на 22 034,31 руб./чел. (или на 228%). На это повлияло увеличение среднегодовой стоимости основных средств на 11 638 406,50 тыс. руб. (или на 222%) и уменьшение среднесписочной численности работников на 11 человек (2,02%). Показатель фондоотдачи упал на 75,9% (или на 55,08 руб.)

¹ ФСБУ 6/2020 «Основные средства», утверждённый Приказом Минфина России от 17.09.2020 № 204н (в действующей редакции), п. 2 и 3. Доступно из: СПС «КонсультантПлюс».

² Графкин Олег, эксперт службы Правового консалтинга «Гарант». Правовые консультации. Доступно из: СПС «Гарант».

в связи с резким увеличением среднегодовой стоимости основных средств в 2022 г. (приобретениями крупных объектов основных средств). На 1 руб. среднегодовой стоимости основных фондов приходится теперь только 17,49 руб. денежной выручки. Показатель фондоёмкости, соответственно, вырос более чем в 4 раза. На единицу продукции, выпущенной предприятием, приходится 4,34 руб. основных средств. Коэффициент износа в 2022 году снизился на 14,69 процентных пункта по сравнению с аналогичным показателем в 2018 году, что, в целом, отражает положительную динамику.

Таблица 1

Основные показатели деятельности ФГУП «ГРЧЦ» в части основных средств
Key performance indicators of FSUE "GRChTs" in terms of fixed assets

Наименование показателя	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Абсолютное отклонение	Темп роста, %
Основные средства, тыс. руб.	4746402,00	4621118,00	9522998,00	12202986,00	21546436,00	16800034,00	453,95
В том числе право пользования активом, тыс. руб.	-	-	-	-	357187,00	-	-
Полученные в аренду ОС, числящиеся на балансе на конец года, тыс. руб.	-	-	-	1797536,00	1789337,00	-	-
Остаточная стоимость ОС на конец года в ПФО, тыс. руб.	591 534,00	258 935,00	1197401,00	1379370,00	1509904,00	918370,00	255,25
Коэффициент износа ОС, %	71,00	73,40	62,28	60,79	56,31	-14,69	79,31
Среднегодовая стоимость ОС, тыс. руб.	5236304,50	4683760,00	7072058,00	10862992,00	16874711,00	11638406,50	322,26
Среднесписочная численность работников, чел.	544,00	545,00	547,00	537,00	533,00	-11,00	97,98
Выручка предприятия, тыс. руб.	3800377,00	3194266,00	3843138,00	3938585,00	2951606,00	-848771,00	77,67

Окончание табл. 1

Наименование показателя	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Абсолютное отклонение	Темп роста, %
Фондоотдача, руб.	72,57	68,19	54,34	36,25	17,49	-55,08	24,10
Фондоёмкость, руб.	1,37	1,46	1,84	2,75	5,71	4,34	416,79
Фондовооружённость, руб./чел.	9625,56	8 594,06	12 928,81	20 229,04	31 659,87	22034,31	328,91

Источник: составлено авторами на основании Отчётов о деятельности ФГУП «ГРЧЦ» за 2019–2022 гг. и данных годовой бухгалтерской отчётности; составлено авторами на основании расчётов

В отчётности 2022 года фигурирует новый показатель детализации информации об основных средствах – право пользования активом. Данный показатель отражает стоимость объекта аренды, его появление связано с требованиями новых Федеральных стандартов бухгалтерского учёта, обязательных к применению с 2022 года.

На основе имеющихся данных за 10 лет (табл. 2) проведём трендовый анализ среднегодовой стоимости основных средств и фондоотдачи.

Таблица 2

Исходные данные для трендового анализа
Initial data for trend analysis

Год	Среднегодовая стоимость ОС, тыс. руб.	Фондоотдача, руб.
2013	243 366,5	14,51
2014	164 149	26,23
2015	92 776	41,53
2016	49 644	62,93
2017	2 887 222	0,87
2018	5 236 304,5	72,57
2019	4 683 760	68,19
2020	7 072 058	54,34
2021	10 862 992	36,25
2022	16 874 711	17,49

Источник: составлено авторами на основании расчётов по данным годовой бухгалтерской отчётности ФГУП «ГРЧЦ» за 2019–2022 гг.

Проведём анализ с помощью модели линейного тренда.

Уравнение линейного тренда выглядит следующим образом (1):

$$y = ax + b, \quad (1)$$

где: y – значения среднегодовой стоимости ОС или фондоотдачи;

x – номер периода;

a – коэффициент наклона прямой тренда;

b – свободный член тренда.

Необходимо найти коэффициенты a и b данного уравнения. Используя программный продукт MS Excel и статистическую функцию «ЛИНЕЙН», получаем:

– для уравнения тренда среднегодовой стоимости ОС:

$$a = 1671041,467,$$

$$b = -3366509461;$$

– для уравнения тренда фондоотдачи:

$$a = 1,506,$$

$$b = -2998,864.$$

Таким образом, уравнение линейного тренда среднегодовой стоимости основных средств имеет вид (2):

$$y = 1671041,467x - 3366509461. \quad (2)$$

Уравнение линейного тренда фондоотдачи имеет вид (3):

$$y = 1,506x - 2998,864. \quad (3)$$

С использованием инструмента «Мастер диаграмм» и верного алгоритма выполнения трендового анализа с помощью программного продукта MS Excel мы можем наглядно продемонстрировать линию тренда и оценить её качество с помощью коэффициента детерминации R^2 (рис. 1).

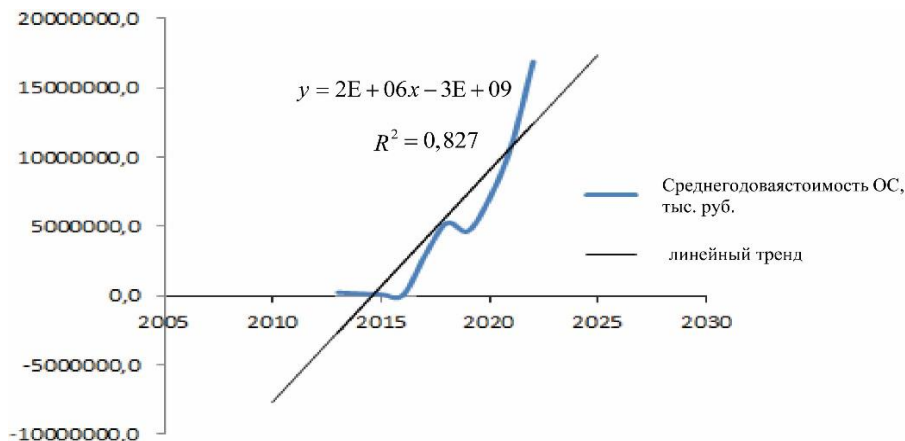

Рис. 1. Линия тренда среднегодовой стоимости ОС.

Модель с линейным трендом

Fig. 1. Trend line of average annual cost of fixed assets. Model with linear trend

Источник: составлено автором с помощью программного продукта MS Excel

Уравнение, полученное на диаграмме, считается менее точным, поскольку здесь используются округлённые коэффициенты. Коэффициент детерминации R^2 принимает значения от 0 до 1. Чем выше коэффициент детерминации R^2 , тем выше достоверность линии тренда. Принято считать, что при коэффициенте свыше 0,8 линия тренда является достоверной. В данном случае $R^2 = 0,827$, что свидетельствует о достоверности построенной линии тренда. Для уравнения линии тренда фондоотдачи в модели с линейным трендом коэффициент детерминации достигает значения 0,0342 (рис. 2).

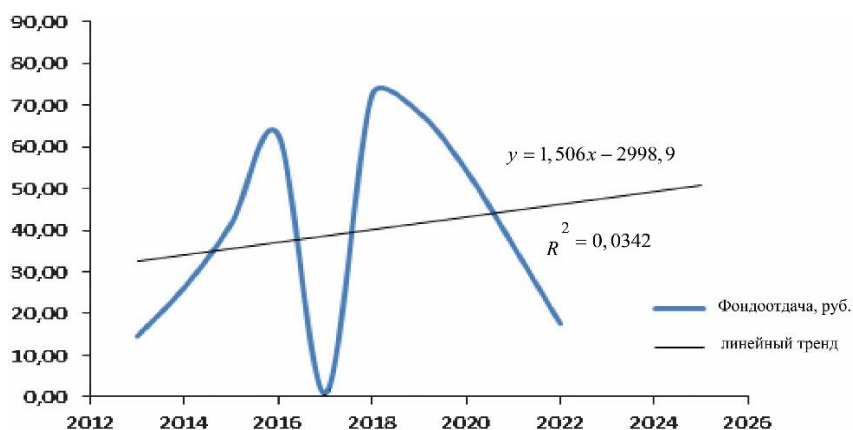

Рис. 2. Линия тренда фондоотдачи. Модель с линейным трендом

Fig. 2. The trend line of return on assets. Model with a linear trend

Источник: составлено автором с помощью программного продукта MS Excel

Кроме линейной модели MS Excel позволяет построить и другие линии тренда: логарифмический, степенной, полиномиальный и экспоненциальный тренды. Данные модели по-разному описывают взаимосвязь имеющихся данных, характеризуются разными уравнениями и коэффициентами детерминации.

Например, у полиномиального тренда уравнение выглядит следующим образом (4):

$$y = t_1 * x^0 + t_2 * x^1 + t_3 * x^2 + t_n * x^{n-1} \quad (4)$$

Конечная степень определяется степенью полинома. Построим модель полиномиального тренда второй степени (рис. 3 и 4).

На рисунке 3 видно, что модель полиномиального тренда более точно аппроксимирует все точки кривой. На самом деле, именно эта модель является оптимальной из всех рассмотренных нами, поскольку имеет наибольший коэффициент детерминации R^2 по сравнению с другими. В данном случае он равен 0,9637. Найдём коэффициенты для уравнений полиномиального тренда с помощью формул «ИНДЕКС» и «ЛИНЕЙН» MS Excel.

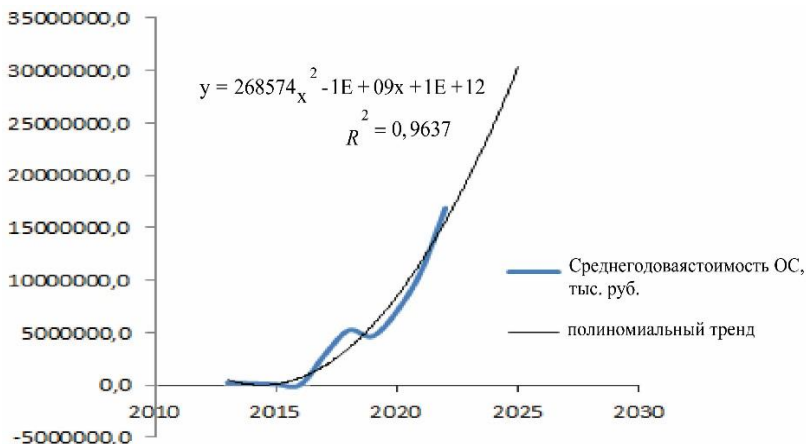

Рис. 3. Линия тренда среднегодовой стоимости ОС.
 Модель с полиномиальным трендом второй степени
 Fig. 3. Trend line of average annual cost of fixed assets.
 Model with second-degree polynomial trend

Источник: составлено автором с помощью программного продукта MS Excel

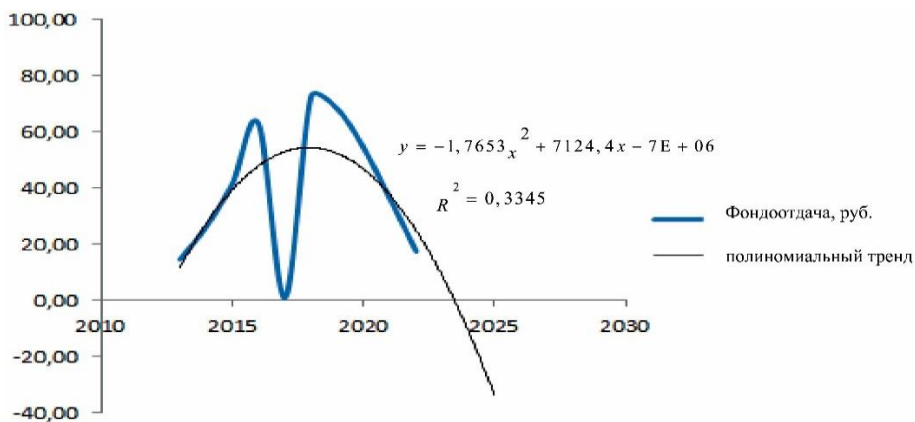

Рис. 4. Линия тренда фондоотдачи.
 Модель с полиномиальным трендом второй степени
 Fig. 4. The trend line of return on assets.
 Model with a second-degree polynomial trend

Источник: составлено автором с помощью программного продукта MS Excel

Для уравнения среднегодовой стоимости основных средств:

$$t_1 = 19916059,28,$$

$$t_2 = 24809991,43,$$

$$t_3 = 30541072,03.$$

Уравнение тренда среднегодовой стоимости основных средств принимает вид (5):

$$y = 268574,224x^2 - 1082025950x + 1089810615241,27. \quad (5)$$

Для уравнения фондоотдачи:

$$t_1 = -1,765265152,$$

$$t_2 = 7124,350886,$$

$$t_3 = -7188154,08.$$

Уравнение тренда фондоотдачи принимает вид (6):

$$y = -1,765x^2 + 7124,351x - 7188154,08. \quad (6)$$

Полученные с помощью такого расчёта уравнения являются наиболее точными и позволяют сделать более корректный прогноз. Однако период прогнозирования не может превышать 30% от анализируемой базы периодов. В данном случае изучаемый исходный (базовый) ряд динамики включает 10 уровней (исходные данные для анализа характеризуют состояние основных средств предприятия за 10 лет), поэтому период прогноза не может быть более 3 лет, то есть корректный прогноз можно сделать лишь на 2023, 2024 и 2025 годы. Спрогнозируем значение среднегодовой стоимости основных средств и фондоотдачи с помощью формул линейного и полиномиального тренда.

Среднегодовая стоимость основных средств составит:

– по линейному тренду:

$$y_{2023} = 1671041,467x - 3366509461 = 1671041,467 * 2023 - 3366509461 = 14007426,37$$

тыс. руб.;

$$y_{2024} = 1671041,467x - 3366509461 = 1671041,467 * 2024 - 3366509461 = 15678467,83$$

тыс. руб.;

$$y_{2025} = 1671041,467x - 3366509461 = 1671041,467 * 2025 - 3366509461 = 17349509,30$$

тыс. руб.;

– по полиномиальному тренду:

$$y_{2023} = 268574,224x^2 - 1082025950x + 1089810615241,27 =$$

$$= 268574,224 * 2023^2 - 1082025950 * 2023 + 1089810615241,27 = 19916059,28 \text{ тыс. руб.};$$

$$y_{2024} = 268574,224x^2 - 1082025950x + 1089810615241,27 =$$

$$= 268574,224 * 2024^2 - 1082025950 * 2024 + 1089810615241,27 = 24809991,43 \text{ тыс.руб.};$$

$$y_{2025} = 268574,224x^2 - 1082025950x + 1089810615241,27 =$$

$$268574,224 * 2025^2 - 1082025950 * 2025 + 1089810615241,27 = 30241072,03 \text{ тыс. руб.}$$

Фондоотдача составит:

– по линейному тренду:

$$y_{2023} = 1,506x - 2998,864 = 1,506 \cdot 2023 - 2998,864 = 47,78 \text{ руб.};$$

$$y_{2024} = 1,506x - 2998,864 = 1,506 \cdot 2024 - 2998,864 = 49,28 \text{ руб.};$$

$$y_{2025} = 1,506x - 2998,864 = 1,506 \cdot 2025 - 2998,864 = 50,79 \text{ руб.};$$

– по полиномиальному тренду:

$$y_{2023} = -1,765x^2 + 7124,351x - 7188154,08 = -1,765 \cdot 2023^2 + 7124,351 \cdot 2023 - 7188154,08 = 8,938166667 \approx 8,94 \text{ руб.};$$

$$y_{2024} = -1,765x^2 + 7124,351x - 7188154,08 = -1,765 \cdot 2024^2 + 7124,351 \cdot 2024 - 7188154,08 = -10,73901515 \approx -10,74 \text{ руб.};$$

$$y_{2025} = -1,765x^2 + 7124,351x - 7188154,08 = -1,765 \cdot 2025^2 + 7124,351 \cdot 2025 - 7188154,08 = -33,94672727 \approx -33,95 \text{ руб.}$$

На основании данных бухгалтерской отчётности за 2023 год рассчитаем среднегодовую стоимость ОС и фондоотдачу.

$$\text{Среднегодовая стоимость ОС (тыс. руб.)} = (31274603 + 21546436) / 2 = 26410519,50 \text{ тыс. руб.}$$

$$\text{Фондоотдача} = \text{выручка} / \text{среднегодовая стоимость ОС (руб.)} = 3501584 / 26410519,50 = 0,1325829277989023 \approx 0,13 \text{ руб.}$$

В настоящий момент мы имеем возможность оценить прогноз для периода «2023 год».

Результаты прогноза на 2023, 2024 и 2025 годы оформим в таблице 3.

Сравним прогнозные значения для периода «2023 год» с фактическими данными, полученными из годовой бухгалтерской отчётности за 2023 год.

Таблица 3

Прогноз среднегодовой стоимости основных средств и фондоотдачи на 2023, 2024 и 2025 годы

Forecast of the average annual cost of fixed assets and return on assets for 2023, 2024 and 2025

Год	Среднегодовая стоимость ОС, тыс. руб.				Фондоотдача, руб.			
	по линейному тренду	R ²	по полиномиальному тренду	R ²	по линейному тренду	R ²	по полиномиальному тренду	R ²
2023 (прогноз)	14007426,40	0,827	19916059,28	0,9637	47,78	0,0342	8,94	0,3345
2024 (прогноз)	15678467,80		24809991,43		49,28		-10,74	
2025 (прогноз)	17349509,30		30241072,03		50,79		-33,95	

Источник: составлено автором на основании расчётов с помощью программного продукта MS Excel

Заключение

Таким образом, ориентируясь на фактические данные, мы подтверждаем достоверность информации, полученной с помощью коэффициента R^2 . Прогнозные значения по полиномиальному тренду, по сравнению с другими моделями, действительно наиболее близки к значениям показателей, фактически представленным в отчётности предприятия исследуемой микрзоны в 2023 году. Также можно отметить, что, несмотря на то что модель полиномиального тренда самая достоверная из всех, мы не можем утверждать, что полученный прогноз совпадает с фактическими данными в 2023 году. В связи с этим мы принимаем во внимание следующие факты и факторы:

1. Произошли изменения в законодательстве в части бухгалтерского учёта основных средств, способов учёта основных средств (в том числе пересчёт накопленной амортизации и, соответственно, балансовой стоимости объектов ОС в 2022–2023 годах).

2. В связи со смешанной формой финансирования и особенностями организационно-правовой формы хозяйствующего субъекта исследуемой микрзоны основные средства принадлежат ФГУП «ГРЧЦ» на праве хозяйственного ведения.

3. Количество объектов ОС действительно очень значительное, трудовых ресурсов предприятия недостаточно, чтобы в установленные сроки вносить изменения в реестры Росимущества.

Эти факторы, безусловно, могут затруднять процесс прогнозирования.

Точность прогноза зависит от выбранного вида модели тренда, а период прогнозирования – от размера исходного ряда динамики. Большой анализируемый период позволяет делать прогнозы на долгосрочную перспективу. Однако очень важную роль для точности результатов прогноза имеет также и методика бухгалтерского учёта, которая может меняться в связи с актуальными требованиями законодательства, и другие факторы, способные изменить стоимость основных средств при отсутствии реального их движения.

Список источников

1. Коваленко К. М. К вопросу оценки деятельности субъектов хозяйствования с использованием трендового анализа // Междисциплинарная интеграция как двигатель научного прогресса: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 05 июня 2020 г. Ч. 2. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2020. С. 92–98. EDN: HOGNPA

2. Карелина Е. Ю., Малеваник А. А. Прогнозирование продаж и прибыли // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 5. С. 120–121. EDN: YSZFXT

3. Василенко М. Е., Чернова Е. В. Актуальные проблемы учёта амортизации основных средств на предприятии // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 2(23). С. 360–362. EDN: XULIUP

4. Гарифуллина А. А. Различные подходы к определению понятий «основные средства», их «оценка» и «амортизация» // Молодой учёный. 2014. № 7(66). С. 324–327.
5. Нажуева Д. Н. Формирование первоначальной стоимости основных средств в бухгалтерском учёте // Вестник научной мысли. 2022. № 5. С. 75–80. DOI: <https://doi.org/10.34983/DTPB.2022.57.99.001>
6. Андрукович П. Ф. Заметки о принципах построения моделей прогноза экономических показателей (на примере прогнозной системы «ProRosEc») // Экономика и математические методы. 2020. Т. 56, № 2. С. 66–76. DOI: <https://doi.org/10.31857/S042473880009230-2>
7. Попова А. М. Трендовый анализ рядов динамики и статистическое прогнозирование на основании трендового анализа // Вопросы педагогики. 2022. № 1–2. С. 266–272. EDN: UPSNTF
8. Халезова О. С., Халезов А. В. Сравнительная характеристика методик учёта основных средств в соответствии с российскими ПБУ и международными стандартами // Проблемы экономики, финансов и управления производством: сборник научных трудов вузов России. 2009. № 27. С. 49–58. EDN: PCAPRZ
9. Керимова А. В., Мишина З. А. Методика учёта основных средств в России и за рубежом: актуальные проблемы // Ц97 Цифровой регион. Социально-экономическое развитие сельских территорий: опыт, компетенции, проекты: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Т. I. Княгинино: НГИЭУ, 2024. 368 с.
10. Купрюшина О. М., Рахматулина Р. Р. Внедрение во внутрифирменные правила учёта основных средств Федеральных стандартов бухгалтерского учёта «Капитальные вложения» и «Основные средства» // Международный бухгалтерский учёт. 2021. Т. 24, № 10 (484). С. 1188–1204. DOI: <https://doi.org/10.24891/ia.24.10.1188>
11. Алиев А. С. Новый порядок учёта основных средств и амортизации с 2022 года // Вестник научной мысли. 2021. № 3. С. 7–11. DOI: <https://doi.org/10.34983/DTPB.2021.34.77.001>
12. Голова Е. Е., Баетова Д. Р. Документальное оформление бухгалтерского учёта основных средств в коммерческих организациях в условиях применения ФСБУ 6/2020 «Основные средства» // АНИ: экономика и управление. 2023. № 2(43). С. 20–24. DOI: https://doi.org/10.57145/27128482_2023_12_02_04.
13. Никольская Э. В. Анализ фондоотдачи // Бухгалтерский учёт в издательстве и полиграфии. 2006. № 3(87). С. 24–27.
14. Исмаилов Г. М., Шахбанов Р. Б. К вопросу о формировании первоначальной стоимости объектов основных средств для целей бухгалтерского учёта // Вестник научной мысли. 2022. № 4. С. 69–72. DOI: <https://doi.org/10.34983/DTPB.2022.18.49.001>

References

1. Kovalenko K. M. K voprosu ocenki deyatel'nosti sub`ektov khozyajstvovaniya s ispol'zovaniem trendovogo analiza [Evaluating the performance of economic entities using a trend analysis]. *Mezhdisciplinarnaya integraciya kak dvigatel' nauchnogo progressa: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Novosibirsk, June 05, 2020. Chast` 2. Novosibirsk: Sibirskij universitet potrebitel'skoj kooperacii, 2020, pp. 92–98.
2. Karelina E. Yu., Malevanyk A. A. Prognozirovanie prodazh i priby`li [Forecasting sales and profits]. *E`konomika i biznes: teoriya i praktika*, 2017, no. 5, pp. 120–121.
3. Vasilenko M. E., Chernova E. V. Aktual'ny'e problemy` ucheta amortizacii osnovny`x sredstv na predpriyatii [Actuality problems of accounting amortization of fixed assets at enterprise]. *Azimet nauchny`x issledovanij: e`konomika i upravlenie*, 2018, vol. 7, no. 2(23), pp. 360–362. (In Russ.).
4. Garifullina A. A. Razlichny`e podhody` k opredeleniyu ponyatij «osnovny`e sredstva», ix «ocenka» i «amortizaciya» [Various approaches to the definition of the concepts of "fixed assets", their "assessment" and "depreciation"]. *Molodoj ucheny`j*, 2014, no. 7 (66), pp. 324–327.
5. Nazhueva D. N. Formirovanie pervonachal`noj stoimosti osnovny`x sredstv v buxgalterskom uchyote [Acquisition of fixed assets in accounting]. *Vestnik nauchnoj my`sli*, 2022, no. 5, pp. 75–80. DOI: <https://doi.org/10.34983/10.34983/DTIPB.2022.57.99.001>
6. Andrukovich P. F. Zametki o principax postroeniya modelej prognoza e`konomicheskix pokazatelej (na primere prognoznnoj sistemy` "ProRosEc") [Notes on the principles of construction of economic indicators forecast models (on the example forecast system "Pro-RosEc")]. *Economics and mathematical methods*, 2020, vol. 56, no. 2, pp. 66–76. DOI: <https://doi.org/10.34983/10.31857/S042473880009230-2>
7. Popova A. M. Trendovy`j analiz ryadov dinamiki i statisticheskoe prognozirovanie na osnovanii trendovogo analiza [Trend analysis of dynamics series and statistical forecasting based on trend analysis]. *Voprosy` pedagogiki*, 2022, no. 1–2, pp. 266–272.
8. Khalezova O. S., Khalezov A. V. Sravnitel'naya xarakteristika metodik ucheta osnovny`x sredstv v sootvetstvii s rossijskimi PBU i mezhdunarodny`mi standartami [Comparative characteristics of accounting methods for fixed assets in accordance with Russian PBU and international standards]. *Problemy` e`konomiki, finansov i upravleniya proizvodstvom: sbornik nauchny`x trudov vuzov Rossii*, 2009, no. 27, pp. 49–58.
9. Kerimova A. V., Mishina Z. A. Metodika ucheta osnovny`x sredstv v rossii i za rubezhom: aktual'ny'e problemy` [The methodology of accounting for fixed assets in Russia and abroad: actual problems]. In: *Cz97 Cifrovoy region. Social'noe`konomicheskoe razvitie sel'skix territorij: opy`t, kompetencii, proekty`: materialy` XI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Ts97 Digital region. Socio-economic development of

rural areas: experience, competencies, projects: materials of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference]. Vol. I. Knyaginino: NGIEU, 2024. 368 p.

10. Kupryushina O. M., Rahmatulina R. R. Vnedrenie vo vnutrifirmenny`e pravila ucheta osnovny`x sredstv Federal'ny`x standartov buxgalterskogo ucheta "Kapital'ny`e vlozheniya" i "Osnovny`e sredstva" [Implementation of Federal accounting standards – Capital Investments and Fixed Assets – in the internal rules of accounting for fixed assets]. *International Accounting*, 2021, vol. 24, no. 10(484), pp. 1188–1204. DOI: <https://doi.org/10.34983/10.24891/ia.24.10.1188>

11. Aliev A. S. Novy`j poryadok ucheta osnovny`x sredstv i amortizacii s 2022 goda [New accounting procedures for fixed assets and depreciation from 2022 year]. *Vestnik nauchnoj my`сли*, 2021, no. 3, pp. 7–11.

12. Golova E. E., Baetova D. R. Dokumental'noe oformlenie buxgalterskogo ucheta osnovny`x sredstv v kommercheskix organizatsiyax v usloviyax primeneniya FSBU 6/2020 "Osnovny`e sredstva" [Documenting the accounting of fixed assets in commercial organizations under the conditions of application of FSB 6/2020 "Fixed assets"]. *NI: e`konomika i upravlenie*, 2023, no. 2(43), pp. 20–24.

13. Nikolskaya E. V. Analiz fondootdachi [Analysis of capital return]. *Buxgalterskij uchët v izdatel'stve i poligrafii*, 2006, no. 3(87), pp. 24–27.

14. Ismailov G. M., Shakhbanov R. B. K voprosu o formirovanii pervonachal'noj stoimosti ob`ektov osnovny`x sredstv dlya celej buxgalterskogo ucheta [To the question on formation of original cost of fixed assets for accounting purposes]. *Vestnik nauchnoj my`сли*, 2022, no. 4, pp. 69–72. DOI: <https://doi.org/10.34983/10.34983/DITPB.2022.18.49.001>

Информация об авторах / Information about the authors

А.В. Керимова – магистрант института экономики и управления, Нижегородский государственный инженерно-экономический университет (Нижний Новгород, Российская Федерация),

✉ Kerimova.ann@bk.ru, SPIN: 4148-7671, <https://orcid.org/0009-0004-9869-713X>

A.V. Kerimova – Undergraduate of Institute of Economics and Management, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

З.А. Мишина – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» Института экономики и управления, Нижегородский государственный инженерно-экономический университет (Нижний Новгород, Российская Федерация),

✉ Zinaida-1985@bk.ru, SPIN: 8283-9030, <https://orcid.org/0000-0002-6396-6705>

Z.A. Mishina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Chair “Accounting, Analysis and Audit”, Institute of Economics and Management, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию / The article received 22.01.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 06.05.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 63–78.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 63–78.

Научная статья

УДК 658.5:004

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/63-78>

Влияние цифровой трансформации на производительность бизнес-процессов

Антон Дмитриевич Чалый

Тихоокеанский государственный университет,

Хабаровск, Российская Федерация

✉ a-chalyu2016@yandex.ru

Аннотация. Современная экономика переживает новый виток развития, обусловленный активным внедрением цифровых технологий, что формирует новую парадигму управления и производительности. Цифровая трансформация становится ключевым фактором роста эффективности и конкурентоспособности компаний в условиях быстро меняющейся цифровой среды.

Интеграция технологий, таких как искусственный интеллект, Big Data, облачные вычисления и Интернет вещей, трансформирует подходы к управлению бизнес-процессами, открывая новые возможности для оптимизации затрат, повышения качества обслуживания и создания дополнительной ценности для клиентов. В статье представлена методика оценки влияния цифровой трансформации на производительность бизнес-процессов, опирающаяся на ключевые показатели эффективности (KPI) и предлагающая структурированный подход к реализации цифровых преобразований.

Особое внимание уделено значению человеческого фактора и управления изменениями как основополагающих компонентов успешной трансформации. Работа акцентирует внимание на необходимости стратегического подхода и адаптивности в условиях цифровой экономики, что делает её ценным инструментом для исследователей и практиков в области цифровизации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, эффективность бизнес-процессов, искусственный интеллект, Big Data, конкурентоспособность

Для цитирования: Чалый А.Д. Влияние цифровой трансформации на производительность бизнес-процессов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 63–78.

The impact of digital transformation on business process performance

Anton D. Chaly

Pacific State University,
Khabarovsk, Russian Federation

✉ a-chalyy2016@yandex.ru

Abstract. The modern economy is experiencing a new round of development due to the active introduction of digital technologies, which is forming a new paradigm of management and productivity. Digital transformation is becoming a key factor in increasing the efficiency and competitiveness of companies in a rapidly changing digital environment.

The integration of technologies such as artificial intelligence, Big Data, cloud computing, and the Internet of Things is transforming approaches to business process management, opening up new opportunities to optimize costs, improve service quality, and create additional value for customers. The article presents a methodology for assessing the impact of digital transformation on business process productivity, based on key performance indicators (KPIs) and offering a structured approach to implementing digital transformation.

Special attention is paid to the importance of the human factor and change management as fundamental components of successful transformation. The work focuses on the need for a strategic approach and adaptability in the digital economy, which makes it a valuable tool for researchers and practitioners in the field of digitalization.

Keywords: digital transformation, business process efficiency, artificial intelligence, Big Data, competitiveness

For citation: Chaly A.D. The impact of digital transformation on business process performance. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 63–78. (In Russ.).

Введение

Концепция цифровой трансформации претерпела значительные изменения с момента своего возникновения, особенно с появлением Интернета и развитием цифровых технологий. Первоначально организации воспринимали цифровые технологии исключительно как инструмент повышения эффективности; однако конец XX и начало XXI веков ознаменовали глубокие изменения. Компании перешли от традиционных стандартных операций к онлайн-платформам и цифровым сервисам, что побудило многих переосмыслить все свои бизнес-модели, чтобы оставаться конкурентоспособными [1; 2].

Движение к цифровой трансформации набрало обороты с внедрением различных технологий, таких как искусственный интеллект, Big Data (большие данные),

облачные вычисления и Интернет вещей. Эти инновации не только автоматизировали операции, но и позволили компаниям получать ценную информацию, улучшать качество обслуживания клиентов и повышать общую операционную эффективность [3; 4].

Цифровая трансформация получила признание как многогранный процесс, включающий в себя не только модернизацию ИТ, но и цифровизацию операционной деятельности и инновационные бизнес-проекты, направленные на создание ценности и обеспечение конкурентоспособности [3; 5; 6].

В рамках этой эволюции важно различать оцифровку, которая связана с преобразованием физических данных в цифровую форму, и цифровизацию, которая акцентируется на применении цифровых данных для улучшения и оптимизации процессов. Цифровая трансформация, в свою очередь, представляет собой более глубокий процесс: она подразумевает комплексное внедрение технологий во все аспекты деятельности компании, что радикально меняет подходы к работе и создаёт дополнительную ценность для клиентов [6]. Для успешной реализации такой трансформации требуется стратегический взгляд, глубокое понимание технологических тенденций и способность адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям цифровой среды [3; 4].

Важность цифровой трансформации растёт параллельно с растущими запросами потребителей, что вынуждает компании быстро адаптировать свои предложения к меняющимся предпочтениям. Внедряя цифровую трансформацию, организации не просто реагируют на изменения, но и активно используют технологии в качестве катализатора инноваций и конкурентного преимущества [7; 8; 9].

Цифровая трансформация, по мнению Кристиана Мэтта, Томаса Хесса и Александра Бенлиана, представляет собой процесс управления изменениями, возникающими в результате интеграции цифровых технологий, и их последующего воздействия на деятельность компаний [10]. Флориан Висбек рассматривает это явление как концепцию, включающую в себя преобразования бизнес-моделей, продуктов, процессов и организационных структур под влиянием цифровых технологий, что проявляется, например, в растущем спросе на информационные ресурсы [11]. Джон Рейс определяет цифровую трансформацию как использование новых цифровых технологий для осуществления значительных бизнес-преобразований и влияния на жизнь пользователей [12]. В свою очередь, Майкл Фицджеральд и его коллеги подчёркивают, что цифровая трансформация связана с внедрением цифровых технологий с целью достижения существенных улучшений в бизнесе, таких как повышение качества обслуживания, оптимизация операций и создание новых бизнес-моделей, что приводит к увеличению доходов от цифровых активов [13]. Российские учёные и эксперты в области экономики также активно исследуют эту концепцию.

Цифровая трансформация определяется как процесс интеграции цифровых технологий во все аспекты деятельности бизнеса, что приводит к существенным изменениям методов работы организаций и созданию дополнительной ценности для клиентов. Важным элементом данного процесса является переосмысление и оптимизация бизнес-процессов, которые представляют собой последовательность взаимосвязанных действий, направленных на достижение целей организации. Цифровая трансформация затрагивает как внутренние, так и внешние бизнес-процессы, обеспечивая их автоматизацию, повышение эффективности и адаптацию к современным требованиям рынка. Этот подход позволяет компаниям повышать производительность, гибкость и конкурентоспособность в условиях стремительно развивающейся цифровой среды.

Таким образом, под цифровой трансформацией можно понимать процесс интеграции цифровых технологий во все аспекты деятельности бизнеса, который приводит к существенным изменениям методов работы организаций и способствует созданию дополнительной ценности для клиентов. Этот процесс охватывает трансформацию организационной культуры, внедрение современных технологий и оптимизацию бизнес-моделей с целью повышения производительности и адаптивности в условиях динамично развивающейся цифровой среды.

Рассмотрим элементы, входящие в процесс цифровой трансформации (рис. 1).

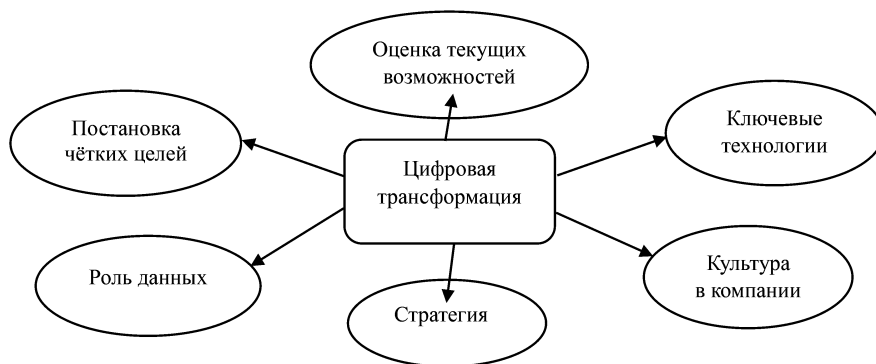

Рис. 1. Элементы, входящие в процесс цифровой трансформации
Fig. 1. Elements included in the digital transformation process

Источник: составлено автором

Постановка чётких целей. Одним из основных элементов успешной цифровой трансформации является определение ясных и конкретных целей и задач, которые согласуются с общим видением и миссией организации [4].

Оценка текущих возможностей. Прежде чем приступить к цифровой трансформации, крайне важно проанализировать текущие ресурсы и потенциал организации, включая современные технологии, процессы и навыки персонала. Эта оценка помо-

гает выявить пробелы, которые необходимо устранить, чтобы усилия по преобразованию основывались на понимании отправной точки организации.

Ключевые технологии. Внедрение передовых технологий занимает центральное место в цифровой трансформации. Новые технологии, такие как искусственный интеллект, аналитика больших данных, облачные вычисления и Интернет вещей, стимулируют инновации и улучшают качество обслуживания клиентов за счёт создания более эффективных бизнес-моделей [3; 4; 14].

Кроме того, стратегическое использование этих технологий может значительно повысить операционную эффективность и позволить организациям быстро реагировать на меняющиеся требования рынка [7].

Рассмотрев статистику, собранную сайтом FinancesOnline.com, можно увидеть результаты внедрения цифровой трансформации (рис. 2).

Рис. 2. Результаты внедрения цифровой трансформации
Fig. 2. Results of the implementation of digital transformation

Источник: Рассчитано автором по данным: Reference. Key Components of an Effective Digital Transformation Roadmap Explained. URL: <https://www.reference.com/business-finance/key-components-effective-digital-transformation-roadmap-explained> (дата обращения: 26.12.2024)

Результаты исследования:

- 29% руководителей компаний с высоким уровнем цифровой зрелости сообщили о положительном влиянии цифровой трансформации на экономический рост и инновации, в то время как 41% руководителей подчеркнули положительное влияние на продажи и маркетинг;

- 38% руководителей планируют больше инвестировать в технологии, чтобы сделать их своим конкурентным преимуществом;

- 70% организаций считают практическое понимание новых технологий их руководителями адекватным или выше среднего;

- 28% ИТ-директоров и 23% главных исполнительных директоров являются владельцами или спонсорами инициатив по цифровой трансформации;
- 37% ИТ-инициатив компаний по всему миру направлены на улучшение качества обслуживания клиентов;
- 39% руководителей компаний считают цифровую трансформацию главным приоритетом для своих ИТ-директоров;
- 67% ИТ-директоров заявили, что создание новых инициатив, приносящих доход, входит в число их должностных обязанностей;
- 78% руководителей ИТ-подразделений заявили, что они общаются с советом директоров больше, чем когда-либо прежде.

Данные от FinancesOnline.com позволяют нам понять, какие технологии наиболее актуальны и востребованы в современном бизнесе (рис. 3).

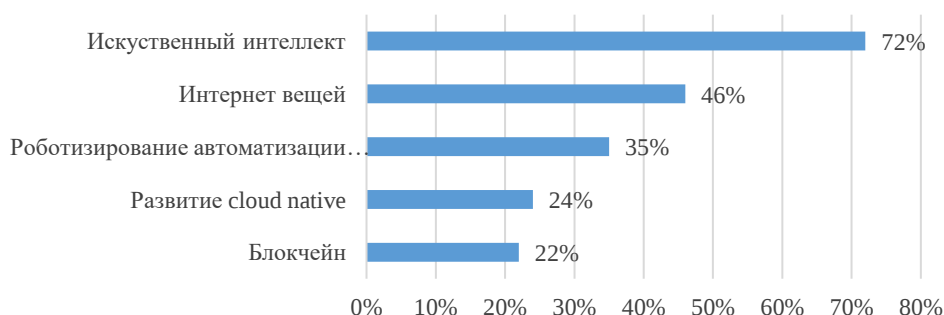

Рис. 3. Наиболее востребованные технологии в бизнесе

Fig. 3. The most popular technologies in business

Источник: Рассчитано автором по данным: Reference. Key Components of an Effective Digital Transformation Roadmap Explained. URL: <https://www.reference.com/business-finance/key-components-effective-digital-transformation-roadmap-explained> (дата обращения: 26.12.2024)

Результаты исследований выявили, что наиболее востребованными технологиями в настоящее время являются:

- искусственный интеллект (72%), используемый для повышения эффективности деятельности компаний;
- концепция интернета вещей (46%), включающая умные датчики и виртуальных помощников;
- технология РПА (35%), основанная на использовании программных роботов;
- развитие программного подхода Cloud Native (24%);
- блокчейн (22%) – постоянно обновляемая база данных.

По результатам исследования Forbes, 70% предприятий либо уже внедрили, либо активно разрабатывают стратегию цифровой трансформации [13]. В связи с этим разработан алгоритм практического внедрения цифровой трансформации, призванный повысить конкурентоспособность и эффективность организации [15].

Первым шагом в цифровой трансформации является обоснование её необходимости и потенциальных выгод для организации. Для этого следует провести анализ проблем, рынка и конкурентов, а также оценить текущее состояние организации, включая: культуру и стратегию, используемые технологии, бизнес-процессы и методы взаимодействия с потребителями. Далее необходимо разработать стратегию, основанную на вдохновляющем видении будущего и чётких целях. Видение должно способствовать сотрудничеству, а цели должны быть понятными и достижимыми, при этом их определение может быть результатом совместной работы. Разработка стратегии включает в себя формирование идей и создание детального плана.

Цифровая трансформация требует решения отдельных задач, которые затем интегрируются в единую систему. Для этого необходимы специалисты, понимающие бизнес-процессы и имеющие опыт внедрения изменений. Разработанная стратегия, включающая определение необходимых технологий, навыков, целей и дорожной карты, должна обеспечивать поступательное развитие компании. Ключевым элементом является человеческий фактор: именно люди, а не только технологии, являются залогом успеха. Исследования показывают, что 70% руководителей испытывают сложности из-за недостатка цифровых навыков у персонала. Технологии не будут эффективными без необходимой подготовки, поэтому обучение персонала, а также их мотивация к изменениям являются крайне важными [16].

Кроме того, для успешной цифровой трансформации необходимо, чтобы сотрудники были готовы к адаптации и изменениям, а руководство создавало культуру, поддерживающую эксперименты и быстрое принятие решений. Регулярная обратная связь от руководства является важным фактором, показывающим сотрудникам, что их вклад ценен и их идеи приветствуются. Как было отмечено, инвестиции в обучение и обеспечение персонала необходимыми инструментами – обязательное условие. Кроме того, необходимо установить показатели, которые позволят отслеживать успешность цифровой трансформации, такие как удовлетворённость потребителей, производительность труда, доходы от цифровых технологий, ROI (окупаемость) и показатели внедрения и эффективности цифровых инструментов. Знание правильных показателей для отслеживания критически важно для определения, движется ли цифровая трансформация в правильном направлении. Наличие необходимых ресурсов, инструментов и квалифицированного персонала позволит начать успешную цифровую трансформацию. Дальнейшее содержание методики, описывающей влияние цифровой трансформации на эффективную работу и конкурентоспособность предприятий, представлено ниже (табл. 1) [17].

В данном исследовании акцент делается на разработке методики оценки влияния цифровой трансформации на производительность бизнес-процессов. Методика охватывает ключевые этапы оценки, начиная с теоретического обоснования и анализа текущего состояния компании и заканчивая разработкой практических рекомен-

даций. Основной целью является предоставление инструментария, позволяющего предприятиям определить, каким образом внедрение цифровых технологий способствует улучшению их показателей эффективности и конкурентоспособности.

Методика включает в себя разработку модели оценки производительности, основанной на ключевых показателях эффективности (КПИ), и предложений по внедрению цифровых решений для оптимизации бизнес-процессов. Это исследование представляет собой важный вклад в развитие подходов к управлению цифровыми изменениями в организациях.

Методика

Этапы:

1. Определение бизнес-процессов, подлежащих анализу.

Ключевые процессы: производство, логистика, продажи, обслуживание клиентов.

2. Выбор показателей эффективности.

Время выполнения процесса.

Затраты на процесс.

Уровень удовлетворённости клиента.

Доля дефектов или ошибок.

3. Анализ текущего состояния.

Оценка данных до внедрения цифровых технологий.

4. Внедрение цифровых технологий.

Интеграция ИИ, Big Data, RPA.

5. Сбор данных после внедрения.

Сравнение значений КПИ до и после внедрения.

6. Выводы и корректировки.

Анализ результатов и предложения по улучшению.

Методика должна включать формулы расчёта КПИ.

Таблица 1

Содержание методики влияния введения цифровой трансформации на эффективную работу и конкурентоспособность предприятий

Contents of the methodology for the impact of the introduction of digital transformation on the efficient operation and competitiveness of enterprises

Раздел	Этап	Содержание/Пояснение
1. Теоретическое обоснование	Обзор ключевых концепций цифровой трансформации, её целей, преимуществ и потенциальных рисков для бизнеса	Что такое цифровая трансформация? Каковы основные драйверы цифровой трансформации? Какие существуют подходы к цифровой трансформации? Как цифровая трансформация влияет на бизнес? / Создать общее понимание концепции цифровой трансформации и её важности для предприятий

Продолжение табл. 1

2. Анализ текущего состояния	Оценка текущего уровня цифровой зрелости предприятия, его бизнес-процессов, технологической инфраструктуры и организационной культуры	Оценка текущей бизнес-стратегии. Анализ бизнес-процессов. Оценка используемых технологий. Оценка организационной культуры и готовности к изменениям. Анализ компетенций персонала. / Определить отправную точку для внедрения цифровой трансформации и выявить основные области, требующие изменений
3. Определение целей	Формулирование конкретных, измеримых, достижимых, релевантных и ограниченных по времени (SMART) целей цифровой трансформации	Какие цели преследует предприятие? Какие показатели эффективности должны быть улучшены? Как измерить достижение поставленных целей? Какие конкретные результаты планируется получить от трансформации? / Установить четкие ориентиры и критерии успеха для внедрения цифровой трансформации, сфокусированные на повышении эффективности и конкурентоспособности
4. Разработка стратегии	Определение дорожной карты цифровой трансформации, включая выбор необходимых технологий, инструментов и ресурсов, а также планирование этапов внедрения	Выбор приоритетных областей для цифровизации. Определение необходимых технологий и инструментов. Составление плана внедрения цифровых технологий. Распределение ресурсов и ответственности. / Разработать пошаговый план действий для реализации цифровой трансформации с учетом имеющихся возможностей и ограничений
5. Внедрение и интеграция	Реализация запланированных мероприятий по внедрению цифровых технологий и интеграции их в существующие бизнес-процессы	Выбор поставщиков решений и технологий. Обучение персонала работе с новыми технологиями. Интеграция цифровых инструментов в бизнес-процессы. Тестирование и отладка внедряемых систем. / Обеспечить эффективное и бесперебойное внедрение цифровых технологий в повседневную деятельность предприятия

6. Оценка влияния	Анализ и оценка воздействия цифровой трансформации на ключевые показатели эффективности, конкурентоспособности и другие важные аспекты деятельности предприятия	Оценка удовлетворённости клиентов. Анализ производительности труда сотрудников. Оценка доходов от цифровых технологий. Расчёт ROI (окупаемости инвестиций). Анализ эффективности бизнес-процессов. / Измерить и проанализировать результаты внедрения цифровой трансформации, а также оценить её влияние на бизнес
7. Корректировка и масштабирование	Внесение необходимых корректировок в стратегию и процессы цифровой трансформации на основе результатов оценки, а также масштабирование успешных практик на другие области предприятия	Идентификация областей, требующих корректировки. Внесение изменений в стратегию и процессы. Масштабирование успешных решений и практик. Постоянный мониторинг и улучшение процессов. / Обеспечить гибкость и адаптивность стратегии цифровой трансформации, а также масштабировать успешные практики для достижения максимального эффекта
8. Выводы и рекомендации	Формулирование выводов о влиянии цифровой трансформации на предприятие, а также предоставление практических рекомендаций по её дальнейшему развитию и совершенствованию	Какие ключевые выводы можно сделать по результатам проведённого анализа? Какие рекомендации можно дать для повышения эффективности цифровой трансформации? Какие дальнейшие шаги необходимо предпринять? / Сформулировать чёткие выводы по результатам внедрения цифровой трансформации и предложить конкретные рекомендации для дальнейшего развития

Источник: составлено автором

Представленная таблица описывает комплексную и структурированную методику для оценки влияния цифровой трансформации на эффективность и конкурентоспособность предприятий. Методика охватывает все ключевые этапы процесса цифровизации, начиная от теоретического обоснования и заканчивая формулированием выводов и рекомендаций.

Эта таблица представляет собой общую структуру, и, в зависимости от конкретных условий и потребностей предприятия, она может быть детализирована и адаптирована.

Ключевые вопросы в каждом разделе призваны помочь более точно определить содержание анализа и проводимых работ.

В методике оценки влияния цифровой трансформации на производительность бизнес-процессов следует использовать показатели, которые отражают ключевые аспекты их эффективности. Основные показатели производительности бизнес-процессов представлены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели, отражающие ключевые аспекты эффективности
Indicators reflecting key aspects of efficiency

Показатель	Описание	Как оценивается	Цель
Время выполнения процесса (Cycle Time)	Отражает время, необходимое для завершения одного цикла бизнес-процесса	Измеряется как разница между временем начала и завершения	Сокращение времени выполнения указывает на повышение операционной эффективности
Стоимость процесса (Process Cost)	Общие затраты, связанные с выполнением процесса, включая трудозатраты, использование ресурсов и затрат на технологии	Суммируются прямые и косвенные издержки, связанные с процессом	Снижение стоимости свидетельствует об экономической эффективности трансформации
Качество процесса (Process Quality)	Доля завершённых процессов, которые соответствуют установленным стандартам качества	Количество дефектных результатов делится на общее количество выполненных процессов, представляется в виде процента	Повышение качества указывает на улучшение производительности
Удовлетворённость клиентов (Customer Satisfaction)	Отражает степень удовлетворённости потребителей результатами процесса	Проводится через опросы, анализ отзывов и показателей Net Promoter Score (NPS)	Увеличение удовлетворённости клиентов говорит об улучшении взаимодействия и качества услуг
Гибкость и адаптивность процессов (Process Flexibility)	Способность бизнес-процесса адаптироваться к изменениям во внешней или внутренней среде	Анализируется время, необходимое для адаптации процесса к новым условиям	Повышение гибкости свидетельствует о лучшей адаптации к цифровой трансформации

Окончание табл. 2

Производительность труда (Labor Productivity)	Количество результата (продукта или услуги), произведённого за единицу рабочего времени	Отношение объёма выполненной работы к затраченным трудозатратам	Рост производительности труда является индикатором успеха цифровизации
ROI процесса (Return on Investment)	Возврат инвестиций, связанных с реализацией цифровой трансформации	Отношение прибыли, полученной благодаря улучшению процесса, к затратам на его цифровизацию	Положительный ROI подтверждает рентабельность внедрения цифровых технологий

Источник: Рассчитано автором по данным: Международный стандарт ISO 22400-2:2014. Системы автоматизации и интеграция – Основные показатели эффективности (KPI) для управления производственными операциями. Женева: Международная организация по стандартизации, 2014. 24 с.

Эти показатели позволяют всесторонне оценить влияние цифровой трансформации на бизнес-процессы и выявить области, требующие дополнительного внимания или корректировок [18].

На основе предложенной методики была разработана гипотетическая модель оценки влияния цифровой трансформации на производительность бизнес-процессов. Результаты представлены в таблице 3, отражающей ключевые показатели до и после внедрения цифровых технологий.

Таблица 3

Гипотетическая модель оценки производительности бизнес-процессов
Hypothetical model for assessing business process performance

Показатель	До цифровой трансформации	После цифровой трансформации
Производительность труда (ед./ч)	50	80
Уровень затрат на процессы (%)	40	25
Время выполнения процесса (часы)	8	4
Уровень удовлетворённости клиентов (%)	70	90
ROI цифровых технологий (%)	-	150

Источник: составлено автором

На основе модели можно сделать следующие выводы:

- увеличение производительности труда: прирост на 60% благодаря автоматизации рутинных операций;
- снижение затрат: уменьшение на 15% вследствие оптимизации процессов;
- сокращение времени выполнения процессов: снижение в два раза за счёт интеграции цифровых инструментов;

- увеличение удовлетворённости клиентов: рост на 20% благодаря повышению качества обслуживания;

- рост ROI цифровых технологий: высокие показатели возврата инвестиций подтверждают эффективность внедрения.

Проблемы регулирования:

- комплексность нормативных требований: нормативные акты постоянно обновляются, создавая необходимость в своевременной адаптации;

- сопротивление изменениям: внедрение новых технологий может вызывать сопротивление среди сотрудников и руководителей;

- ограниченность ресурсов: недостаток бюджетов и квалифицированного персонала усложняет реализацию программ регулирования.

Роль управления изменениями:

- эффективное управление изменениями включает в себя обучение персонала и поддержку сотрудников в период адаптации;

- создание культуры изменений помогает организациям успешно интегрировать цифровые инструменты и соблюдать нормативные требования.

Результат исследования

Результатом данного исследования стало выявление ключевых особенностей регулирования бизнес-процессов в условиях цифровой трансформации, включающих необходимость адаптации нормативно-правовой базы, внедрения инновационных цифровых инструментов и управления изменениями. Разработанная гипотетическая модель оценки позволяет компаниям минимизировать риски несоблюдения требований и повышать эффективность процессов в условиях динамичного технологического развития.

Регулирование бизнес-процессов в условиях цифровой трансформации требует многогранного подхода, который сочетает технологические инновации, адаптацию нормативной базы и управление изменениями. Гибкость, интеграция цифровых инструментов и постоянное совершенствование процессов становятся ключевыми факторами успеха. Успешные компании, внедряющие передовые стратегии регулирования, смогут не только соответствовать законодательным требованиям, но и значительно повысить свою конкурентоспособность в условиях цифровой экономики.

Цифровая трансформация представляет собой ключевое направление для модернизации бизнеса, направленное на интеграцию цифровых технологий во все аспекты деятельности организаций с целью повышения их конкурентоспособности и эффективности. В современном мире она становится необходимостью для компаний, стремящихся к успешной адаптации в условиях быстро меняющихся технологий и потребностей клиентов.

Заключение

Как показано в исследовании, цифровая трансформация охватывает не только внедрение передовых технологий, таких как искусственный интеллект, Big Data, облачные вычисления и Интернет вещей, но и полное переосмысление бизнес-моделей, процессов и организационной культуры. Важно, что этот процесс требует стратегического подхода, который включает чёткое определение целей, оценку текущих возможностей компании и интеграцию технологий на всех уровнях.

Результаты статистики и исследований подтверждают, что успешная цифровая трансформация приводит к улучшению операционной эффективности, росту продаж, повышению качества обслуживания клиентов и созданию новых бизнес-моделей. Внедрение цифровых технологий в бизнес-процессы также способствует улучшению конкурентоспособности организаций. При этом важным фактором успеха является обучение персонала и создание культуры изменений, где люди, а не только технологии, играют решающую роль.

Методика, предложенная в работе, охватывает все ключевые этапы цифровой трансформации, начиная от теоретического обоснования и анализа текущего состояния организации и заканчивая оценкой воздействия внедрённых технологий на эффективность бизнеса. Она предоставляет компании чёткий план действий для успешной реализации цифровых преобразований, с учётом специфики и потребностей конкретной организации.

В целом, цифровая трансформация – это не только технологическое обновление, но и стратегический шаг, обеспечивающий долгосрочный успех бизнеса в условиях цифровой экономики.

Список источников

1. Mehta S. How digital transformation shapes winning business strategies: growth and agility // Solutelabs. URL: <https://www.solutelabs.com/blog/digital-transformation-business-strategies>
2. Digital transformation // Accenture. URL: <https://www.accenture.com/us-en/insights/digital-transformation-index>
3. Key components of digital transformation every business should know in 2025 // Quixy. URL: <https://quixy.com/blog/what-are-the-components-of-digital-transformation/>
4. Impact of digital transformation on customer experience. URL: <https://www.goodcore.co.uk/blog/how-to-improve-customer-experience-through-digital-transformation/>
5. 15 successful examples of digital business transformation // Revechat. URL: <https://www.revechat.com/blog/digital-transformation-examples/>
6. 6 core elements of digital transformation // Skill-mine. URL: <https://skillmine.com/6-core-elements-of-digital-transformation/>
7. Miroslavov M. 10 successful digital transformation examples [2023 guide] // Officernd. URL: <https://www.officernd.com/blog/digital-transformation-examples/>

8. Importance of digital transformation // Ninetailed. URL: <https://ninetailed.io/blog/importance-of-digital-transformation/>
9. 22 Digital transformation examples for companies and industries // Digital leadership. URL: <https://digitalleadership.com/glossary/digital-transformation-examples/>
10. Matt C., Hess T., Benlian A. Digital transformation strategies // Business & Information Systems Engineering. 2015. No. 57 (5). P. 339–343.
11. Options for formulating a digital transformation strategy / T. Hess, C. Matt, A. Benlian, F. Wiesböck // MIS Quarterly Executive. 2016. No. 15. P. 123–139.
12. Digital transformation: a literature review and guidelines for future research / J. Reis, M. Amorim, N. Melao, P. Matos // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2018. Vol. 745. P. 411–421.
13. Morgan B. 100 stats on digital transformation and customer experience // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/blakemorgan/2019/12/16/100-stats-on-digital-transformation-and-customer-experience/>
14. 7 examples of digital transformation success stories // Clevr. URL: <https://www.clevr.com/blog/5-real-world-digital-transformation-examples>
15. Embracing digital technology: a new strategic imperative / M. Fitzgerald, N. Kruchwitz, D. Bonnet, M. Welch // MIT Sloan Management Review, Research Report. 2013. Vol. 55, № 2. P. 1–12.
16. Key components of an effective digital transformation roadmap explained // Reference. URL: <https://www.reference.com/business-finance/key-components-effective-digital-transformation-roadmap-explained>
17. What are the key components of digital transformation? // Devico. URL: <https://devico.io/blog/what-are-the-key-components-of-digital-transformation> (дата обращения: 26.12.2024).

References

1. Mehta S. How digital transformation shapes winning business strategies: growth and agility. *Solutelabs*. URL: <https://www.solutelabs.com/blog/digital-transformation-business-strategies>
2. Digital transformation. *Accenture*. URL: <https://www.accenture.com/us-en/insights/digital-transformation-index>
3. Key components of digital transformation every business should know in 2025. *Quixy*. URL: <https://quixy.com/blog/what-are-the-components-of-digital-transformation/>
4. Impact of digital transformation on customer experience. URL: <https://www.good-core.co.uk/blog/how-to-improve-customer-experience-through-digital-transformation/>
5. 15 successful examples of digital business transformation. *Revechat*. URL: <https://www.revechat.com/blog/digital-transformation-examples/>
6. 6 core elements of digital transformation. *Skill-mine*. URL: <https://skill-mine.com/6-core-elements-of-digital-transformation/>

7. Miroslavov M. 10 successful digital transformation examples [2023 guide]. *Officernd*. URL: <https://www.officernd.com/blog/digital-transformation-examples/>
8. Importance of digital transformation. *Ninetailed*. URL: <https://ninetailed.io/blog/importance-of-digital-transformation/>
9. 22 Digital transformation examples for companies and industries. *Digital leadership*. URL: <https://digitalleadership.com/glossary/digital-transformation-examples/>
10. Matt C., Hess T., Benlian A. Digital transformation strategies. *Business & Information Systems Engineering*, 2015, no. 57, pp. 339–343. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12599-015-0401-5>
11. Hess T., Matt C., Benlian A., Wiesböck F. Options for formulating a digital transformation strategy. *MIS Quarterly Executive*, 2016, no. 15, pp. 123–139.
12. Reis J., Amorim M., Melao N., Matos P. Digital transformation: a literature review and guidelines for future research. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2018, vol. 745, pp. 411–421.
13. Morgan B. 100 stats on digital transformation and customer experience. *Forbes*. URL: <https://www.forbes.com/sites/blakemorgan/2019/12/16/100-stats-on-digital-transformation-and-customer-experience/>
14. 7 examples of digital transformation success stories. *Clevr*. URL: <https://www.clevr.com/blog/5-real-world-digital-transformation-examples>
15. Fitzgerald M., Kruschwitz N., Bonnet D., Welch M. Embracing digital technology: a new strategic imperative. *MIT Sloan Management Review, Research Report*, 2013, vol. 55, no. 2, pp. 1–12.
16. Key components of an effective digital transformation roadmap explained. *Reference*. URL: <https://www.reference.com/business-finance/key-components-effective-digital-transformation-roadmap-explained>
17. What are the key components of digital transformation? *Devico*. URL: <https://devico.io/blog/what-are-the-key-components-of-digital-transformation>

Информация об авторах / Information about the authors

А.Д. Чалый – аспирант Высшей школы экономики, Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск, Российская Федерация),

✉ a-chalyy2016@yandex.ru

A.D. Chaly – Postgraduate Student at the Higher School of Economics, Pacific State University (Khabarovsk, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 16.01.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 14.05.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 79–89.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 79–89.

Научная статья

УДК 339.138:614

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/79-89>

Теоретические и методические аспекты разработки стратегии развития клиентского сервиса медицинских организаций

Анна Владимировна Локша, Татьяна Сергеевна Трегубова✉

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Владивосток, Российская Федерация

✉ fox1108@mail.ru

Аннотация. Значимость роли, которую играют потребители в деятельности любой компании, невозможно переоценить, ведь главным источником доходов компании является потребительский спрос на товары или услуги компании. Именно поэтому основной стратегией успешного существования и дальнейшего развития современных компаний постепенно становится эффективное управление клиентским сервисом.

Ориентация на долгосрочные цели в рамках стратегического развития компании предполагает отношение к клиентам как к ценным партнёрам и полноправным стейкхолдерам, что, в свою очередь, может быть осуществлено только в результате эффективного управления клиентским сервисом, этим и обуславливается актуальность выбранной темы.

В процессе исследования были использованы общенаучные и специальные методы: анализ и синтез, сравнение, метод экспертных оценок, анкетирование, статистические методы обработки информации и другие.

Полученные результаты позволили разработать алгоритм дальнейшего развития исследования и схему разработки научных и практических рекомендаций по совершенствованию клиентского сервиса медицинских услуг на рынке с учётом отраслевой и региональной специфики.

Ключевые слова: стратегия, клиенты, лояльность клиентов, медицинские организации, клиентский сервис

Для цитирования: Локша А.В., Трегубова Т.С. Теоретические и методические аспекты разработки стратегии развития клиентского сервиса медицинских организаций // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 79–89.

Original article

Theoretical and methodological aspects of developing a customer service development strategy for medical organizations

Anna V. Loksha, Tatyana S. Tregubova✉

Pacific State Medical University, Vladivostok, Russian Federation

✉ fox1108@mail.ru

Abstract. The importance of the role that consumers play in the activities of any company cannot be overestimated, because the main source of income for the company is consumer demand for the company's goods or services. That is why the main strategy for the successful existence and further development of modern companies is gradually becoming effective customer service management.

Focusing on the long-term goals within the framework of the company's strategic development involves treating customers as valuable partners and full stakeholders, which, in turn, can only be achieved through effective customer service management, which determines the relevance of the chosen topic.

In the course of the research, general scientific and special methods were used: analysis and synthesis, comparison, expert assessment method, questionnaires, statistical methods of information processing and others.

The obtained results made it possible to develop an algorithm for further development of the research and a scheme for developing scientific and practical recommendations for improving customer service of medical services on the market, taking into account industry and regional specifics.

Keywords: strategy, clients, customer loyalty, medical organizations, customer service

For citation: Loksha A.V., Tregubova T.S. Theoretical and methodological aspects of developing a customer service development strategy for medical organizations. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 79–89. (In Russ.).

Введение

Теоретические и методические аспекты управления клиентским сервисом широко исследуются и с каждым годом привлекают к себе всё больше внимания. Ориентация компаний на совершенствование клиентского сервиса обусловлена рядом тенденций, в том числе усилением конкуренции, повышением требований покупателей к качеству предлагаемых продуктов и уровню сервиса, снижением эффективности традиционных маркетинговых средств. Компании стремятся максимально удовлетворить покупателя с целью завоевания его лояльности. Ведь именно лояльный клиент становится одним из главных конкурентных преимуществ компании, а следовательно условием выживания на рынке медицинских услуг.

Теоретической базой исследования послужили результаты фундаментальных и прикладных исследований в современной экономической мысли, теории маркетинга и концепции клиентского сервиса отечественных и зарубежных исследователей, таких как: Дж. Бернет, В.В. Бойко, Е.П. Голубков, Е.Н. Голубкова, Т.П. Данько, П.Р. Диксон, Ф. Котлер, Ж.-Ж. Ламбен, А. Линден-брэтен, С. Мориарти, Л. Перси, А.В. Решетников, Д. Росс, Дж.Р. Росситер, Б.А. Соловьёв, И.А. Тогунов, У. Уэллс, Ф. Шерер.

К настоящему времени в отечественной и зарубежной практике накопился большой объём теоретических и прикладных знаний в развитии клиентского сервиса и путей стратегического его развития. В последние годы маркетинговый подход начал постепенно внедряться и в практику российских организаций здравоохранения. Однако публикации в отечественных научных и отраслевых изданиях, касающиеся процесса обслуживания и принципов клиентского сервиса в сфере медицинских услуг, остаются весьма немногочисленными.

Объект исследования – система управления медицинской организацией.

Предмет исследования – клиентский сервис медицинской организации.

Материалы и методы исследования

Методическая основа исследования состоит из следующих общенаучных и специальных методов исследования: анализ и синтез, сравнение, статистические методы обработки информации и другие.

Исследовательский вопрос и цель исследования

Цель разработки стратегии управления клиентским сервисом – развитие потенциала и поддержание стратегической способности предприятия к выживанию и эффективному функционированию в условиях нестабильной внешней среды. На основе изучения отечественной и зарубежной литературы можно отметить, что нет общепринятого механизма разработки стратегии управления клиентским сервисом. Стратегическое развитие в сфере обслуживания клиентов приобретает всё большую популярность в теории менеджмента и практики управления. Клиентский сервис, или обслуживание клиентов, представляет собой процесс предоставления помощи, поддержки и консультаций клиентам компании на различных этапах взаимодействия. Это включает в себя обработку запросов, решение проблем, предоставление информации о продукции или услугах, а также обеспечение позитивного опыта взаимодействия с компанией.

Теоретическая рамка исследования

В своих публикациях И.А. Бланк выделяет доминантные сферы (направления) развития предприятия:

– стратегия формирования финансовых ресурсов, главной задачей которой является создание потенциала финансовых ресурсов предприятия, достаточного для удовлетворения потребностей, связанных с его развитием;

– инвестиционная стратегия, реализация которой позволяет рационально использовать финансовые ресурсы предприятия, правильно распределять их в зависимости от направлений и форм инвестирования, учитывая критерий соотношения риска и доходности;

– стратегия обеспечения финансовой безопасности предприятия, что позволяет обеспечивать финансовую устойчивость предприятия в процессе стратегического развития;

– стратегия повышения качества управления финансовой деятельностью предприятия в стратегической перспективе;

– стратегия повышения качества обслуживания и клиентского сервиса строится на стремлении компании обеспечить своим клиентам максимальное удобство в пользовании товаром или услугой [1].

Уровень предоставляемого сервиса на конкурентном рынке играет решающую роль в уменьшении оттока клиентов, а также в сохранении и привлечении новых клиентов, что в конечном итоге способствует увеличению прибыли компании. Цель клиентского сервиса заключается в удовлетворении потребностей и ожиданий клиентов на всех этапах взаимодействия клиента с компанией. Например, в случае возникновения новых потребностей – помогать с выбором, а в случае проблем – разрешать их максимально позитивно. Авторами проведена группировка целей клиентского сервиса, и наглядно результаты представлены на рисунке 1.

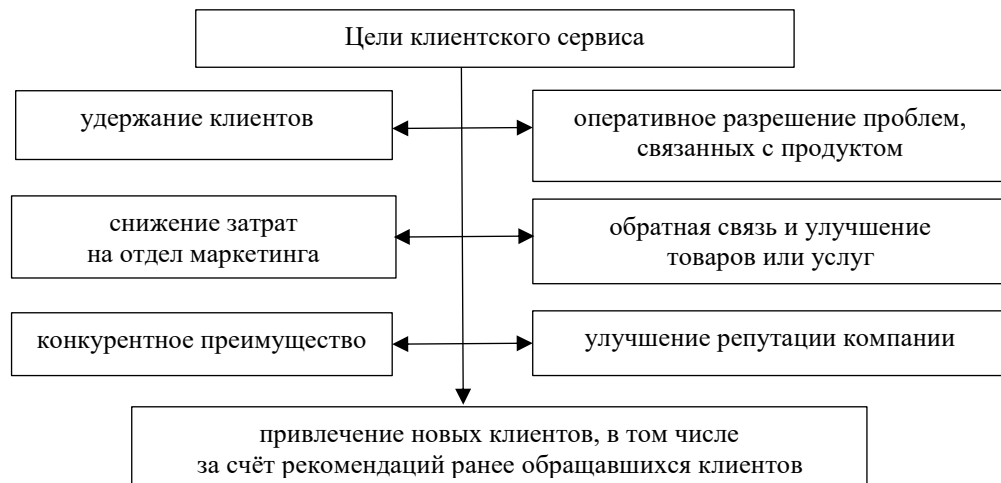

Рис. 1. Цели клиентского сервиса

Fig. 1. Customer service goals

Источник: составлено автором по данным [1; 2; 3]

Аксиомой управления клиентским сервисом является тот факт, что для компаний привлечение нового клиента в несколько раз дороже, чем удержание существующего. Повторные обращения клиентов зависят от качества обслуживания.

В процессе исследования авторами были выполнены следующие задачи управления клиентским сервисом:

- обеспечение быстрого обслуживания на всех этапах взаимодействия с клиентами, начиная с первого контакта на сайте, в мессенджерах или по телефону и заканчивая обработкой заявок на гарантийное или постгарантийное обслуживание. Быстрая реакция привлекает клиентов и повышает вероятность выбора продукции или услуг компании;

- фиксирование всего взаимодействия с клиентами в CRM-системе или системе обслуживания, например в ELMA365 Service. Это позволяет легко проследить историю общения с клиентами и обеспечивает быстрое решение возникающих вопросов. Кроме того, эффективное управление контактами помогает оптимизировать бюджет маркетинга;

- обеспечение омниканальности общения с клиентами. Важно уметь общаться с клиентами через различные каналы связи, такие как мессенджеры, социальные сети, электронная почта и телефон. Предоставление удобных для клиента каналов связи повышает удовлетворённость клиентов и предотвращает их уход к конкурентам;

- контроль за качеством предоставляемых услуг и удовлетворённостью клиентов. Важно устанавливать стандарты обслуживания (SLA) и активно контролировать их соблюдение. Это поможет выявить области для улучшения и повысить уровень клиентского сервиса.

Ценность клиентского сервиса в зависимости от зрелости бизнеса. Значимость клиентского сервиса и его задачи могут быть проиллюстрированы с помощью стандартного фреймворка зрелости процессов. На практике компании задумываются о клиентском сервисе на стадиях развития или увядания. Однако чем раньше компания определит для себя ценность сервиса, тем проще будет внедрение технологий и ИТ-продуктов и тем быстрее она начнёт получать результаты, выраженные в прибыли и росте.

1. Низкий уровень зрелости (начало работы компании или подразделения).

На этом этапе сервис оказывается хаотично, правила и регламенты работы с клиентами отсутствуют. Задача клиентского сервиса в этих условиях – гибко подходить к коммуникации с клиентом и адаптировать свои бизнес-процессы. Это помогает компании наращивать число клиентов.

Как это реализовывать: подключать инструменты для управления коммуникациями, например омниканальный блок ELMA365 Service, и собирать данные о клиентах в CRM. Сбор и анализ данных в рамках единого контура поможет держать их под контролем и со временем наводить порядок в регламентах и процессах, постепенно совершенствуя процесс взаимодействия с клиентами.

Редко удаётся доказать ценность сервиса собственнику, не внедряя инструментов для его автоматизации. Именно поэтому на данном этапе вместо тяжёловесных систем надо выбирать решения без лишних нагромождений в функционале.

2. Становление (формируются отделы, собственник отдаляется от оперативных задач). На этапе становления объёмы продаж растут, вместе с этим увеличиваются издержки, снижается внимание к потребностям клиентов, а собственник в это время стремится увеличить число направлений бизнеса. Зачастую нет границ между зонами ответственности сотрудников, нет чёткой системы мотивации, появляются сомнения в качестве работы сотрудников.

Необходимый уровень сервиса нужно описать в стандартах и политиках. Задача – улучшить систему управления и сосредоточиться на прибыли, а не выручке. Клиентский сервис же будет обеспечивать контроль и качество работы с клиентами.

На данной стадии при выборе ИТ-продуктов важно учитывать наличие готовых инструментов «в коробке». Важна простота настройки ролей и рабочих мест для разных типов сотрудников, наличие инструментов для обучения, чтобы оно проходило быстрее. Для определения слабых мест в разных зонах ответственности у руководителей должны быть аналитические инструменты.

3. Развитие/Расцвет. На этапе расцвета компания находится в состоянии успеха, достигнут баланс между эффективностью и результативностью. Основная цель компании – сохранить этот успех на протяжении максимально длительного времени. Для этого важно избавляться от неэффективных процессов, разрабатывать новые продукты и расширять рынки.

Таким образом, задача клиентского сервиса – развивать персонализированную коммуникацию с клиентом и улучшать текущий ИТ-продукт под оперативную работу ваших сотрудников и эффективность для заказчиков. Это возможно только за счёт непрерывного сбора обратной связи и адаптации продукта и бизнес-процессов.

На этой стадии при выборе ИТ-решения важно обратить внимание на омниканальность, возможности быстрого построения процессов и инструментов для решения задач сотрудниками разных отделов в одном интерфейсе. Процессы в компании становятся сложными, объём клиентов и нагрузка на сервисные службы – колоссальная.

К базовому набору инструментов подключается наличие инструментов автоматизации – боты и искусственный интеллект, самообслуживания – базы знаний и порталы, построения и оптимизации бизнес-процессов – конструкторы бизнес-процессов, интерфейсов. Система управления обращениями требует наличия вариативности в построении правил маршрутизации, необходимы контроль регламентов и норм и единое место работы оператора как гарант эффективности и скорости его работы.

4. Увядание. На последней стадии зрелости компании спрос на продукты снижается, услуги становятся невостребованными. Бизнес находится в стадии поиска новых рынков, инструментов и способов экономии и заработка. Здесь важно воспринимать

сервис не как источник затрат, а как источник поддержания и сохранения клиентской базы. Искать с помощью клиентского сервиса гипотезы для трансформации бизнеса, слушать клиента и правильно фиксировать обратную связь, совершать апсейлы.

ИТ-продукт для клиентского сервиса на данном этапе должен быть адаптивным, иметь низкую стоимость поддержки и развития. Технологии low-code и BPM-платформ играют здесь ключевую роль, так как не требуют дорогостоящей разработки для корректировки процессов, возложенных на систему управления сервисом.

Таким образом, клиентский сервис позволяет сократить расходы и увеличить чистую прибыль компании. Вместо того чтобы постоянно тратить деньги на привлечение разовых продаж, можно использовать email-маркетинг или другие каналы коммуникации со «старыми» клиентами, мотивируя их совершать повторные покупки.

Результаты исследования и их обсуждение

Авторы рассматривают клиентский сервис в двух аспектах: со стороны организации и клиентов.

В таблице 1 представлены принципы клиентского сервиса с точки зрения организаций, оказывающих услуги.

Таблица 1

Принципы клиентского сервиса
(с точки зрения компаний, оказывающих услуги)
Principles of customer service (from the point of view of service companies)

Принцип	Характеристика
Клиентоориентированность	Компания ставит нужды клиента на первое место и делает всё возможное, чтобы их удовлетворить. Клиентоориентированный подход должен быть частью корпоративной культуры компании [1]
Лояльные и ответственные сотрудники	Ресурсы всех сотрудников компании, включая тех, кто не общается напрямую с потребителями, должны быть сконцентрированы на удовлетворении потребностей клиентов. Качественный сервис включает в себя такие параметры, как оперативность, доступность, компетентность, профессионализм, вежливость, заботливость, готовность помочь, честность, дружелюбность [2]
Стратегия клиентского сервиса	Для бизнеса клиентский сервис должен стать частью долгосрочной стратегии, на основе которой выстраиваются все бизнес-процессы. Эта стратегия должна быть направлена на постоянные улучшения и развитие компетенций персонала, бизнес-процессов, продуктов или услуг [3]
Новейшие технологии	Использование возможностей новейшего программного обеспечения позволяет компаниям выйти за пределы традиционного бизнеса: усовершенствовать управленческие подходы, каналы внутренней и внешней коммуникации,

Источник: составлено автором

В таблице 2 представлены принципы клиентского сервиса с точки зрения клиентов.

Таблица 2

Принципы клиентского сервиса (с точки зрения клиентов)
Principles of customer service (from the customers' perspective)

Принцип	Характеристика
Индивидуальный подход	Клиенты хотят, чтобы компании учитывали их индивидуальные требования и предпочтения. При этом бизнес должен обеспечивать индивидуальный подход не только при решении возникающих проблем, но и уметь создавать персонализированные продукты и услуги [3]
Оперативность	Компания всегда должна быть готова оперативно решать возникающие у клиента проблемы, привлекать все необходимые для этого ресурсы и предотвращать появление проблем в будущем [3]
Информированность	При общении с клиентом необходима предельная чёткость формулировок. Он должен понимать характеристики продукта или услуги, которые ему предлагает компания, условия сотрудничества, сроки выполнения его заявки и т.д. Чем более точно клиент понимает, что получит в результате сотрудничества, тем меньше вероятность возникновения необоснованных претензий [2]
Удобство	Клиент получит положительный опыт взаимодействия с компанией, если она сможет обеспечить ему максимальное удобство на каждом этапе, начиная от подачи заявки и заканчивая способами оплаты [5]

Источник: составлено автором

Управление клиентским сервисом основано на изучении факторов, оказывающих влияние на результаты деятельности медицинских организаций, и эффективном управлении ими. В этой связи клиентская политика медицинских организаций представляет собой множества элементов, взаимосвязанных между собой, которые можно объединить в две группы (рис. 2).

Первую группу составляют процессы, выступающие её функциональной основой; во вторую группу входят показатели, оказывающие опосредованное влияние на построение клиентской политики, позволяющие провести её комплексную оценку, что является целью дальнейшего исследования.

Процесс управления также основывается на оценке эффективности организации клиентского сервиса и результатов принятых управленческих решений [4]. Для оценки эффективности клиентской политики «медицинских организаций предлагается использовать различные показатели в зависимости от цели, технических и финансовых возможностей предприятия» [6].

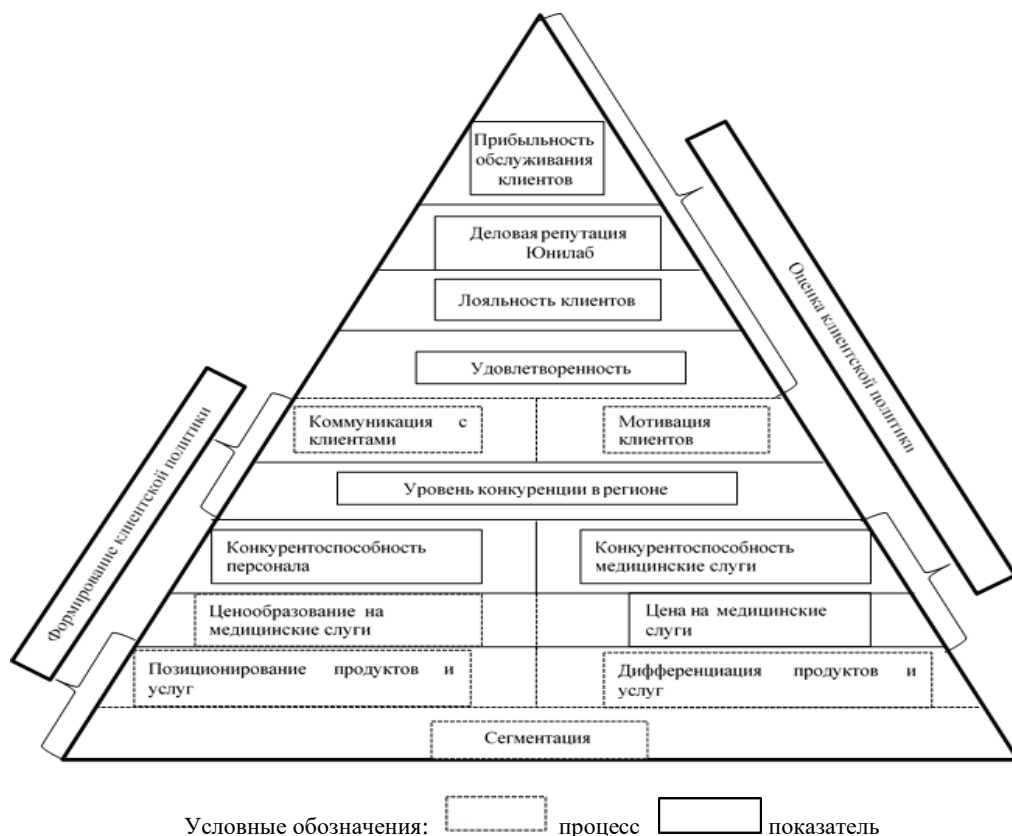

Рис. 2. Систематизация факторов, оказывающих влияние на построение клиентской политики медицинских организаций
Fig. 2. Systematization of factors influencing the development of client policy of medical organizations

Источник: составлено авторами

Одни данные возможно получить на уровне рекламных кабинетов, а другие – на уровне веб-аналитики посадочной страницы. Наиболее популярные показатели:

- охват – количество пользователей, которые увидели объявление;
- показы – количество показов рекламных объявлений (один пользователь может видеть одно и то же объявления более одного раза);
- количество кликов;
- кликабельность (CTR, Cost Through Rate) – отношение количества кликов к количеству показов;
- стоимость за тысячу показов (CPM/CPT, Cost Per Millennium/Cost Per Thousand);
- стоимость за клик (CPC, Cost Per Click);
- стоимость за конверсионное действие (CPA, Cost Per Action);
- стоимость привлечённого клиента (CPL, Cost Per Lead);

– окупаемость инвестиций (ROI, Return of Investment) – высчитывается как отношение разности доходов и затрат к затратам и умножение на 100%:

$$ROI = ((\text{Доходы} - \text{Затраты}) / \text{Затраты}) * 100\%;$$

– окупаемость затрат на рекламу (ROAS, Return of Advertising Spread) – высчитывается как отношение дохода от рекламы к расходам на рекламу:

$$ROAS = \text{Доход от рекламы} / \text{Расход на рекламу}.$$

Выводы

Таким образом, анализ методов и инструментов оценки эффективности клиентской политики медицинских организаций позволил сделать вывод о том, что контроль эффективности применяемых коммуникационных воздействий является неотъемлемой частью клиентской политики в управлении медицинскими организациями и позволяет оценить результаты взаимодействия с клиентами в условиях актуальности контроля затрат на маркетинг.

Список источников

1. Бланк И. А. Основы финансового менеджмента: в 2-х т. 4-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2022. Т. 2. 673 с.
2. Коджешау М. А., Кандельянц Н. П. Клиентский сервис социальной сети: дизайн и коммуникация // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2021. № 4. С. 118–124.
3. Кульджагазов Д. Лояльность потребителей: основные виды, способы оценки // Бизнес-технологии в туризме и гостеприимстве: сб. ст. по итогам II науч. конф. (Черкизово, 28 марта 2023 г.). Черкизово, 2023. С. 300–303.
4. Левкина Е. В., Гусев Е. Г., Киричек А. И. Управление экономической безопасностью на мезоуровне (на примере здравоохранения в Приморском крае) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право, 2025. Т. 27(1). С. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/44-54>.
5. Веселова А. А. Онлайн-сервис для обслуживания клиентов как инструмент формирования конкурентных преимуществ компании // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2021. № 2. С. 127–131.
6. Levkina E. V., Kim A. G., Yurchenko N. A. Study of factors that determine students' preferences in choosing an educational institution // International Journal of Education and Practice // Laplage em Revista. Vol. 7. P. 161–170. DOI: <https://doi.org/10.24115/s2446-622020217extra-a789p.161-170>.

References

1. Blank I. A. Osnovy finansovogo menedzhmenta [Fundamentals of financial management: in 2 volumes]. 4th ed., ster. Moscow: Omega-L Publ., 2022. Vol. 2. 673 p.

2. Kodzheshau M. A., Kandelyants N. P. Kandel'yants N. P. Klient'skiy servis sotsial'noy seti: dizayn i kommunikatsiya [Client service of a social network: design and communication]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Estestvenno-matematicheskie i tekhnicheskie nauki*, 2021, no. 4, pp. 118–124.

3. Kuljagazov D. Loyal'nost' potrebiteley: osnovnye vidy, sposoby otsenki [Consumer loyalty: the main types, methods of assessment]. In: *Biznes-tekhnologii v turizme i gostepriimstve: sb. st. po itogam II nauch. konf. (Cherkizovo, 28 marta 2023 g.)* [Business Technologies in Tourism and Hospitality: collection of articles based on the results of the II scientific conference (Cherkizovo, March 28, 2023)]. Cherkizovo, 2023. P. 300–303.

4. Levkina E. V., Gusev E. G., Kirichek A. I. Upravlenie ekonomicheskoy bezopasnost'yu na mezourovne (na primere zdravookhraneniya v Primorskom krae) [Management of economic security at the meso-level (using the example of healthcare in the Primorsky Territory)]. *Pacific RIM: economics, politics, law = Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo*, 2025, vol. 27(1), pp. 44–54. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/44-54>.

5. Veselova A. A. Onlayn-servis dlya obsluzhivaniya klientov kak instrument formirovaniya konkurentnykh preimushchestv kompanii [Online customer service as an instrument for the formation of competitive advantages of a company]. *Novye impul'sy razvitiya: voprosy nauchnykh issledovaniy*, 2021, no. 2, pp. 127–131.

6. Levkina E. V., Kim A. G., Yurchenko N. A. Study of factors that determine students' preferences in choosing an educational institution. *International Journal of Education and Practice // Laplace em Revista*, vol. 7, pp. 161–170. DOI: 10.24115/S2446-622020217extra-A789P.161-170.

Информация об авторах / Information about the authors

А.В. Локша – кандидат филологических наук, Тихоокеанский государственный медицинский университет (Владивосток, Российская Федерация),

✉ Anna.Loksha@vvsu.ru; SPIN: 7934-5386; 0000-0003-2002-2402

A.V. Loksha – Candidate of Philological Sciences, Pacific State Medical University (Vladivostok, Russian Federation)

Т.С. Трегубова – магистр, Тихоокеанский государственный медицинский университет (Владивосток, Российская Федерация),

✉ july-80@bk.ru

T.S. Tregubova – Master's Degree, Pacific State Medical University (Vladivostok, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию / The article received 03.04.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 06.05.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 90–106.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 90–106.

ПОЛИТИКА / POLITICS

Научная статья

УДК 323.276

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/90-106>

Цветные революции на постсоветском пространстве (2003–2022 гг.)

Александр Альбертович Казаков[✉], Артём Юрьевич Коновалов

Барнаульский юридический институт МВД России,

Барнаул, Российская Федерация

✉ kaa-2862@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ успешных и неудачных попыток цветных революций, имевших место на постсоветском пространстве в период 2003–2022 гг., на основании результатов которого выделяются универсальные черты и формулируется единый для них алгоритм. Повсеместными для благоприятных исходов цветных революций на постсоветском пространстве являются, в частности, цель – лишение России действительного или потенциального союзника, надуманный повод для недовольства, связанный, как правило, с нарушением избирательного права, вытекающие из этого требования протестующих, применение методов организации протестных акций и активного использования информационных средств, узнаваемой атрибутики, выдвижение условного лидера как «истинного борца с диктатурой», поддержка протеста международными организациями, иностранными государствами и фондами в самых различных формах, а также последствия в виде демонтажа прежнего политического режима и вовлечения в орбиту влияния коллективного Запада. Механизм цветных революций подразделяется на три последовательных этапа: агитационный – создание в общественном сознании негативного облика действующей власти и подготовка движущей силы будущих протестов, активный – выбор формального повода для митингов и их непосредственная организация по всей стране, заключительный – приход к власти политической элиты, придерживающейся прозападных ориентиров. Отмечается, что за последние 5 лет ни одна цветная революция на постсоветском пространстве не имела успеха. Авторы приходят к выводу, что в современных условиях можно констатировать провал плана Запада по цветным революциям.

Ключевые слова: антироссийская политика, постсоветское пространство, цветные революции, протестные акции, иностранные фонды, «революция роз», «белорусский синдром», «газовая революция», Евромайдан, алгоритм

Для цитирования: Казаков А.А., Коновалов А.Ю. Цветные революции на постсоветском пространстве (2003–2022 гг.) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 90–106.

Original article

Colour revolutions in former Soviet Union states (2003–2022)

Aleksandr A. Kazakov[✉], Artyom Yu. Konovalov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Barnaul, Russian Federation

✉ kaa-2862@mail.ru

Abstract. The article analyses successful and unsuccessful attempts at colour revolutions that took place in the post-Soviet space between 2003 and 2022. Based on the results, universal features are identified and a common algorithm is formulated. Common features of successful colour revolutions in the post-Soviet space include, in particular, the goal of depriving Russia of a real or potential ally, a contrived reason for discontent, usually related to violations of electoral law, the resulting demands of protesters, the use of methods for organising protests and the active use of information resources, recognisable symbols, the promotion of a symbolic leader as a ‘true fighter against dictatorship,’ support for the protest by international organisations, foreign states and foundations in various forms, as well as the consequences in the form of the dismantling of the former political regime and its incorporation into the sphere of influence of the collective West. The mechanism of the color revolutions itself is divided into three successive stages: canvassing stage – creating a negative image of the current government in the public consciousness and preparing the driving force for future protests, active stage – choice of a formal reason for rallies and their direct organization throughout the country, and the final stage – coming to power of the political elite that adhere to pro-Western guidelines. It is noted that over the past 5 years, not a single colour revolution in the former Soviet Union states has been successful. The authors conclude that in modern conditions it is possible to state the failure of the Western plan for colour revolutions.

Keywords: anti-Russian policy, former Soviet Union states, colour revolutions, protest actions, foreign foundations, ‘rose revolution’, ‘Belarusian syndrome’, ‘gas revolution’, Euromaidan, algorithm

For citation: Kazakov A.A., Konovalov A.Yu. Color revolutions in the post-Soviet space (2003–2022). PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law, 2024, vol. 27, no. 2, pp. 90–106. (In Russ.).

Конец XX – начало XXI в. знаменуется началом больших перемен в геополитике. Отправной точкой стало 26 декабря 1991 г. Эта дата ознаменовала окончательное прекращение существования СССР. На политической карте мира появились 15 независимых государств, с интересами которых теперь следовало считаться другим державам.

Отношение к периоду нахождения в составе СССР на постсоветском пространстве неоднозначное. Одни государства чтут память и гордятся наследием некогда великой и могучей державы, другие, напротив, негативно отзываюся о ней, обвиняют в диктатуре и отсутствии «демократических начал».

Подобное не могло не сказаться на отношениях постсоветских государств друг с другом. Тем не менее разногласия и противоречия медленно, но верно удалось бы устранить со временем, но в дело под видом благих намерений вмешались наши «западные коллеги» с насаждаемым курсом ими понимаемой «демократизации» [1].

Основным выразителем интересов евроамериканского блока выступают США, преследующие прежде всего свои интересы. «Империей зла» стала Россия, выступающая как государство-правопреемник СССР [2].

Причиной антироссийских устремлений стали не столько политические амбиции, сколько экономические интересы. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что всеобъемлющий характер данная политика приобрела с момента принятия Россией мер по развитию собственных перерабатывающих и высокотехнологичных производств. Обеспечение и укрепление экономического суверенитета России евроамериканский союз воспринял как угрозу своим национальным интересам и, отодвинув все псевдодружеские отношения в сторону, начал беспрецедентное давление в виде введения огромного количества санкций [3].

Но санкционное давление против такой большой и богатой ресурсами страны, как Россия, обречено на провал. Поэтому Западу пришлось искать новое, достаточно действенное и апробированное оружие.

США и их европейские сателлиты выбрали стратегию ослабления России путём постепенного лишения её союзников, а именно – посредством смены политических режимов в государствах последних. Речь идёт о совершенно новом оружии, получившем известность как цветная революция.

Исследованием цветных революций занимались как российские [4, с. 940–941], так и зарубежные учёные [5, с. 89–90]. Накоплен опыт изучения особенностей данного явления, его механизма. Следует заметить, что научные работы, посвящённые цветным революциям, в большинстве своём носят либо узкий и ситуативный, либо

слишком общий характер, а в ряде случаев не учитывают новые случаи цветных революций, что не позволяет понять их сущность. Целью статьи является исследование механизма цветных революций на основе анализа проведения последних на постсоветском пространстве в период 2003–2022 гг., что позволит комплексно охарактеризовать универсальные закономерности их сценариев.

К удачным сценариям цветных революций на постсоветском пространстве относятся:

1. «Революция роз», 2003 г. (Грузия).
2. «Оранжевая революция», 2004–2005 гг. (Украина).
3. «Тюльпановая революция», 2005 г. (Киргизия).
4. «Сиреневая революция», 2009 г. (Молдавия).
5. Евромайдан, 2014–2015 гг. (Украина).
6. «Революция розеток», 2015 г. (Армения).
7. «Бархатная революция», 2018 г. (Армения).

Неудачными стали:

1. «Васильковская революция», 2006 г. (Беларусь).
2. «Абрикосовая революция», 2008 г. (Армения).
3. «Площадь-2010», 2010 г. (Беларусь).
4. «Болотная революция», 2011–2013 гг. (Россия).
5. «Белорусский синдром» («Революция Бело-красно-белая»), 2020–2021 гг. (Беларусь).
6. Протесты в поддержку А.А. Навального¹, 2021 г. (Россия).
7. «Газовая революция», 2022 г. (Казахстан).

Для понимания механизма цветных революций разберём один удачный пример – «революцию роз», 2003 г.

Первой постсоветской страной, испытавшей воздействие «мягкой силы», стала Республика Грузия. Положение дел молодого государства не было идеальным. Об этом свидетельствовал комплекс проблем социально-экономического и общественно-политического характера. Президент молодой республики Э.А. Шеварднадзе, успевший накопить опыт международного взаимодействия ещё во время своего нахождения на посту министра иностранных дел СССР, положился на курс гибкой внешней политики, в рамках которого ему нередко доводилось лавировать между США и Россией, что, по его мнению, должно было помочь исправить ситуацию в стране [6].

Со временем президент Грузии всё увереннее начал склоняться к экономическому сотрудничеству с Россией, что подтолкнуло США сделать ставку на оппозиционера М.Н. Саакашвили, придерживающегося прозападных взглядов.

¹ Включен в перечень террористов и экстремистов.

В качестве формального повода к протестным акциям стали обвинения действующей власти в фальсификации парламентских выборов 2003 г. Главным аргументом оппозиции стало несоответствие официальных результатов с ожиданиями последней, которые прогнозировали её собственные экзитполы.

Однако информационная подготовка к протестам началась ещё до выборов в парламент республики. Грузинский телеканал «Рустави-2», благодаря финансированию Агентством США по международному развитию¹, «Интерньюс Интернэшнл» и Фондом «Евразия», и регулярным репортажам по псевдоразоблачению действующего правительства, смог в короткие сроки стать самым просматриваемым в стране. Постоянная критика и клевета не осталась незамеченной властями, однако их попытка пресечь деятельность телеканала не удалась из-за развернувшихся внутренних волнений и международного давления.

За несколько недель до парламентских выборов 2003 г. «Рустави-2» начал активно содействовать проведению социологических опросов, которые показывали якобы падение популярности пропрезидентских сил и, наоборот, пророчили победу оппозиции, в особенности блоку М.Н. Саакашвили. Наряду с этим телеканал делал всё возможное для укрепления в общественном сознании представления о неизбежной фальсификации [7].

Движущая сила цветной революции также сформировалась не стихийно. Ключевую роль в последующих протестных акциях сыграло молодёжное движение «Кмара» (в переводе с грузинского – «хватит»), состоящее из оппозиционно настроенных студентов и получающее внушительную материальную поддержку от Института Свободы, Фонда «Открытое общество – Грузия»², Ассоциации молодых юристов Грузии и Ассоциации права и общественного образования, которые финансировались американским предпринимателем Дж. Соросом. Примечательно, что «Кмара» заблаговременно проходила тренинги по проведению манифестаций у сербского молодёжного движения «Отпор» – пионеров первой цветной революции в мире [8].

Активная фаза «революции роз» началась 2 ноября 2003 г. – в день выборов. Телеканал «Рустави-2» вёл прямую трансляцию с избирательных участков, где журналисты «вещали» о различных нарушениях, якобы фиксировавшихся в ходе выборов, а также совместно с Британским советом³, Фондом «Открытое общество – Грузия» и Фондом «Евразия» спонсировал проведение параллельного подсчёта голосов на выборах, которое осуществляла неправительственная организация «Глобальная стратегическая группа».

¹ Организация признана нежелательной и её деятельность в Российской Федерации прекращена.

² Включён в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

³ Деятельность организации на территории Российской Федерации прекращена в связи с неурегулированностью статуса.

Обнародованные результаты такого «независимого» подсчёта и официальные итоги выборов существенно расходились. В первом случае лидером являлся блок М.Н. Саакашвили, во втором – пропрезидентские силы. Здесь же к «игре» подключилась комиссия международных наблюдателей, в большинстве своём состоявшая из представителей Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе¹ (ОБСЕ) и Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). Руководитель группы мониторинга ПАСЕ Брюс Джордж в день выборов начал делать громкие заявления об «отнятии конституционных прав» и о том, что страна «заслуживает лучших выборов»², чуть позднее это мнение разделит и США³.

Тем самым акторами «мягкой силы» было сделано всё возможное для создания атмосферы тотального недоверия к проведённым парламентским выборам и президенту республики, что спровоцировало массовые протесты, возглавляемые прозападником М.Н. Саакашвили.

22 ноября 2003 г. оппозиционеры во главе с М.Н. Саакашвили с розами в руках (от чего и соответствующее название данной «цветной революции») ворвались на заседание парламента нового созыва. Спустя недолгое время всё здание, как и большинство правительственных объектов в столице, оказалось в руках протестующих. Возрастающий уровень потери контроля над ситуацией и нежелание применять жёсткие меры побудили Э.А. Шеварднадзе начать переговоры с представителями оппозиции. В итоге 23 ноября 2003 г. он принял решение досрочно уйти в отставку.

Появилась необходимость уже в проведении президентских выборов, которые были назначены на 4 января 2004 г. Новоизбранным главой республики стал М.Н. Саакашвили. Чуть позже, 28 марта 2004 г., прошли новые парламентские выборы, на которых победу одержал блок М.Н. Саакашвили.

«Революция роз» завершилась – бесспорная победа не только её исполнителей в лице уже бывшей оппозиции, но и её евроамериканских инициаторов. Запад добился чего хотел – привёл к власти антироссийски настроенного М.Н. Саакашвили, а что касается будущего республики – это США и Европе более не заботило.

Обещания по преобразованию Грузии в процветающее «демократическое государство» с последующим вхождением в НАТО и ЕС так и не были претворены в реальность, политика отстранённости по отношению к России не принесла ничего

¹ Включена в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

² На выборах в Грузии ПАСЕ выявила «вопиющие» нарушения // Сетевое издание «РБК». 2003. 3 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/11/2003/5703b5aa9a7947783a5a4cea> (дата обращения: 29.09.2024).

³ США: Выборы в Грузии прошли с нарушениями // Сетевое издание «РБК». 2003. 21 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/11/2003/5703b5b19a7947783a5a4d9d> (дата обращения: 29.09.2024).

хорошего, а амбиции М.Н. Саакашвили привели к развязыванию Августовской войны 2008 г. на территории Южной Осетии и Абхазии. В результате республика лишилась этих регионов [9].

Десятилетнее правление М.Н. Саакашвили и его сторонников породило кризис в нескольких сферах государства, что предопределило падение его популярности и поражение на грядущих выборах.

Детальный разбор первого случая цветной революции на постсоветском пространстве позволяет сформулировать алгоритм, которому соответствуют все последующие сценарии.

Цель. Не остаётся сомнений в том, что основным дирижёром цветных революций являются США и их европейские сателлиты, а основная задача – лишение России ближайших союзников. Кто, как не постсоветские государства, могут выступать надёжными партнёрами России, ведь их роднит общая история, а в ряде случаев – религия, культура, традиции и т.д., поэтому в качестве первоочередной «миссии» для орудия «ненасильственной смены власти» избираются страны с режимом, благоприятно настроенным к сотрудничеству с Россией. Практика успешных цветных революций говорит сама за себя – Грузия, Украина, Киргизия, Молдавия, Беларусь, Армения, Казахстан, да и в самой России были попытки осуществить цветную революцию.

Повод. В качестве формального повода в системе действий цветной революции выступает обвинение действующей власти в фальсификации парламентских (Грузия в 2003 г.; Киргизия в 2005 г.) или президентских (Украина в 2004–2005 гг.; Беларусь в 2006, 2010 и 2020–2021 гг.) выборов, возможно и двойное обвинение (Россия в 2011–2013 гг.).

Убеждение населения в том, что их обманули и его выбор не был учтён, – хороший повод инициаторов протестов, затрагивающий «за живое». Не скупятся и на доказательства, приводя данные «независимых и правдивых» экзитполов.

Реже предлогом для протестов может быть определённое политическое событие, например решение главы государства о приостановлении подписания соглашения об ассоциации с ЕС (Украина в 2014–2015 гг.), или вовсе косвенно относящееся к политике – повышение цен на какой-либо энергоресурс (Армения в 2015 г.; Казахстан в 2022 г.).

Требования протестующих. Условия прекращения забастовок, манифестаций, массовых беспорядков напрямую связаны с избранным поводом. Классический вариант – аннулирование результатов выборов, отставка должностных лиц, находящихся на руководящих позициях (президент, премьер-министр), сложение полномочий государственными органами (парламент, правительство), повторное проведение избирательной кампании. Более редкий вариант требований – снижение тарифов или заморозка цен на энергоресурсы, освобождение политзаключённых.

Методы. Основным методом является проведение массовых протестных акций, которые подкрепляются гиперактивностью средств массовой информации по популяризации последних и созданию негативного облика действующей власти [10].

Рассуждая о пропагандистском аспекте деятельности сподвижников цветных революций, интересным выглядят суждения китайцев о пятой колонне, отражающие основную суть данного явления: *«Пусть на улицах вражеской столицы шепчутся, что князь обворовывает народ, советники его предали, чиновники спились, а воины голодные и босые. Пусть жители калечат имя своего князя и произносят его неправильно... Пусть им при сытой жизни кажется, что они голодают. Пусть состоятельные жители завидуют тем, кто в княжестве Вэй пасёт скот. Разжигайте внутренний пожар не огнём, а словом, и глупые начнут жаловаться и проклинать свою родину. И тогда мы пройдем через открытые ворота...»* [11, с. 104].

Основой протестов являются молодёжные движения («Хватит» в Грузии; «Пора» в Украине; «Молодой фронт» в Беларуси; АРФД «Никол Агбалян» в Армении и др.). Это объясняется высоким уровнем вовлечённости в информационную среду и, ключевое, несформированной способностью самостоятельно анализировать ситуацию и различать ложь в красивых фантиках.

Не исключаются прямые столкновения с правоохранительными органами, где на камеру подстраиваются случаи «превышения полномочий» сотрудниками силовых структур, а «за кадром» протестанты творят настоящие зверства: поджоги, взрывы, избиения, насилие, захваты и штурмы зданий.

Лидер протестов. В цветных революциях присутствует центральная фигура – лидер с созданным для него образом «правдоборца». Он консолидирует усилия «вверенных» ему сил с целью укрепления своих позиций и правоты в глазах общественности, а также расширения очагов протестов. В реальности условный «вождь цветной революции» просто снискивает нерасположение властей из-за произносимых диссидентских речей, а своими поступками, содержащими составы разного рода правонарушений, подвергается вполне заслуженному наказанию, – но все его поступки преподносятся как борьба за демократические ценности, а реакция государства – как необоснованная репрессивная политика. Так создаётся облик «мученика в диктаторском режиме».

Поддержка. Спонсорство протестных движений ложится на плечи иностранных фондов, финансирующих исследования в области защиты прав человека, продвижения демократических инициатив, пропаганды толерантности и прочих идеологических вещей, которые объявляются жизненно важными для самореализации личности. Основными подобными организациями являются фонд Сороса¹ и фонд

¹ Речь идёт о том же фонде «Открытое общество», включённом в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Форда¹. Кроме них существует огромное количество производных от указанных, которые из чисто альтруистических побуждений (это в обществе культа денег!) выделяют средства для насаждения «демократии».

Финансовой поддержкой евроамериканский союз не ограничивается. США и их сателлиты через международные организации (ПАСЕ, ОБСЕ) напрямую указывают, как следует поступать действующей власти другого государства, публично угрожают санкциями (это ли не ультиматум?), признают коалиционные правительства, а также награждают в торжественной обстановке «борцов за демократию» (вручение награды С.Г. Тихановской в Польше, премирование Ю.Б. Навальной² в Германии), объявленных на исторической родине преступниками. При этом любая, даже малейшая попытка России принять участие в урегулировании обстановки в стране, где протекает активная фаза цветной революции, крайне остро воспринимается Западом и получает клеймо «нарушения суверенитета».

Атрибутика. Узнаваемость – немаловажный критерий успешности любого движения, а самый действенный в этом плане способ – это создание своего имиджа: особые черты и элементы одежды, аксессуары (украшения, значки, нашивки), печатная продукция (листовки, газеты, баннеры), которые задают определённый знаковый фон. При межличностном общении и общественных отношениях задействуется вызывающий стиль поведения. Собственно названия цветных революций могут быть привязаны к цвету («оранжевая революция»), растению («революция роз», «тюльпановая революция») или собирательному образу, основанному на определённых общественных ожиданиях (Евромайдан).

Последствия. Успешный демонтаж прежних политических режимов вследствие цветных революций приводит к вовлечению таких государств в орбиту влияния коллективного Запада, что подтверждается дальнейшим активным вмешательством последних во внутреннюю политику. Помимо этого, пришедшая к власти элита, отличающаяся лояльностью к США, оказывается несостоятельной в деле государственного управления (спад уровня жизни, рост экстремизма, потеря части государственности и т.п.). В таких условиях приведённая «на штыках» политическая элита готова выполнять любые прихоти западных господ, лишь бы удержать власть, а вернее то, что от неё осталось, в своих руках.

Механизм цветных революций на постсоветском пространстве можно разделить на три последовательных этапа. Финансируемые извне политические организации, выступающие в качестве «оппозиции» в конкретном постсоветском государстве, используют существующие в стране проблемы, в большинстве своём преувеличивая, гипертрофируя их, провозглашают действующую власть главной причиной всех зол,

¹ Включён в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

² Включена в перечень террористов и экстремистов.

обрабатывают политически неподготовленную аудиторию, как правило, молодёжь, – тем самым проходит подготовительный (агитационный) этап.

Активный этап начинается с выбора формального повода для организации массовых протестных акций. Как правило, таковыми выступают неудачные для «оппозиции» выборы либо иное событие общественной жизни, намеренно «раздуваемое» как угроза правам личности и её конституционным свободам. Здесь же подключаются представители евроамериканского союза, открыто требующие выполнения «гласа народа» и устранения нарушений «демократических начал».

Затем протесты усиливаются, нередко приобретая насильственный характер со стороны их участников в виде захвата правительственных зданий, избиения и убийства сотрудников правоохранительных органов, взрывов, поджогов и т.д., что в конце концов приводит к демонтажу политического режима, де-факто государственному перевороту, смене политической элиты – заключительный этап.

Проанализировав перечень цветных революций, нельзя не заметить, что за последние 5 лет на постсоветском пространстве они не имели успеха. На исход цветной революции влияет множество факторов, специфика которых зависит от конкретной страны, но нельзя отрицать и повышенное внимание самой России к происходящим политическим процессам в приграничных государствах. Мы говорим о союзнической поддержке и взаимопомощи в необходимых для этого случаях. Остановимся на этом подробнее.

«Белорусский синдром» 2020–2021 гг. Республика Беларусь за более чем 30 лет своего существования сумела занять достойное место на постсоветском пространстве и определить вектор своего развития. В стране укреплены промышленный и аграрный секторы экономики, отдельным направлением стала самостоятельная внешняя политика. А.Г. Лукашенко подчёркивал курс на сближение с Россией, что не ограничивалось только словами, а находило отражение в регулярных визитах, сотрудничестве и совместных проектах в различных отраслях.

Заметим, что «бело-красно-белая революция» стала третьей в череде попыток провести сценарий цветной революции в Республике Беларусь («васильковая» в 2006 г., «Площадь-2010» в 2010 г.) [12].

В 2020 г. подходил к концу пятый президентский срок А.Г. Лукашенко, в связи с чем выборы должны были состояться в августе этого года. По мере приближения к намеченной дате антиправительственными силами велась кропотливая подготовка к широким протестным акциям с использованием финансовых потоков от западных «спонсоров демократии», массированная обработка сознания людей с установкой на фиктивность выборов, призывы к срыву подсчёта голосов, закупка атрибутики (символом протеста стали бело-красно-белые флаги) [13].

В этот раз денежный поток преимущественно шёл от Агентства по международному развитию при Госдепе США в рамках реализации программы «Продвижения

демократии, многопартийности и обеспечения свободы СМИ» [14] (само название уже указывает на диктат своих условий).

Уверенная победа А.Г. Лукашенко на выборах (80,1% голосов) стала преподноситься оппозицией, главным образом экс-кандидатом в президенты С.Г. Тихановской, как несвободные и несправедливые. На фоне этого в ряде телеграмм-каналов (особенно в польском NEXTA) началась рассылка с утверждениями о нечестных выборах с публикациями-признаниями некоторых членов избирательных комиссий о фальсификации результатов.

Были организованы митинги и манифестации с основным требованием – отставка президента А.Г. Лукашенко и проведение новых «свободных» выборов. На необходимость повторных выборов незамедлительно указал целый ряд европейских государств (Литва, Латвия, Польша, Украина и др.).

В этой обстановке Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко обратился к Президенту Российской Федерации В.В. Путину с просьбой сформировать резерв из сотрудников правоохранительных органов для использования в случае начала активных экстремистских действий протестующими. Хотя сформированный резерв не был использован, так как подразделения силовых структур республики самостоятельно справились с радикально настроенными демонстрантами, сам факт публичного объявления о готовности российского лидера помочь белорусскому коллеге в наведении общественного порядка очень многое значит.

Следует обратить внимание на тот факт, что подобная просьба исходила от легитимного правительства, а не от оппозиционных лидеров, которые, прекрасно осознавая всю ложность своих обвинений, стремятся к смене власти (государственному перевороту) с целью реализации интересов своих западных консультантов.

Протесты в поддержку А.А. Навального, 2021 г. Данная протестная кампания стала, по сути дела, последней, связанной с создателем «Фонда борьбы с коррупцией»¹ (организация признана экстремистской в Российской Федерации) и инициатором множества несанкционированных митингов в России – Алексеем Анатольевичем Навальным.

Прежде чем прийти в политику, А.А. Навальный пытался заниматься бизнесом, но успеха там не достиг. Фирмы открывались и разорялись. Политическая карьера, если её можно так назвать, началась с 2000-х гг. Поначалу он был активистом партии «Яблоко» (2000–2007 гг.), затем начал запускать собственные проекты («Комитет защиты москвичей», «Да!», «Фонд борьбы с коррупцией» и многие другие). А.А. Навальный в основном занимался критикой действующей власти и псевдоразоблачениями, за счёт чего и набирал популярность, в особенности у молодёжи, не привыкшей критически оценивать информацию, а вырванные из контекста и трактованные по-

¹ Организация внесена в перечень террористов и экстремистов.

своему факты имели под собой цель вызвать негативные ассоциации с представлениями о власти.

Активно задействовались информационные ресурсы (videоблоги на различных интернет-платформах) и ресурс массовой поддержки со стороны населения (создал целую сеть штабов по всей стране). Систематически организовывал несанкционированные митинги, шествия, пикетирования в различных городах страны [15].

В 2018 г. А.А. Навальному было отказано в допуске на президентские выборы. Свое решение Центральная избирательная комиссия Российской Федерации мотивировала наличием судимости, которая действительно была, причём не одна! Уголовные дела, в которых фигурировал «борец с коррупцией», связаны с хищениями денежных средств (Дело «Кировлеса», дело «Ив Роше» – по обоим приговорам А.А. Навальному был назначен условный срок). Не смирившись с очередным политическим поражением, он начал призывать к бойкотированию предстоящих выборов.

Учреждённый А.А. Навальным «Фонд борьбы с коррупцией» содержал штат сотрудников, которые поддерживали и популяризировали протестные настроения. Отличались Л.Э. Соболев¹, Л.М. Волков², Ю.Б. Навальная³, И.Ю. Жданов⁴ и другие. Позиции организации пошатнулись с того момента, как Министерство юстиции Российской Федерации признало организацию иностранным агентом, отметив, что ФБК получал деньги из Испании и США. Агитационным помощником А.А. Навального с аналогичным ярлыком иноагента был телеканал «Дождь»⁵.

В августе 2020 г. А.А. Навального якобы «отравили» неким секретным биооружием, и его сторонники были «вынуждены» перевезти лидера в Берлинскую клинику. Этим выездом нарушилось условие испытательного срока по уголовному делу «Ив Роше», что является серьёзным правонарушением.

По «выздоровлению» в январе 2021 г. А.А. Навальный вернулся в Россию, где его задержали прямо в аэропорту, а впоследствии суд обоснованно заменил условный срок по делу «Ив Роше» на реальный. Сотрудники ФБК начали распространять информацию о плохом состоянии здоровья основателя организации в колонии и массовизировать псевдорасследование о «коррупционной деятельности» президента Российской Федерации В.В. Путина.

Лидером протестов стал ближайший соратник А.А. Навального – Л.М. Волков. Демонстрации, шествия, митинги, цепи солидарности, одиночные пикеты и многое другое с ключевыми требованиями – освобождение А.А. Навального и других «политзаключённых», оказание А.А. Навальному помощи гражданским независимым

¹ Включена в перечень террористов и экстремистов.

² Включён в перечень террористов и экстремистов.

³ Включена в перечень террористов и экстремистов.

⁴ Включён в перечень террористов и экстремистов.

⁵ Признан в Российской Федерации иностранным агентом.

врачом, отставка действующего президента России. Массовые задержания из-за не-санкционированных манифестаций привели к провалу попытки цветной революции. Реакция евроамериканского союза традиционная – осуждение, призыв освободить всех задержанных под угрозой введения санкций.

Впоследствии А.А. Навальный был осуждён за совершение целого ряда преступлений экстремистской направленности, а ФБК признан экстремистской организацией. Была предотвращена очередная попытка цветной революции.

Газовая революция, 2022 г. Страной, где была предпринята последняя попытка осуществить цветную революцию, стала Республика Казахстан. Формальным поводом для протестов стало повышение цен на сжиженный газ. Власть почти сразу же пошла навстречу населению и объявила о снижении цен, однако волнения не утихли, а разгорелись с новой силой и с уже другой мотивировкой – обвинения в коррупции государственных деятелей. Требованиями стали уход из политики первого президента республики Н.А. Назарбаева и отставка действующего президента К.К. Токаева [16].

Протестующие сталкивались с правоохранительными органами, устраивали погромы и поджоги правительственных зданий, убийства и другие акты насилия. Президент республики К.К. Токаев объявил о введении чрезвычайного положения на территории всего государства, но ситуация продолжала накаляться.

Насилие перетекало в открытый терроризм по всей республике. Бандитские группировки брали под свой контроль целые города. В таких условиях К.К. Токаев был вынужден обратиться к странам-участницам Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) за помощью в борьбе с террористическими формированиями. В своём обращении он подчеркнул, что высокая организованность террористов позволяет говорить о координации их действий и их предварительной подготовке за рубежом, а потому имеет место внешний акт агрессии [17].

Ввод войск стран-участниц ОДКБ позволил в короткие сроки стабилизировать обстановку в республике. Угроза была устранена – цветная революция предотвращена совместными силами ОДКБ.

Подводя итог, следует сказать, что цветная революция – это механизм, инициируемый и финансируемый США и их сателлитами, по смене политических режимов в государствах, находящихся в союзнических с Россией отношениях, с использованием приёмов информационной пропаганды и массовых акций протестов, в конечном итоге приводящий к захвату власти прозападной политической элитой. Анализ цветных революций на постсоветском пространстве позволил выделить три последовательных этапа: агитационный – создание в общественном сознании негативного облика действующей власти и подготовка движущей силы будущих протестов, активный – выбор формального повода для митингов и их непосредственная организация по всей стране, заключительный – приход к власти политической элиты, придерживающейся прозападных ориентиров.

За последние 5 лет ни одна цветная революция на постсоветском пространстве не имела успеха. В современных условиях можно констатировать, что план евроамериканской коалиции по цветным революциям провалился, особенно в самой России, а потому было решено сделать ставку на силу, но всё так же не напрямую, а через другого актора – Украину.

Заметим, что Украина претерпела целых две цветных революции, что свидетельствует о достаточно прочной связи Украины с Россией и стойкости морально-нравственных принципов, которые не удалось сломить с первой попытки. Действительно, если «оранжевая революция» 2004 г. была связана с президентскими выборами, то во время Евромайдана 2014 г. особое внимание уже уделялось разжиганию агрессивной этнической вражды и сплочению социальных групп на основе идей экстремистского национализма.

Список источников

1. Павленко В. Б. 100 лет СССР: воспоминания о будущем? // Обозреватель. 2023. № 2 (397). С. 102–108. DOI: https://doi.org/10.48137/2074-2975_2023_2_102.
2. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 14. Ст. 2406.
3. Аксенов И. А. Санкционная политика США и стран Западной Европы в отношении России // Вестник университета. 2019. № 10. С. 147–151. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-10-147-151>.
4. Цветкова Н. А. Дискурс «цветных революций» // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2, № 2. С. 940–950. EDN: ZAQKFV.
5. Наумов А. О. Зарубежная историография «цветных революций»: страновой аспект // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2021. № 3. С. 87–101. EDN: WBQQR
6. Бахтуридзе З. З. Особенности развития внешнеполитической стратегии Грузии при президенте Э.А. Шеварнадзе (1995–2003 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8-1(14). С. 27–31. EDN: OJQSQB.
7. Наумов А. О., Наумова А. Ю. Роль телеканала «Рустави-2» в подготовке и осуществлении «революции роз» в Грузии // Genesis: исторические исследования. 2023. № 12. С. 84–93. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.12.39515>.
8. Наумов А. О., Дубинкина К. А. Роль молодёжной организации «Кмара» в подготовке и осуществлении «революции роз» в Грузии // Дискурс-Пи. 2023. № 1. С. 107–123. DOI: https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_107.
9. Силаев Н. Итоги августовской войны для Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 3 (63). С. 7–19. EDN: PXCXVHV.

10. Белова Н. Е. Технологии организации «цветных революций» на постсоветском пространстве // Приволжский научный вестник. 2014. № 12-2(40). С. 100–103. EDN: TGOJUL.
11. Когут В. Г., Нурышев Г. Н. Республика Беларусь в геополитическом измерении // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. М.: ИНИОН РАН, 2021. Вып. 4, ч. 1. С. 102–105.
12. Шагов А. Е. К вопросу о характере «цветных революций» на постсоветском пространстве // Современная научная мысль. 2022. № 5. С. 217–221. DOI: <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-5-217-221>.
13. Грибин Н. П., Плетнев В. Я. «Белорусский синдром» в контексте обновлённой дорожной карты «цветных революций» // Власть. 2021. № 2. С. 9–21. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.7988>.
14. Циткилов П. Я. Общественная дестабилизация в Беларуси конца лета – осени 2020 г., её внешнеполитические факторы // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 18–43. EDN: OGDJWE.
15. Соколов А. В., Курбанова А. А. Массовые движения в современной России (на примере движения в поддержку А. Навального) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 231–245. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/52/21>.
16. Кривенко Г. И. Январские протесты 2022 г. в Казахстане // История и современность. 2023. № 1. С. 107–123. DOI: <https://doi.org/10.30884/iis/2023.01.05>.
17. Чаевич А. В. «Цветная революция» в Казахстане как очередная угроза национальной безопасности России // Власть. 2022. № 1. С. 110–115. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8792>.

References

1. Pavlenko V. B. 100 let SSSR: vospominaniya o budushchem? [100 years of the USSR: Memories of the future?]. *Obozrevatel'*, 2023, no. 2(397), pp. 102–108. DOI: https://doi.org/10.48137/2074-2975_2023_2_102.
2. On the approval of the Concept of the foreign policy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 229 dated March 31, 2023. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*, 2023, no. 14, st. 2406. (In Russ.).
3. Aksenov I. A. Sankcionnaya politika SSHA i stran Zapadnoj Evropy v otnoshenii Rossii [USA and Western European policy with respect to Russia]. *Vestnik Universiteta*, 2019, no. 10, pp. 147–151. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-10-147-151>.
4. Cvetkova N. A. Diskurs «cvetnyh revolyucij» [Discourse of "Color Revolutions"]. *Postsovetskie issledovaniya*, 2019, vol. 2, no. 2, pp. 940–950.
5. Naumov A. O. Zarubezhnaya istoriografiya «cvetnyh revolyucij»: stranovoj aspekt [Foreign historiography of "Colour Revolutions": the country aspect]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, 2021, no. 3, pp. 87–101.

6. Bahturidze Z. Z. Osobennosti razvitiya vneshnepoliticheskoy strategii Gruzii pri prezidente E.A. Shevardnadze (1995–2003 gg.) [Georgia foreign policy strategy features under the President E. A. Shevardnadze (1995–2003)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2011, no. 8-1(14), pp. 27–31.
7. Naumov A. O., Naumova A. Yu. Rol' telekanala «Rustavi-2» v podgotovke i osushchestvlenii «revolyucii roz» v Gruzii [The Role of Rustavi-2 TV channel in the preparation and implementation of the "Rose Revolution" in Georgia]. *Genesis: Historical research*, 2023, no. 12, pp. 84–93. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.12.39515>.
8. Naumov A. O., Dubinkina K. A. Rol' molodezhnoj organizatsii «Kmara» v podgotovke i osushchestvlenii «revolyucii roz» v Gruzii [The Role of the Kmara youth organization in the preparation and implementation of Georgia's Rose Revolution]. *Discourse-P*, 2023, no. 1, pp. 107–123. DOI: https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_107.
9. Silaev N. How the August War affected the Caucasus. *Central Asia and the Caucasus*, 2009, no. 3 (63), pp. 7–19.
10. Belova N. E. Tekhnologii organizatsii «cvetnyh revolyucij» na postsovetском пространстве [The Technologies of "Colour Revolutions" in the post-soviet space]. *Privolzhskij nauchnyj vestnik*, 2014, no. 12-2(40), pp. 100–103.
11. Kogut V. G., Nuryshv G. N. Respublika Belarus' v geopoliticheskom izmerenii [Republic of Belarus in geopolitical dimensions]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*. Moscow, INION RAN, 2021, vol. 4, part 1, pp. 102–105.
12. Shagov A. E. K voprosu o haraktere «cvetnyh revolyucij» na postsovetском пространстве [On the question of the nature of "Colour Revolutions" in the post-soviet space]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 2022, no. 5, pp. 217–221. DOI: <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-5-217-221>.
13. Gribin N. P., Pletnev V. Ya. «Belorusskij sindrom» v kontekste obnovlennoj dorozhnoj karty «cvetnyh revolyucij» [The "Belarusian Syndrome" in the context of the updated roadmap of Colour Revolutions]. *Vlast'*, 2021, no. 2, pp. 9–21. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.7988>.
14. Citkilov P. Ya. Obshchestvennaya destabilizatsiya v Belarusi konca leta – oseni 2020 g., eyo vneshnepoliticheskie faktory [Social destabilization in Belarus at the end of summer – autumn 2020 its foreign policy factors]. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 2021, no. 1, pp. 18–43.
15. Sokolov A. V., Kurbanova A. A. Massovyie dvizheniya v sovremennoj Rossii (na primere dvizheniya v podderzhku A. Naval'nogo) [Mass movements in modern Russia (on the example of the movement in support of Alexei Navalny)]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2019, no. 52, pp. 231–245. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/52/21>.

16. Krivenko G. I. Yanvarskie protesty 2022 g. v Kazahstane [January 2022 protests in Kazakhstan]. *Istoriya i sovremennost'*, 2023, no. 1, pp. 107–123. DOI: <https://doi.org/10.30884/iis/2023.01.05>.

17. Chaevich A. V. «Cvetnaya revolyuciya» v Kazahstane kak ocherednaya ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii [The "Color Revolution" in Kazakhstan as another threat to Russia's National Security]. *Vlast'*, 2022, no. 1, pp. 110–115. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8792>.

Информация об авторах / Information about the authors

А.А. Казаков – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Российская Федерация),

✉ kaa-2862@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2652-2002>

A.A. Kazakov – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation) University of Russia (Moscow, Russian Federation).

А.Ю. Коновалов – курсант, Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Российская Федерация),

✉ mr.artem.kononov@mail.ru

A.Yu. Kononov – Cadet, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию / The article received 13.10.2024;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 19.05.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 107–121.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 107–121.

Научная статья

УДК 342.843(519)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/107-121>

Современная избирательная система Республики Корея

Екатерина Михайловна Ермолаева, Дмитрий Анатольевич Пешков✉

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

✉ peshkov.da@dvfu.ru

Аннотация. Данная статья анализирует современную избирательную систему Республики Корея. Рассматривается историческое положение избирательной системы, её нынешнее состояние, законодательная база, а также анализируется, как и насколько южнокорейское общество интегрировано в выборный процесс.

Ключевые слова: Республика Корея, избирательная система, выборы

Для цитирования: Ермолаева Е.М., Пешков Д.А. Современная избирательная система Республики Корея // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 107–121.

Original article

Modern electoral system of the Republic of Korea

Ekaterina M. Ermolaeva, Dmitry A. Peshkov✉

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

✉ peshkov.da@dvfu.ru

Abstract. This article analyzes the current electoral system of the Republic of Korea. It examines the historical position of the electoral system, its current state, the legislative framework, and how South Korean society interacts with the electoral process.

Keywords: Republic of Korea, electoral system, elections

For citation: Ermolaeva E.M., Peshkov D.A. Modern electoral system of the Republic of Korea. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 107–121. (In Russ.).

Введение

Первая статья действующей Конституции провозглашает, что Республика Корея является демократической республикой, в которой народ – единственный источник власти. В научных кругах нет единого мнения о точном значении термина «демократия», однако большинство определений сводится к следующему: это форма правления, при которой власть меняется в результате свободных и честных выборов.

За последние тридцать лет в политической жизни Республики Корея произошли значительные перемены. С 1987 года страна начала процесс демократизации, постепенно отходя от авторитарного режима в сторону либеральной демократии. В ходе этих преобразований были созданы новые политические институты, а граждане получили больше возможностей для участия в управлении государством. Например, вместо непрямых выборов президента были введены прямые, а также расширены полномочия органов местного самоуправления.

Целью данной работы является анализ изменений в избирательной системе Республики Корея, которые происходили в процессе демократической трансформации общества. Мы полагаем, что этот аспект ещё недостаточно изучен в российской научной среде.

Наше исследование основывается на изучении законодательства, регулирующего избирательную систему, зарубежных научных источников, публикаций южнокорейских СМИ, а также данных, предоставленных Центральной избирательной комиссией Республики Корея.

Процесс демократизации Республики Корея

В истории Республики Корея период с 1946 по 1987 год (исключая период 1960–1961 годов) считается временем авторитарного правления – за сорок один год у власти побывало пять президентов, троих из которых можно причислить к авторитарам. При этом на протяжении всего периода своего существования Республика Корея провозглашалась многопартийной демократией и проводила выборные процедуры.

Изначально Республика Корея задумывалась как государство с усиленной ролью парламента – у него была возможность избирать президента страны [1]. Национальным собранием первого созыва главой государства был избран видный деятель антияпонского движения Ли Сынман. Он строил свою политику на принципах антикоммунизма в целях предотвращения потенциальной угрозы со стороны Корейской Народно-Демократической Республики.

Исходя из этих соображений, Ли Сынман стремился к укреплению личной власти. Однако вторые парламентские выборы для него прошли крайне неудачно – доля его сторонников в новом составе депутатского корпуса снизилась, что сделало его переизбрание маловероятным [2]. В связи с этим было принято решение о переходе

на прямые выборы главы государства, что ввело практику изменения избирательной системы под нужды действующего президента.

В 1960 году режим Ли Сынмана был свергнут в результате народных волнений, известных как Апрельская революция. Пришедшие к власти силы номинально демократического толка не смогли стабилизировать ситуацию в стране, что дало возможность генерал-майору Пак Чонхи организовать военный переворот.

Правление Пак Чонхи можно разделить на два этапа. Первый, имевший место в период с 1963 по 1972 год, с политической точки зрения был реформаторским: были введены прямые выборы президента, в парламенте, который до данного момента избирался по одномандатным округам, появилась квота для депутатов, избранных по партийным спискам. Правительство начало борьбу с фальсификациями, которые в период правления Ли Сынмана носили массовый характер. Например, по итогам парламентских выборов 1967 года, по обвинению в массовой скупке голосов избирателей были арестованы десятки членов правящей партии, а один мандат депутата был отозван [3].

Именно в этот период в Республике Корея начала формироваться нынешняя двухпартийная система. Правящая партия Пак Чонхи (Демократическая республиканская партия, ДРП) положила начало консервативному политическому лагерю, а оппозиционный ему блок – прогрессивному.

Однако к 1970-м годам стало очевидно, что ДРП не справляется со своей основной функцией – сохранением власти Пак Чонхи путём победы на выборах. Демократическая оппозиция стала крепнуть ввиду стремительной урбанизации и распространения образования. Помимо этого, к концу второго срока Пак Чонхи в ДРП начали проявлять у себя признаки фракционной борьбы: роль лидера внутренней оппозиции взял на себя Ким Джонпхиль, которого многие считали преемником Пака [4].

Ввиду данных обстоятельств Пак Чонхи объявил военное положение и принял новую Конституцию, названную им «Юсин». Законодательные нововведения позволили ему установить режим неограниченной личной власти. Под запретом оказалась любая критика нового конституционного строя, была официально введена цензура в СМИ [4].

Отныне выборы президента проходили не напрямую, а через коллегию выборщиков. Система парламентских выборов была перестроена таким образом, чтобы гарантировать ДРП конституционное большинство.

Следующий президент Республики Корея Чон Духван, придя к власти, лишь незначительно модернизировал данный политический строй, сохранив его базовые авторитарные алгоритмы. Однако во второй половине 1980-х годов, под давлением внутренней оппозиции и внешних обстоятельств, Чон Духван был вынужден согласиться на демократизацию страны путём принятия Конституции. Первые прямые,

свободные и честные выборы по новому Основному закону прошли в 1987 году. Изменений в неё не вносилось.

Общенациональные выборы в Республике Корея

Согласно Конституции 1987 года, президент Республики Корея избирается сроком на 5 лет, без возможности переизбрания (статья 70), всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием (статья 67.1) [5].

Как указано в статье 67.4 Конституции, Президентом Республики Корея может стать любой гражданин РК, «обладающий необходимыми качествами для избрания в Национальное собрание» (формулировка отсылает на требование к отсутствию судимости за электоральные преступления), достигший возраста 40 лет. Выборы президента РК назначаются за 70 дней до истечения срока полномочий нынешнего президента. Если президент по каким-либо причинам досрочно завершает свои полномочия, то новый должен быть избран в течение 60 дней. Победителем выборов считается кандидат, набравший относительное большинство голосов. При этом закон предусматривает возможность безальтернативных выборов (из одного кандидата). В таком случае кандидату нужно получить голоса одной трети всех избирателей в стране [6].

С момента принятия данной Конституции и Закона о выборах в них не вносились фундаментальные изменения, однако дискуссии по возможному пересмотру некоторых пунктов велись. Так, в 1992 году в результате слияния политических сил Ро Дэу и Ким Ёнсама была образована Либерально-демократическая партия, которая имела в Национальном собрании конституционное большинство. Оппозиция опасалась, что ЛДП воспользуется своим положением и изменит Основной закон страны, разрешив Ро Дэу баллотироваться на новый срок, назначив Ким Ёнсама премьер-министром. В дальнейшем предложения заменить один пятилетний срок президентства на два срока по четыре года поступали во время предвыборной гонки от кандидатов в президенты Пак Кынхе и Ли Инчжэ [7]. Другим примером стало предложение в 2023 году неофициальной двухпартийной комиссии ввести двухтуровые выборы президента в рамках всеобщей политической реформы [8].

Кроме президента на общенациональных выборах избирается однопалатное Национальное собрание – парламент Республики Корея. В нынешней Конституции говорится, что он избирается путём прямого тайного голосования сроком на четыре года [5]. Согласно Закону «О выборах государственных служащих», членом Национального собрания может стать любой гражданин Республики Корея старше 25 лет, не признанный судом невменяемым, не находящийся под следствием и не имеющий судимости за электоральные преступления [6].

В настоящее время закон гласит, что количество членов Национального собрания – 300 человек: 254 депутата от избирательных округов и 46 членов, избираемых

по системе пропорционального представительства. Начиная с выборов 1988 года используется система одномандатных округов. Однако со времён демократизации количество членов Национального собрания и пропорция депутатов от одномандатных и общенациональных округов менялись.

С 1988 по 2016 год Собрание избиралось с помощью системы параллельного голосования (смешанно-несвязанной системы). Для распределения кресел по общенациональному округу используется метод Хэра, с проходным порогом в 3% голосов. Однако стоит заметить, что отдельное голосование по партийным спискам было введено только на выборах 2004 года, до этого продолжала использоваться введённая Пак Чонхи система «чонгук-гу», в которой мандаты по партийным спискам распределялись пропорционально сумме голосов, полученных кандидатами от партий в одномандатных округах.

Одной из самых значительных особенностей политического строя Республики Корея остаётся регионализм. Многочисленные исследования результатов выборов депутатов Национального собрания показывают, что данная особенность в сочетании с мажоритарной избирательной системой делает их диспропорциональными и нерепрезентативными. Поэтому за период Шестой республики можно отметить несколько попыток избирательной реформы [9].

В 2014 году Конституционный суд Республики Корея постановил изменить пропорцию депутатов, избираемых по пропорциональной системе, а также провести перенарезку избирательных округов. Центральная избирательная комиссия попыталась на основе данного решения изменить избирательную систему целиком: увеличить количество депутатов с 300 до 369 и ввести региональные пропорциональные округа. Реформа была заблокирована правящей партией Сэнури, ввиду опасений, что доля представительства её традиционного оплота – региона Ённам – упадёт [10].

Перед выборами 2020 года была проведена попытка избирательной реформы, целью которой ставилась смена избирательной системы со смешанно-несвязанной на смешанно-связанную. Изначально, в 2015 году, было предложено два варианта. Вариант Центральной избирательной комиссии предполагал изменение пропорции одномандатных депутатов и кресел по партийным спискам (200 на 100 соответственно). Вариант, предложенный председателем парламентской комиссии по вопросу избирательной реформы Сим Самчжон, предполагал пропорцию 240 на 120. Оба варианта упраздняли общенациональный избирательный округ, разбив его на региональные избирательные округа.

Переговоры по реформе протекали крайне тяжело, и четырёхпартийный комитет пришёл к следующему консенсусу: 225 депутатов могут избираться по одномандатным округам, 75 – по партийным спискам, из которых только 50% будут распределяться по смешанно-связанной системе. Итоговый вариант реформы оставил старую пропорцию одномандатных округов к депутатским мандатам, распределяемым

по партийным спискам (тогда она составляла 253 на 47), но ввёл лимит на связанные места (30 из 47). Таким образом, нынешняя система такова: 253 одномандатных округа, 30 связанных смешанных мест, 17 – несвязанных.

Выборы по такой системе прошли дважды – в 2020 и 2024 годах. Однако в обоих случаях две основные партии нашли способ обойти введённую систему, которая давала больше представительства малым партиям, де-факто отменив принятую реформу.

Смешанно-связанная система предполагает распределение мест по партийным спискам с учётом количества выигранных партиями мест по одномандатным округам таким образом, чтобы общее количество мест было пропорционально количеству полученных голосов. В реалиях Республики Корея это означало, что две крупнейшие партии не смогли бы выиграть ни одного мандата по партийным спискам. Поэтому перед выборами обе партии создали «партии-спутники» – номинально отдельные юридические лица, которые участвовали в выборах, выставя кандидатов только по партийным спискам. Таким образом, «партии-спутники» давали своим соответствующим политическим блокам дополнительные мандаты – на обоих ранее упомянутых выборах для обеих партий их количество превышало 12 кресел из 47, выделенных на пропорциональное представительство [11].

В качестве способа решения вопроса регионализма также предлагается возврат к системе многомандатных округов. Так, в 2002 году Но Мухён предложил ввести такую систему, основываясь на опыте Японии. Данное предложение было негативно воспринято по тем же причинам, по которым эта система была упразднена в Японии в середине 1990-х годов: она создавала сильнейший дисбаланс в представительстве в пользу сельской местности [10].

В 2023 году неофициальная двухпартийная комиссия в рамках предложенной всеобщей политической реформы также предложила заново рассмотреть возможность введения мультимандатных округов [8].

Таким образом, в отличие от президентских выборов, которые, несмотря на попытки, остаются процессуально ровно такими же, как и в 1987 г., система выборов Национального собрания претерпела значительные изменения как минимум два раза. В обоих случаях изменения были направлены на усиление демократических начал, дав гражданам больше возможностей для политического самовыражения.

Выборы в органы местного самоуправления

Конституция Республики Корея 1948 года предусматривала местное самоуправление через «организации местного правительства», однако не уточняла их устройство [1]. Тем не менее предусматривались выборные советы для каждой организации. Вместе с тем в 1949 году был принят Закон «О локальной автономии». В 1952 году прошли местные выборы: в апреле – выборы муниципальных советов, в мае –

провинциальных. После Апрельской революции 1960 года были введены выборы губернаторов провинций и специальных городов [12].

Все органы местного самоуправления были распущены 16 мая 1961 года Указом № 4. Принятая в 1962 году Конституция предусматривала так называемые «органы местного самоуправления», но не давала конкретного способа их организации. Официально данный вопрос должен был быть урегулирован Законом «О локальной автономии», но де-факто он не действовал вплоть до демократизации. Все локальные должности назначались центральным правительством, выборы не проводились. Формально они откладывались «до достижения воссоединения нации» или «до достижения финансовой независимости» единицами административного деления [13].

В рамках демократизации встал вопрос о возвращении местных выборов. В апреле 1988 года был принят обновлённый Закон «О локальной автономии», а в 1994 году – Закон «О выборах государственных служащих». В 1991 году, впервые с момента переворота 1961 года, были проведены местные выборы – избирали членов местных советов. Однако официально первыми местными выборами считаются проведённые в 1995 году, так как они включали и выборы исполнительной власти.

Для понимания структуры местных выборов необходимо определить структуру административного деления Республики Корея.

Верхним уровнем административного деления являются провинции и города (Сеул – город особого подчинения, Седжон – город с особым самоуправлением, все остальные – города-метрополии). Вторым уровнем административного деления являются си (города) и кун (уезды), которые являются частями провинций (за исключением Чеджу-до), и «районы» (гу), которые являются частями городов. Си и куны делятся на уездные города, гу – на «округа» (тон), которые являются третьим уровнем административного деления [14].

Согласно Закону «О выборах государственных служащих», выборы проводятся на уровне провинций, городов, си, кунов и гу. Статья 2 Закона гласит, что он применяется для проведения «выборов депутатов местных советов и выборов глав органов местного самоуправления» [6]. Таким образом, провинции, города, си, куны и гу имеют выборного главу исполнительной власти и выборную законодательную власть.

На прошедших в 2018 году местных выборах были избраны: 9 мэров городов, 8 губернаторов провинций и 226 глав муниципалитетов. Также на первом уровне административного деления было выбрано 824 члена местных советов, на муниципальном уровне – 2927. Главы исполнительной власти избираются в один тур прямым тайным голосованием. Законодательная власть на всех уровнях избирается с помощью смешанно-несвязанной системы: количество членов совета, избираемых по партийным спискам, должно составлять 10/100 от количества одномандатных округов. К примеру, в Сеуле из 110 членов городского совета 100 избирается по одномандатным округам, а 10 – по партийным спискам.

Также отметим должность «управляющего образованием». Они также избираются в один тур на провинциальном уровне. Несмотря на официально беспартийный характер должности, неофициально существует деление на «прогрессистов», «консерваторов» и «центристов».

Таким образом, местное самоуправление на каждом уровне максимально схоже с общенациональным и состоит из напрямую выбранного главы исполнительной (президент – губернатор – мэр) и законодательной (Национальное собрание – провинциальное собрание – местный совет) власти.

Особенности электорального поведения в современной Республике Корея

Как мы уже упоминали ранее, в преддверии выборов депутатов Национального собрания двадцать первого созыва в 2020 году была проведена масштабная реформа избирательной системы, в рамках которой, помимо всего прочего, был снижен возраст получения гражданами активного избирательного права с 19 до 18 лет. Среди почти 540 тысяч новых избирателей 140 тысяч оказались учениками старшей школы, что вновь подняло в Республике Корея вопрос о так называемом «электоральном образовании». Для 140 тысяч избирателей, обучающихся в старшей школе, правительство провело серию образовательных мероприятий, которые позже были признаны провальными: большая часть из них была проведена в период каникул и не вызвала интереса у целевой аудитории [15].

Следует отметить, что школьная программа Республики Корея предусматривает принцип «воспитания гражданственности», согласно которому ознакомление с электоральной системой – это часть более широкого процесса взращивания граждан демократического общества на принципах плюрализма мнений и участия в политической жизни страны [15].

Однако данные об избирательной активности населения на выборах, имевших место за последние 10 лет (табл.1), показывают, что явка молодёжи (людей в возрасте от 18 до 25 лет) во время пяти из последних семи общенациональных избирательных кампаний ниже, чем в среднем по стране, зачастую значительно. Однако избирательная активность повышается вместе с возрастом: самые активные избиратели в стране – это пожилые люди.

Данные показатели также имеют влияние на итоговые результаты выборов. Так, например в Национальном собрании двадцать первого созыва 60% депутатов – это люди в возрасте от 50 до 60 лет, средний возраст депутата – 54,9 года, а средний возраст кандидата в депутаты – 54,7 года. Доля людей в возрасте от 25 до 40 лет среди членов Собрания не превышает 10% начиная с 1979 года, несмотря на то что ранее этот показатель мог достигать четверти депутатского корпуса [17].

Таблица 1

Явка на последние общенациональные избирательные кампании
(М – местные выборы, НС – выборы депутатов Национального собрания,
П – выборы президента)

Turnout in the last national election campaigns
 (M – local elections, HC – elections of deputies of the National Assembly,
 П – presidential elections)

		Явка (%)						
		2014	2016	2017	2018	2020	2022	2022
		(М)	(НС)	(П)	(М)	(НС)	(П)	(М)
Возрастные группы (лет)	Общая явка	56,8	58,0	77,2	60,2	66,2	77,1	50,9
	18–20	52,2	53,6	77,7	54,1	68,0	72,5	35,7
	20–25	51,4	55,3	77,1	52,9	60,9	71,6	37,0
	25–30	45,1	49,8	74,9	51,0	56,7	70,4	35,6
	30–35	45,1	48,9	74,3	53,0	56,5	70,9	36,9
	35–40	49,9	52,0	74,1	55,4	57,6	70,6	38,6
	40–50	53,3	54,3	74,9	58,6	63,5	74,2	44,7
	50–60	63,2	60,8	78,6	63,3	71,2	81,4	55,2
	60 и выше	74,4	71,7	84,1	72,5	80,0	87,6	70,5

Источник: составлено авторами на основе данных Национальной системы индексов Республики Корея (국가발전지) [16].

Стоит отметить, что в южнокорейском политическом дискурсе существует термин «поколение 586». Это люди, которые родились в 60-е годы 20 века, поступили в вузы в 80-е годы и которым сейчас от 50 до 59 лет. Так как уровень рождаемости в 1960-е годы был крайне высоким, данное поколение – самое многочисленное, что делает их основным избирательным блоком. На данный момент представители данного поколения мужского пола доминируют в политике – на 2024 год оба крупнейших блока возглавляют они.

Стоит отметить, что явка избирателей лишь незначительно различается по половому признаку (табл. 2). Однако гендерный состав депутатов Национального собрания разительно отличается от общей демографической картины. Несмотря на то что на выборах в 2020 году была введена обязательная гендерная квота (минимум 50% от партийного списка на выборах по пропорциональному округу должны составить женщины), их доля в депутатском корпусе повысилась незначительно: с 17% на Национальном собрании двадцатого созыва до 19% – двадцать первого созыва. Также стоит отметить, что доля женщин-кандидатов в одномандатных округах составила всего 19% [17].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, несмотря на наличие активного избирательного права, женщины и молодёжь практически не представлены в общем составе избранных политиков, и данную тенденцию не получается перебороть, несмотря на усилия государства в данном направлении.

Таблица 2

**Явка на последние общенациональные избирательные кампании
(М – местные выборы, НС – выборы депутатов Национального собрания,
П – выборы президента)**

Turnout in the last national election campaigns
(M – local elections, HC – elections of deputies of the National Assembly,
P – presidential elections)

	Явка (%)						
	2014 (М)	2016 (НС)	2017 (П)	2018 (М)	2020 (НС)	2022 (П)	2022 (М)
Общая явка	56,8	58,0	77,2	60,2	66,2	77,1	50,9
Явка среди мужчин	57,2	58,8	76,2	59,9	66,3	76,8	50,6
Явка среди женщин	57,2	57,4	77,3	61,2	66,7	77,5	52,5

Источник: составлено авторами на основе данных Национальной системы индексов Республики Корея (국가발전지) [16].

Ранее мы уже упоминали, что в истории современной Республики Корея значительные изменения в электоральную систему вносились только в части выборов депутатов Национального собрания. Также мы упоминали, что существует движение в пользу дальнейшего реформирования системы с целью преодоления регионализма и диспропорциональности представительства.

В рамках обсуждения данной реформы в мае 2023 года был проведён опрос, методология которого значительно отличалась от общепринятых опросов общественного мнения: 500 человек были собраны вместе, им были показаны обучающие материалы о нынешней избирательной системе, после чего были заданы соответствующие вопросы. Сами авторы исследования указывают на несовершенство данной методологии: так как участниками опроса были просмотрены обучающие материалы по теме исследования, они были больше посвящены в тонкости избирательной системы, нежели средний гражданин, что делает данные, полученные в ходе данного эксперимента, нерепрезентативными [18].

По данным опроса, 86% отвечающих выступили за необходимость реформирования избирательной системы, 70% – за увеличение доли пропорционального представительства в общем количестве мандатов, 56% – против введения мультимандатных избирательных округов. Также значительное меньшинство опрошенных выступили за увеличение общего количества депутатов Национального собрания [19].

В то же время авторы исследования отмечают, что некоторые вышеупомянутые аспекты могут изменяться в зависимости от политической обстановки. Так, например, количество сторонников идеи увеличения депутатского корпуса снижается в период политических скандалов, связанных с членами Национального собрания, а идеи уменьшения количества мандатов становятся более популярными [18].

Более пессимистичный взгляд на электоральные изменения был представлен в опросе общественного мнения, проведённом компанией «Хангук Рисёрч» в 2018 году и процитированном на собрании соответствующего парламентского комитета его председателем Сим Самчжон. Согласно данным опроса, 72% избирателей негативно оценивают нынешнюю избирательную систему (20% оценивают крайне негативно, 52% назвали её проблематичной). При этом нынешнюю долю пропорционального представительства считают чрезмерной 40% избирателей, 34% считают её недостаточной и лишь 26% считают её приемлемой. 50% избирателей предпочли бы переход к мажоритарной системе, 34% выступают за пропорциональную систему [20].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в целом южнокорейское общество считает избирательную реформу необходимой, однако знаний среднего избирателя недостаточно для того, чтобы сформулировать, в чём она должна заключаться.

Заключение

В 1987 году в Республике Корея начался переход от авторитарного правления к либеральной демократии. Этот процесс сопровождался реформами, направленными на усиление влияния гражданского общества на политическую власть. Ярче всего данные изменения проявили себя в сфере электорального законодательства. Были введены прямые выборы главы государства, система выборов в Национальное собрание стала более открыта к многопартийности.

Однако демократизация избирательного процесса не смогла решить некоторые давно назревшие политические проблемы, такие как регионализм. Помимо этого, возникло понимание, что целые социальные слои и вовсе не представлены на политической арене – это женщины и молодёжь.

При этом попытки каким-либо образом отрегулировать данные противоречия путём дальнейших избирательных реформ оказались провальными. С одной стороны, южные корейцы боятся вернуться в авторитарное прошлое, ввиду чего изменения политического законодательства воспринимаются как попытка захватить власть в пользу своего политического лагеря. С другой стороны, попытки реформирования зачастую сталкиваются с неоднозначной реакцией граждан, в лучшем случае – непониманием сути затеянных преобразований, в худшем – активным противодействием.

Список источников

1. 대한민국헌법 (제1호) // 위키문헌. URL: [https://ko.wikisource.org/wiki/대한민국헌법_\(제1호\)](https://ko.wikisource.org/wiki/대한민국헌법_(제1호)). Первая Конституция Республики Корея // Викитека.
2. 발체개헌 (拔萃改憲) // 한국민족문화대백과사전. Выдержка поправок к Конституции // Энциклопедия корейской народной культуры. URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0021623>.
3. Cho Soon Sung. Korea: Election year // Asian Survey. 1968. № 1. P. 29–42.
4. Hahn Bae-ho. A reflection on the demise of the authoritarian Park regime // Asian Perspective. 1986. № 2. P. 289–310.
5. 대한민국헌법 (제10호) // 위키문헌. URL: [https://ko.wikisource.org/wiki/대한민국헌법_\(제10호\)](https://ko.wikisource.org/wiki/대한민국헌법_(제10호)). Десятая Конституция Республики Корея // Викитека.
6. 공직선거법.법률 제19855호, 2023. 12. 28 // 국가법령정보센터. URL: <https://www.law.go.kr/법령/공직선거법>. Закон «О выборах государственных служащих» № 19855 от 28.12.2023 // Национальный юридический информационный центр.
7. Асмолов К. В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. 2 изд. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 704 с.
8. «지금이야» 정치·선거개혁 목소리 커지는 이유 // 경향신문. – 12.07.2022. URL: <https://m.khan.co.kr/politics/politics-general/article/202212070943001#c2b>. «Самое время!» – Почему голоса в пользу политической и избирательной реформы растут? // Кёнхян Синмун. 2022. 12 июля.
9. 국회의원 선거제도 개선방안: 지역주의 극복과 지방 대표성 강화를 중심으로 // 중앙선거관리위원회. URL: https://nec.go.kr/common/board/Download.do?bcIdx=15438&cbIdx=1132&streFileNm=BBS_2018010806250175210.pdf. Проект улучшения избирательной системы на выборах депутатов Национального собрания: преодоление регионализма и усиление местного представительства // Центральная избирательная комиссия.
10. 선거제도 개혁 ‘20년 흑역사’...양당 기득권에 개악·꼼수 얼룩 // 한겨레. URL: <https://www.hani.co.kr/arti/politics/assembly/1076128.html> (дата обращения: 24.01.2025). Позорная история 20 лет избирательной реформы: Пятно подлости и грязного обмана на обеих партиях // Ханкёре. 2023. 18 апреля.
11. 강우진. 한국의 준연동형 선거제도 개혁과정 평가—주체, 목적, 정치적

결과를 중심으로 // 21세기정치학회보. Кан Уджин. Оценка квазипоследовательного процесса избирательной реформы в Южной Корее – акцент на действующих лицах, целях и политических результатах // Вестник политологической ассоциации 21 века. 2020. № 4. С. 65–86.

12.[지방선거알리미] 지방선거의 역사 // 중앙선거관리위원회 (YouTube).

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-hqCSRPr7aiE>. [В преддверии местных выборов] История местных выборов // Центральная избирательная комиссия. 2018. 13 июня.

13. 지방의회의 본질적 지위 // 사단법인 지방의회발전연구원. URL: <http://www.rilc.re.kr/local/council0102.php?ckattempt=3>. Существенный статус местных советов // Научно-исследовательский институт развития местных советов.

14. Административно-территориальное устройство Республики Корея // Всё о Корее. 2017. 12 августа. URL: <https://vseokoree.com/vse-o-koree/gosudarstvennoe-ustroystvo/administrativno-territorialnoe-ustroystvo-respubliki-koreya>.

15. 래유권자 선거학교 선거·정치교육 프로그램 개발 // 중앙선거관리위원회. URL: <https://nec.go.kr/common/board/Download.do?bcIdx=162688&cbIdx=1132&streFileNm=e33062c3-d733-4f50-a81c-17a1dcf8fdf0.pdf>. Программа развития образования для будущих избирателей // Центральная избирательная комиссия.

16. 선거투표율 // 국가지표체계. URL: <https://www.index.go.kr/unify/idx-info.do?idxCd=4268>. Уровень явки избирателей // Национальная система индексов. 2023. 6 января.

17. [마부작침] 21대 국회도 '586 남성'이 주류... 당선인 300명 분석. Мужчины «586» доминируют в Национальном собрании 21 созыва... Анализ трёхсот избранных кандидатов // SBS News. 2020. 18 апреля.

URL: https://news.sbs.co.kr/news/endPage.do?news_id=N1005750890 (дата обращения: 07.02.2025).

18. 국회의원 선거제도 개편을 위한 공론화의 보도자료입니다 // 국회의원 선거제도 개편을 위한 공론화. URL: <https://assembly.hrcglobal.com/notice/notice.asp?opt=VIEW&idx=186>. Пресс-релиз об общественных дебатах по реформе избирательной системы Национального собрания // Общественные дебаты по реформе избирательной системы Национального собрания.

19. «이야기해보니 되더라» 국회의원 선거제도 여론이 바뀌었다 // 시사. URL: <https://www.sisain.co.kr/news/articleView.html?idxno=50359>. «После разговоров сработало». Общественное мнение о системе выборов в Национальное собрание изменилось // Щисаин. 2023. 31 мая.

20. [기획] 선거제도 재편에 대한 시민인식조사 // 한국리서치. URL: <https://hrcopinon.co.kr/>. [Планирование] Опрос граждан о реорганизации избирательной системы // Хангук Рисёч. 2022. 21 апреля.

References

1. The first Constitution of the Republic of Korea. *Wikisource*. URL: [https://ko.wikisource.org/wiki/대한민국헌법_\(제1호\)](https://ko.wikisource.org/wiki/대한민국헌법_(제1호)). (In Korean).
2. Excerpts from Constitutional Amendments. *Encyclopedia of Korean Culture*. URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0021623>. (In Korean).
3. Cho Soon Sung. Korea: Election year. *Asian Survey*, 1968, no. 1, pp. 29–42.
4. Hahn Bae-ho. A reflection on the demise of the authoritarian Park regime. *Asian Perspective*, 1986, no. 2, pp. 289–310.
5. The tenth Constitution of the Republic of Korea. *Wikisource*. URL: [https://ko.wikisource.org/wiki/대한민국헌법_\(제10호\)](https://ko.wikisource.org/wiki/대한민국헌법_(제10호)). (In Korean).
6. Public official election act, Law No. 19855. December 28, 2023. *National Legal Information Center*. URL: <https://www.law.go.kr/법령/공직선거법> (In Korean).
7. Asmolov K. V. Korejskaya politicheskaya kul'tura: Tradicii i transformaciya. [Korean political culture: Traditions and transformation]. 2nd ed. Moscow: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2017. 704 p.
8. “Now is the time!” – Why are voices for political and electoral reform growing? *Kyunghyang Shinmun*. 12.07.2022. URL: <https://m.khan.co.kr/politics/politics-general/article/202212070943001#c2b>. (In Korean).
9. Measures to improve the National Assembly election system: overcoming regionalism and strengthening local representation. *National Election Commission*. URL: https://nec.go.kr/common/board/Download.do?bcIdx=15438&cbIdx=1132&stre-FileNm=BBS_2018010806250175210.pdf. In Korean).
10. The shameful history of 20 years of electoral reform: the stain of degradation and dirty tricks by both parties. *The Hankyoreh*. 2023. April 18. URL: <https://www.hani.co.kr/arti/politics/assembly/1076128.html>. (In Korean).
11. Kang Woojin. Evaluation of the quasi-mixed member proportional electoral reform process in South Korea – focusing on actors, objectives, and political outcomes. *Journal of the Korean Political Science Association*, 2020, no. 4, pp. 65–86. (In Korean).
12. [In the run-up to local elections] The history of local elections. *National Election Commission*. (YouTube). 2018. June 13. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hqCSRPr7aiE>. (In Korean).
13. The essential status of local councils. *Research Institute for Local Council Development*. URL: <http://www.rilc.re.kr/local/council0102.php?ckattempt=3>. (In Korean).

14. Administrative-territorial structure of the Republic of Korea. *Vsyo o Koree*. 2017. August 12. URL: <https://vseokoree.com/vse-o-koree/gosudarstvennoe-ustrojstvo/administrativno-territorialnoe-ustrojstvo-respubliki-koreya>. (In Russ.).
15. Development of an electoral and political education program for future voters. *National Election Commission*. URL: <https://nec.go.kr/common/board/Download.do?bcIdx=162688&cbIdx=1132&streFileNm=e33062c3-d733-4f50-a81c-17a1dcf8fdf0.pdf>. (In Korean).
16. Voter turnout rate. *National Indicator System*. 2023. January 6. URL: <https://www.index.go.kr/unify/idx-info.do?idxCd=4268>. (In Korean).
17. Men of the “586 generation” dominate the 21st National Assembly... Analysis of 300 elected candidates. *SBS News*. 18.04.2020. URL: https://news.sbs.co.kr/news/endPage.do?news_id=N1005750890. (In Korean).
18. Press release on public debate for reforming the National Assembly election system. *Public Debate for Reforming the National Assembly Election System*. URL: <https://assembly.hrcglobal.com/notice/notice.asp?opt=VIEW&idx=186>. (In Korean).
19. “After talking, It worked” – Public opinion on the National Assembly election system has changed. *Sisain*. 31.05.2023. URL: <https://www.sisain.co.kr/news/articleView.html?idxno=50359>. (In Korean).
20. [Planning] Survey of public perception on electoral system reform. *Korea Research*. 2022. April 21. URL: <https://hrcopinion.co.kr/>. (In Korean).

Информация об авторах / Information about the authors

Е.М. Ермолаева – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой корееведения, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация),

✉ ermolaeva.em@dvfu.ru

Е.М. Yermolayeva – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Д.А. Пешков – студент, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация),

✉ peshkov.da@dvfu.ru

D.A. Peshkov – Student, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 18.03.2025;

одобрена после рецензирования / revised 07.05.2025;

принята к публикации / accepted 19.05.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 122–135.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 122–135.

Научная статья

УДК 339.9(470+510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/122-135>

**Роль политических механизмов и технологий
в укреплении стратегического партнёрства Российской Федерации
и Китайской Народной Республики в Арктике**

Ло Сюань, Владимир Фёдорович Печерица✉

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация

✉ prof.pecheritsa@gmail.com

Аннотация. В статье проведён анализ механизмов и технологий, способствующих арктическому взаимодействию России и Китая. Важнейшим элементом в разработке политических механизмов и технологий стратегического партнёрства, утверждают авторы, является переговорный процесс, осуществляемый на всех уровнях управления. Подчёркивается важная роль научного экспертного сообщества в обосновании и разработке рекомендаций для руководителей, принимающих политические решения по арктическому сотрудничеству РФ и КНР.

Ключевые слова: Арктика, Россия, Китай, механизмы и технологии сотрудничества

Для цитирования: Ло Сюань, Печерица В.Ф. Роль политических механизмов и технологий в укреплении стратегического партнёрства Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Арктике // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 122–135.

Original article

**The role of political mechanisms and technologies
in strengthening the strategic partnership between the Russian Federation
and the People's Republic of China in the Arctic**

Lo Xuan, Vladimir F. Pecheritsa✉

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation,

✉ prof.pecheritsa@gmail.com

Abstract. The article analyzes the mechanisms and technologies that contribute to the Arctic interaction between Russia and China. The most important element in the development of political mechanisms and technologies of strategic partnership, according to the authors, is the negotiation process carried out at all levels of government. The important role of the scientific expert community in the substantiation and development of recommendations for leaders who make political decisions on Arctic cooperation between the Russian Federation and China is emphasized.

Keywords: Arctic, Russia, China, mechanisms and technologies of cooperation

For citation: Lo Xuan, Pecheritsa V.F. The role of political mechanisms and technologies in strengthening the strategic partnership between the Russian Federation and the People's Republic of China in the Arctic. PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2025, vol. 27, no. 2, pp. 122–135. (In Russ.).

В условиях всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия руководство России и Китая ведут постоянный поиск форм и механизмов арктического сотрудничества. Это сотрудничество обсуждается учёными, экспертным сообществом в обоих государствах [1, с. 332–353; 2, с. 43–57]. Обоснование и разработка форм и механизмов арктического взаимодействия двух стран происходит на саммитах, форумах и других площадках, где принимаются практические рекомендации по сотрудничеству сторон в Арктике.

Выступая на X Санкт-Петербургском форуме в 2020 г., заместитель председателя Совбеза РФ Дмитрий Медведев подчеркнул: «За прошедшее десятилетие форум приобрёл широкую общественную поддержку и объединил всех, кто вовлечён в решение задач, связанных с развитием Арктики» [3, с. 3]. Высокую оценку этому форуму дал Президент Ассоциации полярников Артур Чилингаров: «Форум стал крупнейшей неправительственной площадкой для обсуждения проблем российского Севера» [3, с. 3]. На форуме была принята резолюция, обозначены формы и направления работы в Арктике с участием зарубежных партнёров. Резолюция была направлена в комитеты верхней и нижней палаты Федерального собрания, в Правительство РФ, Государственную комиссию по развитию Арктики [4].

Практические рекомендации нашли отражение в резолюциях научно-практических конференций по вопросам освоения Арктики, прошедших в 2019–2025 годах в Москве, Санкт-Петербурге, Мурманске и Ханты-Мансийске [5, с. 45].

В обеих странах представители экспертного и научного сообщества участвуют в подготовке документов для различных профильных министерств, ведомств и департаментов, так или иначе связанных с арктическими делами. Только в Китае не менее 15 правительственных ведомств вовлечены в арктические программы, что отражает сложный и комплексный характер процесса принятия и исполнения решений.

В отличие от РФ в структуре китайских органов государственного управления нет отдельного министерства, ответственного исключительно за арктическую практику. Главным органом, ответственным за «полярные» вопросы во всех сферах – от научных исследований до стратегического анализа, до 2018 г. являлась Государственная океаническая администрация (ГОВА), в рамках которой работала администрация по делам Арктики и Антарктики. Позже её функции были переданы в специально созданное Министерство природных ресурсов Китая. МИД КНР является ведущей организацией по вопросам китайского международного арктического сотрудничества. Международный департамент МИДа готовит официальные заявления по Арктике, а также координирует деятельность китайских представителей на совещаниях министров Арктического Совета [6; 7].

РФ и Китай сотрудничают и взаимодействуют и в различных региональных международных форматах, которые являются действенными механизмами в развитии Арктики. Это, прежде всего, Арктический Совет. В 2023 г., ввиду отказа западных стран от сотрудничества с РФ, в этом Совете взаимодействие переместилось в его рабочие группы и комиссии. В этих непростых условиях РФ и Китай вынуждены сделать ставку на региональные арктические организации, а также использовать двусторонние форматы взаимодействия в других арктических организациях, в том числе Арктический круг, Совет Баренцева Евроарктического региона (СБЕР) и другие.

Помимо этого, Китай активно работает в трёхстороннем диалоге высокого уровня по Арктике (в составе Корея, Япония и Китай). Такая разнонаправленность китайской дипломатии в Арктике свидетельствует о растущих масштабах экономического, технологического и торгово-логистического влияния КНР в Арктике [8]. Это позволяет Пекину более уверенно и взвешенно осуществлять односторонние действия в отсутствие двух или многосторонних договорённостей и соглашений.

Стратегическое взаимодействие РФ и КНР опирается на регулярный и эффективный переговорный процесс на всех уровнях, начиная от лидеров и заканчивая руководителями компаний. Поддержка лидеров этого процесса В.В. Путина и Си Цзиньпина обеспечивает стабильный фон для арктического сотрудничества деловых кругов двух стран.

Уже в ходе первого официального визита Си Цзиньпина в РФ в марте 2012 г. между КНР и РФ было подписано 35 соглашений, в том числе по энергетическому сотрудничеству [9]. Весной 2014 г. «Роснефть» и китайская нефтегазовая корпорация (CNPC) договорились о совместном изучении Западно-Приноземельского участка в Баренцевом море, а также Южно-Русского и Медынско-Варандейского участков в Печорском море [10, с. 120].

В мае 2014 г. в ходе переговоров В.В. Путина с Си Цзиньпином в Пекине было подписано Совместное заявление КНР и РФ о новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, в котором указывается, что

стороны намерены поддерживать и углублять стратегический доверительный диалог на высоком уровне, включая улучшение условий для транзита китайских грузов через порты Дальнего Востока России по Северному морскому пути (СМП).

В мае 2015 г. главы двух стран на встрече в Москве подписали «Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути» и «Совместное заявление об углублении всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества», в которых было зафиксировано, что Россия и Китай будут предпринимать согласованные действия по взаимному сопряжению процессов строительства ЕАЭС, Экономического пояса Шёлкового пути и Ледового Шёлкового пути [11].

В совместном заявлении РФ и КНР, подписанном лидерами государств в 2018 г., подчёркивается дальнейшее укрепление российско-китайского сотрудничества в Арктике в интересах её устойчивого развития, включая оказание поддержки развитию взаимодействия между заинтересованными ведомствами, органами.

Логическим продолжением в реализации этого заявления стала выдвинутая президентом РФ В.В. Путиным новая политика «Поворот на Восток», поддержанная Пекином. Она напрямую касается развития Арктики, в том числе и СМП [12].

Формы стратегического партнёрства, обозначенные лидерами КНР и РФ, были закреплены в последующих подписанных двусторонних документах (в том числе Заявлениях 2019, 2021, 2023 и 2024 гг.), которые включили Арктику в одно из главных направлений сотрудничества.

В ходе государственного визита президента РФ В.В. Путина в КНР в мае 2024 г. было подписано совместное заявление об углубляющемся стратегическом партнёрстве России и Китая. Оно касалось и сотрудничества в Арктике. Была образована российско-китайская комиссия по развитию Арктики [13]. В контексте реализации заявлений и договорённостей, достигнутых на высшем уровне, конкретные вопросы арктического сотрудничества двух стран обсуждаются и решаются на уровне правительств, их профильных министерств, ведомств и компаний.

7 июня 2019 г. ПАО «НОВАТЭК», «Совкомфлот», “Cosco Shipping” и Фонд Шёлкового пути подписали соглашение о создании крупного совместного предприятия ООО «Морской арктический транспорт» в Санкт-Петербурге [14]. Оно предусматривает создание арктического ледокольного круизного флота, установления долгосрочных партнёрских отношений для сотрудничества в области совместной разработки, финансирования и реализации новых логистических схем круглогодичной транспортировки углеводородного сырья из российской Арктической зоны до стран АТР.

По итогам Петербургского экономического форума 2019 г. было анонсировано, что РФ и КНР построят флот для крупных ледовых газовозов из 15–17 судов для

«Арктик-СПГ-2» на дальневосточной верфи «Звезда». Китайские компании “China Shipbuilding & Offshore International”, “Qingdao Beihai Shipbuilding Heavy Industry”, “China Communication Construction Company” и “China State Construction Engineering Corporation” будут участвовать и в строительстве новых объектов на этой крупнейшей в мире судовой верфи [15, с. 33].

В ходе правительственных переговоров сторон в 2019–2021 гг. был подписан ряд соглашений о совместном строительстве объектов инфраструктуры в Арктической зоне РФ, в частности модернизации ряда портов на СМП России. Китайские компании и банки согласились участвовать в реализации масштабных инфраструктурных проектов, в том числе в строительстве железнодорожной магистрали Белкомур (Белое море – Коми – Урал), проекте «Северный широтный ход» в ЯНАО, Мурманского транспортного узла (МТУ), глубоководного района морского порта «Архангельск», в строительстве судостроительного и судоремонтного заводов.

Важными площадками для встреч и переговоров стали встречи правового департамента МИД РФ с договорно-правовым департаментом МИД КНР, а также Российско-китайской комиссией по подготовке регулярных встреч глав правительств. Вопросы арктического сотрудничества обсуждаются также на межправительственной комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и СВК КНР. Серьёзную финансовую поддержку правительствам оказывают инвестиционные структуры, корпорации и банки, заинтересованные продвигать реализацию инфраструктурных проектов в России, в том числе в Арктической зоне [16; 17].

Успешное развитие партнёрства на высших уровнях руководства, от глав государств до отдельных компаний, укрепляет прежние и формирует новые механизмы и технологии двустороннего арктического сотрудничества сторон. Такая многоуровневая и сбалансированная работа механизмов сотрудничества способствует устойчивому соразвитию России и Китая. При этом страны делают ставку прежде всего на наращивание экономических связей в Арктике в противовес военно-стратегической мобилизации. Этому соответствует не только нарратив «Белой книги» как стратегического видения китайского руководства инициативы «Пояса и пути», но и общая логика поведения «азиатского дракона» на мировой арене [18, с. 102]. Эти механизмы и способы соответствуют характеру «всеобъемлющего» партнёрства и стратегического взаимодействия двух стран.

Ключевую роль в обеспечении стратегического партнёрства КНР и РФ в Арктике играют государственные энергетические стратегии обеих стран, определяющие приоритетные направления развития отрасли, формирующие внешнюю энергетическую политику стран.

В России, как и в Китае, государственное регулирование энергетической отрасли связано со стратегическим характером ТЭК для национального и оборонного

потенциала страны. ОАО «Газпром», НОВАТЭК и другие газовые компании стали глобальными энергетическими лидерами в добыче углеводородов в Арктике за счёт увеличения своих энергетических активов. Они влияют и на общемировые тенденции ресурсного национализма, на позиции России в мировом газовом секторе. В нефтяном секторе Крайнего Севера подобную роль выполняют «Роснефть», «Транснефть» и другие компании.

В КНР крупные нефтяные и газовые компании также находятся под контролем государства. Среди них Китайская национальная нефтяная корпорация (China National Petroleum Corp., КННК), Китайская нефтехимическая корпорация (China Petroleum & Corp., Sinopec), Китайская национальная корпорация по добыче нефти на море (China National Offshore Oil Corp., КНОНК) и другие.

По мере активизации роста масштабов нефтегазового сотрудничества быстрое развитие получил национальный межгосударственный уровень энергетического взаимодействия двух стран. В КНР существуют разные уровни многостороннего международного нефтегазового сотрудничества. Китайское правительство активно привлекает внешние инвестиции для развития энергетической отрасли внутри страны – политика «привлечения к себе» (Иньцинъ лай), одновременно оно оказывает поддержку китайским энергетическим компаниям для выхода на иностранные рынки – политика «выход за рубеж» (Цзоу чу цюй) [19, с. 57–60].

Правительство КНР поощряет компании, инвестирующие в разведку нефтегазовых ресурсов, в том числе в сложных районах Крайнего Севера с большим потенциалом залежей природного газа, берущие на себя риски по освоению ещё нетронутых залежей, принимающие участие в строительстве нефтегазовой инфраструктуры. Вместе с тем, открывая внутренний рынок для зарубежных газовых корпораций, Китай предпочитает извлекать максимум выгоды из их стремления получать законную прибыль.

Одновременно правительство КНР поддерживает китайские компании и банки, поощряет китайские предприятия за участие в международном газовом сотрудничестве и в строительстве газовых инфраструктурных объектов в Арктике.

Реализация этой политики осуществляется через многоуровневый переговорный процесс и соглашения с российскими государственными и частными энергетическими компаниями по разделу продукции, инвестированию в строительство объектов энергетической инфраструктуры и др. В процессе этих переговоров и соглашений правительства вырабатывают эффективные механизмы взаимодействия.

Успешно работают механизмы регулярных встреч по энергетике глав правительств, рабочих групп при правительствах. Создана Комиссия по подготовке встреч премьеров, в составе которой работает Подкомиссия по энергетическому сотрудничеству. Комиссия готовит материалы к регулярным встречам и обсуждениям глав правительств, которые проходят ежегодно. Плодотворно работает механизм перегово-

воров по энергетическому сотрудничеству на уровне вице-премьеров (Китайско-Российский комитет по сотрудничеству в области энергетики). В июле 2008 г. вице-премьер Китая Ван Цишань и бывший заместитель премьер-министра России И.И. Сечин провели заседание в Пекине, которое дало новый импульс энергетическому переговорному механизму. Всего к 2012 г. Китайско-Российский комитет по энергетическому сотрудничеству провёл 18 таких заседаний под руководством первых вице-премьеров двух стран.

Создание Китайско-Российского комитета расширило и углубило масштабы энергетического сотрудничества двух стран в Арктике. По его инициативе осуществляются новые крупномасштабные энергетические проекты, он координирует и мобилизует ресурсы и потенциал МИД, министерств торговли и финансов двух стран, деятельность экспертного сообщества, других отраслей, ведомств и департаментов, компаний, связанных с энергетикой. Комитет координирует энергетическую политику КНР и РФ в области разведки и добычи нефти и газа, в том числе и на Крайнем Севере.

Заседания Китайско-Российского комитета по энергетическому сотрудничеству проходят два раза в год: один раз в Китае и один раз в России. На заседании Комитета стороны договорились придерживаться: во-первых, принципа всестороннего долгосрочного сотрудничества; во-вторых, принципа рынка; в-третьих, принципа взаимной беспроигрышной выгоды.

Укрепление стратегического партнёрства и углублённое взаимодействие обеспечило формирование нового формата энергетического сотрудничества – энергетического диалога. За последние 10 лет он наполнился качественным содержанием, реализацией крупных взаимовыгодных проектов, особенно в газовой сфере. Координаторами этого диалога Китая и России являются вице-премьеры двух стран. К этому диалогу подключены представители не только министерств и ведомств, но и деловых кругов КНР и РФ. Огромную помощь в обосновании совместных энергопроектов, научном обеспечении принятых решений по энергетическому сотрудничеству двух стран оказывает экспертное сообщество, а именно созданный в декабре 2016 г. Китайско-Российский исследовательский институт энергетики при Центральном национальном университете КНР. В него вошли известные китайские и российские учёные-международники, специалисты по энергетике.

Результативность энергетического диалога особенно заметна в газовом сотрудничестве двух стран [20]. Причинами и предпосылками такого прогресса, по оценке специалистов, стали:

- 1) привлекательный и выгодный для российской газовой монополии китайский рынок;
- 2) объёмные поставки природного газа в КНР, что во многом обеспечивает пополнение российского федерального бюджета;

3) повышенный спрос на газ Сибири, Дальнего Востока и Арктики, что позволяет повысить инвестиционную привлекательность этих регионов РФ и вывести их на новый уровень развития;

4) российский газ крайне необходим быстрорастущей китайской экономике. Он помогает стране разрешить экологический кризис и создать новую «зелёную» экономику;

5) перспективные газовые месторождения находятся вблизи Китая – в восточной части РФ. Общая граница избавляет от транзитного аспекта в энергетических отношениях;

6) фундаментом успешного китайско-российского развития в газовой сфере являются прочные политические отношения двух стран;

7) политический ресурс газового сотрудничества КНР и РФ используется в качестве эффективного инструментария при построении ими отношений с США, ЕС и Японией. Благодаря этим мерам объёмы закупок российского газа Китаем, в том числе с Крайнего Севера, увеличились в несколько раз.

В процессе расширения газового сотрудничества между странами был заключён ряд крупных соглашений о совместной эксплуатации масштабных проектов: «Ямал-СПГ» и «Арктик-СПГ-2». Все эти проекты крайне выгодны для обеих сторон. Китайские газовые компании получают около 30% прибыли в проекте «Ямал-СПГ» и 20% – в проекте «Арктик СПГ-2» [6, с. 77].

Сложившаяся модель газового сотрудничества является примером успешных китайских инвестиций и технологий в обмен на доступ к российским углеводородным ресурсам. Однако эта модель не получила пока широкого распространения на другие проекты сотрудничества между нашими странами, например на строительство газопровода «Сила Сибири-2». Здесь ещё есть разногласия по ценам на СПГ и другие противоречия, которые рано или поздно будут урегулированы.

Вместе с тем, несмотря на тесное сотрудничество с КНР, ускоренное освоение Россией углеводородных ресурсов в Арктике пока сопряжено с рядом негативных сдерживающих обстоятельств. «Из-за санкционного давления, которое накладывает определённые ограничения на арктические технологии, импортозависимость РФ оценивается примерно в 60–70%, – заявил заместитель министра РФ Павел Сорокин. – От этого сдвигаются сроки разработки углеводородов в регионе. В стране не хватает собственного сейсмического оборудования для обслуживания Заполярья» [21]. «Для успешной реализации крупных арктических проектов, считают эксперты, необходимо применять государственную программу по морской сейсморазведке на Арктическом шельфе, принять закон о введении повышенного коэффициента к налоговым вычетам на геологоразведку в Арктике», – пишет первый заместитель генерального директора ПАО «Совкомфлот», заместитель председателя Арктического экономического совета РФ Евгений Амбросов [22]. Он также отмечает недостаточную го-

сударственную поддержку создания буровых мощностей для геологоразведки, которая носит фрагментарный характер. Сохраняется преобладание импортозамещения в сфере переработки нефтегазового сырья со стороны китайских компаний.

Безусловно, импорт соответствующих технологий из КНР серьезно помогает ТЭК РФ удержаться на плаву, но кардинально не может решить эту задачу. Российские эксперты полагают, что России не стоит фиксироваться на зависимости от КНР. «Мы можем решить какие-то сиюминутные проблемы с помощью КНР, но стратегически нужно выстраивать совершенно другую схему, которая позволит РФ быть технологически независимой в сфере ТЭК», – заявляет председатель Союза производителей нефтегазового оборудования К. Радинский [23].

Следовательно, сложившаяся модель сотрудничества России и Китая в Арктике хотя и позволяет «пополнять копилку» успешных совместных проектов, но мало способствует повышению доли российской продукции с высокой добавочной стоимостью во внешнеэкономических связях с Китаем [24, с. 475]. Эти и подобные факторы должны учитываться, считают эксперты, при наполнении содержанием российско-китайских проектов в Арктике, в том числе при достижении обозначенной президентом РФ цели «сотрудничества с китайскими партнёрами по освоению транзитного потенциала Северного морского пути» [25].

Руководство России, его соответствующие министерства и ведомства стремятся вырабатывать более совершенные политико-экономические механизмы и технологии сотрудничества с КНР, вести поиск более оптимальных моделей внешнеэкономических связей. Диверсификация торговли с Китаем выгодна не только Москве, но и Пекину. Реализация перспективных моделей внешнеэкономических связей позволит перейти от преимущественно торгово-сырьевой формы сотрудничества к инновационной и инновационно-производственной. А это крайне важно для освоения таких сложных регионов, как Арктика. В торгово-экономическом и транспортно-логистическом взаимодействии необходимо сосредоточиться на более глубоких работах и принятии управленческих решений с анализом как экономических, так и политических рисков и последствий. Опираясь на экспертные заключения, правительствам и хозяйственным субъектам (государственным и частным компаниям) обеих стран необходимо уточнять и определять эффективность потенциала возможности политических механизмов при рассмотрении стратегии и тактики освоения и обустройства Арктики. Залогом успешного принятия выверенных решений по Арктике и их эффективной реализации служит факт личного курирования арктических вопросов со стороны таких авторитетных лидеров, как Президент РФ В.В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин. Их регулярные встречи и доверительные переговоры обеспечивают благоприятный политический климат для сотрудничества. Несмотря на огромную занятость, эти руководители лично, в ручном режиме, контролируют реализацию арктических стратегий своих стран.

Список источников

1. Авхадеев В. Р. Механизм международного сотрудничества по проблемам Арктики: развитие на современном этапе и в перспективе // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. № 4. С. 332–353. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.332.353>
2. Лун Цуй. Китайско-российское сотрудничество в Арктике (по материалам российской печати) // *Россия в глобальном мире*. 2023. Т. 26, вып. 3. С. 43–57. DOI: <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.26.3.4>
3. Итоговая общественная резолюция по вопросам социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации за 2020 год. X Международный форум Арктика: настоящее и будущее. 10–12 декабря 2020 г. Санкт-Петербург // Межрегиональная общественная организация Ассоциация полярников. 176 с. URL: <https://www.forumarctic.com/rezolution-2020.pdf>
4. В Санкт-Петербурге завершил работу X Международный форум «Арктика: настоящее и будущее» // XV Международный форум Арктика: настоящее и будущее имени А. Н. Чилингарова. URL: <https://www.forumarctic.com/conf2020/>
5. Юдин В. И., Карцев Н. А. Российско-китайское сотрудничество в Арктике // *Вестник Дипломатической академии МИД. Международное право*. 2023. № 4. С. 40–49. DOI: https://doi.org/10.54449/76585_2023_4_23_40
6. Петровский В. Е., Филиппова Л. В. Россия и Китай в Арктике. Москва, 2022. 168 с.
7. Петровский В. Е. Стратегия России и Китая в Арктике: сравнительный анализ // *Проблемы Дальнего Востока*. 2020. № 3. С. 154–167. DOI: <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10009>
8. China's Arctic Policy // The State Council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm
9. Фролова И. Ю. О ключевых задачах руководства КНР в свете Третьего пленума ЦК КПК 20-го созыва // *Российский институт стратегических исследований (РИСИ)*. Оpubл. 29.07.2024. URL: <https://riss.ru/analitica/o-klyuchevykh-zadachakh-rukovodstva-knr-v-svete-tretego-plenuma-tsk-kpk-20-go-sozyva/>
10. Журавель В. П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // *Арктика и Север*. 2016. № 24. С. 112–124. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.24.112>
11. Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути // Администрация Президента России. Оpubл. 8.05.2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>

12. Совместное коммюнике по итогам двадцать седьмой регулярной встречи глав правительств России и Китая. URL: <http://static.government.ru/media/files/gIHfJm8aIZlQv58scyNVqtkEixSyRbTh.pdf>
13. Гончарук Д. Путин и Си Цзиньпин наметили стратегию дальнейшего сближения России и Китая // Российская газета. 2024. 17 мая. URL: <https://rg.ru/gazeta/rg/2024/05/17.html>
14. ПАО «НОВАТЭК», «Совкомфлот», «Cosco Shipping» и Фонд Шёлкового пути подписали соглашение в отношении ООО «Морской арктический транспорт» // Официальный сайт ПАО «НОВАТЭК». URL: http://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=3243
15. Ерохин В. Л. Арктика в российско-китайских отношениях: от политики к экономике // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 2 (4). С. 26–36. DOI: <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2020-2-4-26-36>
16. Российско-китайский инвестиционный фонд регионального развития. URL: <http://ifrd.ru/ru/>
17. COSCO Shipping attended the 6th Meeting of the China-Russia Investment Cooperation Committee // IAA PortNews. 2019. November 29. URL: <https://en.portnews.ru/news/287783/>
18. Акимов Р. Х. Арктика с китайской спецификой // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 89–108. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.89>
19. Шу Сяньлинь. Китайско-российские отношения в энергетическом секторе // Международный форум. Пекин. 2003. № 4. С. 57–60. (На кит. яз.).
20. Батыров Т. Стоимость поставок газа из России в Китай выросла на 182% // Forbes.ru. Опубл. 20.11.2022. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/481354-stoimost-postavok-gaza-iz-rossii-v-kitaj-vyroslo-na-182>
21. Арктический шельф: политико-правовые успехи России нуждаются в закреплении // ENEWS.su. Опубл. 05.12.2023. URL: <https://e-news.su/mnenie-i-analitika/474437-arkticheskij-shelf-politiko-pravovye-uspehi-rossii-nuzhdajutsja-v-zakreplenii.html>
22. Освоение арктического шельфа: потенциал и риски // РОСКОНГРЕСС. Международный Арктический форум. URL: <https://forumarctica.ru/news/osvoenie-arkticheskogo-shelfa-potentsial-i-riski/>
23. Нефедов Д. Арктический шельф: политико-правовые успехи России нуждаются в закреплении // Фонд стратегической культуры. 04.12.2023. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2023/12/04/arkticheskij-shelf-politiko-pravovye-uspekhi-rossii-nuzhdayutsya-v-zakreplenii.html>
24. Филиппова Л. В. Двустороннее сотрудничество России и Китая в Арктике на фоне ослабления институтов регионального сотрудничества // Россия и Китай:

история и перспективы сотрудничества. 2023. № 13. С. 473–477. DOI: https://doi.org/10.48344/27823768_2023_13_473

26. Российско-китайские переговоры // Официальный сайт Президента РФ. 21.03.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70748/>

References

1. Avhadeev V. R. Mehanizm mezhdunarodnogo sotrudnichestva po problemam Arktiki: razvitie na sovremennom jetape i v perspektive [Mechanism of international co-operation in Arctic: development and prospects]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*, 2018, no. 4, pp. 332–353. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.332.353>

2. Lun Cuj. Kitajsko-rossijskoe sotrudnichestvo v Arktike (po materialam rossijskoj pechati) [Sino-Russian cooperation in the Arctic (based on the materials of the Russian press)]. *Rossija v global'nom mire.*, 2023, vol. 26, iss. 3, pp. 43–57. DOI: <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.26.3.4>

3. Final public resolution on the issues of socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation for 2020. X International Forum Arctic: Present and Future. December 10–12, 202 St. Petersburg. *Mezhregional'naja obshhestvennaja organizacija As-sociacija poljarnikov* [Interregional public organization Association of Polar Explorers]. 176 p. URL: <https://www.forumarctic.com/rezolution-2020.pdf> (In Russ.).

4. The 10th International Forum “Arctic: Present and Future” has concluded its work in St. Petersburg. *XV Mezhdunarodnyj forum Arktika: nastojashhee i budushhee imeni A.N. Chilingarova* [XV Chilingarov International Forum the Arctic: Present and Future has completed its work in St. Petersburg]. URL: <https://www.forumarctic.com/conf2020/> (In Russ.).

5. Yudin V. I., Kartscev N. A. Rossijsko-kitajskoe sotrudnichestvo v Arktike [Russian-Chinese cooperation in the Arctic]. *Vestnik Diplomaticheskoj akademii MID. Mezhdunarodnoe pravo*, 2023, no. 4, pp. 40–49. DOI: https://doi.org/10.54449/76585_2023_4_23_40

6. Petrovskij V. E., Filippova L. V. *Rossija i Kitaj v Arktike* [Russia and China in the Arctic]. Moscow, 2022. 168 p.

7. Petrovskij V. E. Strategija Rossii i Kitaja v Arktike: sravnitel'nyj analiz [Strategy of Russia and China in the Arctic: comparative analysis]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2020, no. 3, pp. 154–167. DOI: <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10009>

8. China's Arctic policy. The state council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm

9. Frolova I. Ju. O ključevyh zadachah rukovodstva KNR v svete Tret'ego plenuma CK KPK 20-go sozyva [On the Key Tasks of the PRC Leadership in Light of the Third Plenary Session of the 20th CPC Central Committee]. *Rossijskij institut strategicheskikh*

issledovanij (RISI). 29.07.2024. URL: <https://riss.ru/analitica/o-klyuchevykh-zadachakh-rukovodstva-knr-v-svete-tretego-plenuma-tsk-kpk-20-go-sozyva/>

10. Zhuravel' V. P. Kitaj, Respublika Koreja, Japonija v Arktike: politika, jekonomika, bezopasnost' [China, Republic of Korea and Japan in the Arctic: politics, economy, security]. *Arktika i Sever*, 2016, no. 24, pp. 112–124. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.24.112>

11. Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on cooperation in linking the construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt. *Administracija Prezidenta Rossii 2025 god*, 2015, May 8. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (In Russ.).

12. Joint communique on the results of the twenty-seventh regular meeting of the heads of government of Russia and China. URL: <http://static.government.ru/media/files/gIHFJm8aIZlQv58scyNVqtkEixSyRbTh.pdf> (In Russ.).

13. Goncharuk D. Putin i Si Czin'pin nametili strategiju dal'nejshego sbližhenija Rossii i Kitaja [Putin and Xi Jinping outline strategy for further rapprochement between Russia and China]. *Rossijskaja gazeta*, 2024, May 17. URL: <https://rg.ru/gazeta/rg/2024/05/17.html>

14. PAO NOVATEK, Sovcomflot, Cosco Shipping and the Silk Road Fund signed an agreement regarding Marine Arctic Transport LLC. *Official website PAO «NOVATJeK»*. URL: http://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=3243 (In Russ.).

15. Erokhin V. L. Arktika v rossijsko-kitajskih otnoshenijah: ot politiki k jekonomike [Arctic in Russia-China relations: from politics to economics]. *Mir russkogovorjashhih stran*, 2020, vol. 2, no. 4, pp. 26–36. DOI: <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2020-2-4-26-36>

16. Rossijsko-kitajskij investicionnyj fond regional'nogo razvitija [Russian-Chinese investment fund for regional development]. URL: <http://ifrd.ru/ru/> (In Russ.).

17. COSCO Shipping attended the 6th Meeting of the China-Russia Investment Cooperation Committee. *IAA PortNews*, 2019, November 29. URL: <https://en.port-news.ru/news/287783/>

18. Akimov R. H. Arktika s kitajskoj specifikoju [The Arctic with Chinese characteristics]. *Arktika i Sever*, 2023, no. 50, pp. 89–108. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.89>

19. Shu Sjanlin. Sino-Russian relations in the energy sector. *International Forum*, 2003, no. 4, pp. 57–60. (In Chin.).

20. Batyrov T. Stoimost' postavok gaza iz Rossii v Kitaj vyrosła na 182% [The cost of gas supplies from Russia to China has increased by 182%]. *Forbes.ru*, 2022, November 20. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/481354-stoimost-postavok-gaza-iz-rossii-v-kitaj-vyrosła-na-182>

21. Arctic Shelf: Russia's political and legal successes need to be consolidated. *ENEWS.su*, 2023, December 5. URL: <https://e-news.su/mnenie-i-analitika/474437-arkticheskij-shelf-politiko-pravovye-uspehi-rossii-nuzhdajutsja-v-zakreplenii.html> (In Russ.).

22. Osvoenie arkticheskogo shel'fa: potencial i riski [Development of the Arctic shelf: potential and risks]. *ROSKONGRESS. Mezhdunarodnyj Arkticheskij Forum*. URL: <https://forumarctica.ru/news/osvoenie-arkticheskogo-shelfa-potentsial-i-riski/> (In Russ.).

23. Nefedov D. Arkticheskij shel'f: politiko-pravovye uspehi Rossii nuzhdajutsja v zakreplenii [Arctic shelf: Russia's political and legal successes need to be consolidated]. *Fond strategicheskoy kul'tury*, 2023, December 4. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2023/12/04/arkticheskij-shelf-politiko-pravovye-uspehi-rossii-nuzhdajutsja-v-zakreplenii.html>

24. Filippova L. V. Dvustoronnee sotrudnichestvo Rossii i Kitaja v Arktike na fone oslablenija institutov regional'nogo sotrudnichestva [Bilateral cooperation between Russia and China in the Arctic against the weakening of institutions for regional cooperation]. *Rossija i Kitaj: istorija i perspektivy sotrudnichestva*, 2023, no. 13, pp. 473–477. DOI: https://doi.org/10.48344/27823768_2023_13_473

26. Russian-Chinese negotiations. *Oficial'nyj sajт Prezidenta RF*, 2023, March 21. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70748/> (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Ло Сюань – аспирант кафедры политологии, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация),

✉ lo.sy@dvfu.ru

Lo Xuan – PhD Student, Department of Political Science, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

В.Ф. Печерица – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация),

✉ prof.pecheritsa@gmail.com, SPIN: 7777-6547

V.F. Pecheritsa – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 25.04.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 24.05.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 136–154.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 136–154.

Научная статья

УДК 327.5(5:265)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/136-154>

AUKUS – новый актер безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: причины и предпосылки появления альянса

Татьяна Сергеевна Чернева

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ tatyana.cherneva6@yandex.ru

Аннотация. В данной статье проведена системная оценка общих и частных интересов и целей стран-участниц стратегического партнёрства AUKUS для выявления конкретных причин и предпосылок, определяющих необходимость создания данного альянса в системе международной безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона. Сделан вывод о том, что стратегическое партнёрство AUKUS представляется как модернизированная и более практически ориентированная модель альянса, необходимая для реализации военно-блоковой политики США и их союзников в регионе на современном этапе. Концепция AUKUS, которая в настоящее время включает программу атомных подводных лодок и развитие ряда наукоёмких направлений сотрудничества в оборонной сфере участников альянса, определяет решающее значение для участников в доктрине нового оборонного союза, который призван не только обеспечить военное присутствие США и Великобритании в регионе на несколько десятилетий вперед, но и качественно улучшить показатели геополитической выгоды стран, а также снизить экономические и военно-политические издержки в условиях конфронтационной стагнации между США и их союзниками и Китаем.

Ключевые слова: США, Австралия, Великобритания, Китай, военно-политический альянс, международная безопасность, Азиатско-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Чернева Т.С. AUKUS – новый актер безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: причины и предпосылки появления альянса // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 136–154.

Original article

AUKUS – a new security actor in the Asia-Pacific region: reasons and prerequisites for the emergence of the alliance

Tatyana S. Cherneva

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

✉ tatyana.cherneva6@yandex.ru

Abstract. This article provides a systematic assessment of the general and specific interests and goals of the countries participating in the AUKUS strategic partnership to identify specific reasons and prerequisites that determine the need to create this alliance in the international security system of the Asia-Pacific region. It is concluded that the AUKUS strategic partnership is presented as a modernized and more practically oriented model of the alliance necessary for the implementation of the military-bloc policy of the United States and its allies in the region at the present stage. The AUKUS concept, which currently includes a nuclear submarine program and the development of a number of science-intensive areas of cooperation in the defense sphere of the alliance members, determines the decisive importance for the participants in the doctrine of a new defense alliance, which is designed not only to ensure the military presence of the United States and Great Britain in the region for several decades to come, but also to qualitatively improve the indicators of geopolitical benefit of the countries, as well as reduce economic and military-political costs in the context of confrontational stagnation between the United States and their allies and China.

Keywords: USA, Australia, Great Britain, China, military and political alliance, international security, Asia-Pacific region

For citation: Cherneva T.S. AUKUS – a new security actor in the Asia-Pacific region: reasons and prerequisites for the emergence of the alliance. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2025, vol. 27, no. 2, pp. 136–154. (In Russ.).

Введение

15 сентября 2021 года в рамках совместной пресс-конференции лидеров США, Великобритании и Австралии было объявлено о создании расширенного трёхстороннего партнёрства по безопасности – AUKUS. По официальным заявлениям сторон, целью данного альянса является «укрепление стабильности и безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе на долгосрочный период» [1, с. 1].

Общие положения соглашения о партнёрстве декларируют углубление сотрудничества по вопросам безопасности и обороны путём интеграции науки, технологий,

промышленных баз и цепочек поставок, связанных с безопасностью и обороной, а также повышение совместных возможностей и оперативной совместимости, которые будут сосредоточены на кибервозможностях, искусственном интеллекте, квантовых технологиях и дополнительных подводных возможностях стран-участниц.

Первоочередной задачей новообразованного партнёрства для достижения поставленных целей стало оснащение военно-морского флота Австралии атомными подводными лодками. В соответствии с опубликованным планом, уже в начале 2030-х годов следует оснащение ВМС Австралии АПЛ американского типа «Вирджиния», а в начале 2040-х годов – разработка собственной австралийской АПЛ “SSN – AUKUS” [2].

Таким образом, Австралия станет седьмой страной в мире, обладающей атомным подводным флотом. Это напрямую коррелирует с общей динамикой внешнеполитического развития Азиатско-Тихоокеанского региона. В совокупности в географических пределах АТР сосредоточено шесть ядерных держав [3] и государств с мощнейшими армиями [4]. А общее количество стран-лидеров в области расходов на оборону и крупнейших импортёров вооружения превышает общемировые показатели [5].

Актуальность проводимого исследования обусловлена, прежде всего, динамично развивающимся уровнем военной и внешнеполитической конкуренции мировых держав, сосредоточенных в рамках данного региона. Это повышает общий уровень конфликтогенности и снижает показатели международной безопасности как в пределах регионального пространства АТР, так и на общемировом уровне.

Трансфигурация внешнеполитического ориентирования США в сторону азиатского региона была задекларирована ещё администрацией Барака Обамы в 2011 году [6].

В начале 2010-х официальный дискурс Вашингтона определил Азию как место, «где будет определено будущее мировой политики» [7, с. 1]. Таким образом, азиатский регион становится эпицентром мировых изменений, трансформирующих модели международного взаимодействия [8].

От динамики взаимоотношений стран в рамках АТР, как нового мирового центра, зависит мировая повестка в вопросах международной безопасности [9; 10].

В связи с этим новый военно-политический альянс, образованный на основе военно-технологического сотрудничества трёх англосаксонских держав, создаёт серьёзные тенденции в меняющейся архитектуре системы международной безопасности на общемировом уровне.

Исходя из этого, возникает необходимость в определении конкретных причин и предпосылок для создания военно-политического альянса формата AUKUS.

Важно выявить и проанализировать мотивацию стран-участниц альянса к созданию стратегического партнёрства с его военно-технологической компонентой в азиатском регионе.

Тема проводимого исследования довольно новая в силу фактора создания стратегического партнёрства (2021), но уже имеет довольно объёмный прецедент в исследовании проблематики как в отечественной, но в большей степени в зарубежной политической науке.

Основные компоненты системы

«Стратегическое соперничество» между Вашингтоном и Пекином с начала XXI века выявило ряд военно-политических и экономических факторов, определяющих потребность США в пересмотре практического компонента политики, обеспечивающей гегемонию Соединённых Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе [11].

Интерес в создании нового стратегического партнёрства AUKUS мотивирован более практически ориентированным подходом США в обеспечении собственной доминанты в АТР и эволюционной потребностью в преобразовании имеющейся системы союзов в регионе путём качественного перераспределения и повышения эффективности использования имеющихся ресурсов для увеличения «геополитической прибыли» и устойчивости влияния американских сил в АТР.

В результате переоценки наиболее выгодных из всех возможных альтернативных издержек¹ [12], в рамках гегемонистской политики США в начале 2010-х годов администрация Б. Обамы реорганизовала систему, обеспечивающую международное влияние Вашингтона, смещая полюс внимания к азиатскому региону, таким образом определив наибольшую «политическую прибыль» для Соединённых Штатов из условий интеграции и утверждения доминанты в бурно растущем и в развивающемся регионе – АТР.

С начала 1990-х годов военно-блоковая политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, организованная на основе Сан-Францисской модели, создала серьёзные стратегические риски для Вашингтона в силу ослабления вовлечённости США и их союзников в региональную политическую структуру. В результате это повлекло, согласно распространённому мнению профильных специалистов, ряд «геополитических издержек», которые проиллюстрировали слабость американских гарантий безопасности, на фоне постоянно усиливающегося влияния Китая в регионе, а также повсеместного изменения общего ландшафта архитектуры безопасности в АТР с начала 2000-х [13; 14; 15].

¹Альтернативные издержки (издержки упущенной выгоды или издержки альтернативных возможностей) – это упущенная выгода в результате выбора одного из альтернативных вариантов использования ресурсов и, как следствие, отказ от других возможностей.

В рамках «перестройки» существующей системы, обеспечивающей влияние США в регионе, главной задачей для обновлённого подхода Вашингтона стала реорганизация партнёрских отношений с такими странами, как Южная Корея, Япония, Филиппины, Австралия, Сингапур, Индонезия, Малайзия и Таиланд, путём создания новой структуры союзов, которая бы обеспечила снижение экономических затрат, военно-технологических издержек, а также повысила «геополитическую прибыль» Соединённых Штатов в условиях постоянно усиливающегося соперничества между Вашингтоном и Пекином на фоне военного и экономического усиления КНР [16; 17; 18; 19].

Для снижения постоянных и переменных военных и политических издержек и повышения эффективности системы альянсов США качественно перестроили подход в реализации политики союзничества. В рамках проводимой модернизации Соединённые Штаты пытаются не столько количественно расширить систему союзов, сколько перестроить модель из строгой двусторонней вертикали по принципу «оси и спиц» в более гибкую, горизонтальную систему [20; 21; 22] с вовлечением новых и уже внерегиональных игроков, способных стать надёжными «поставщиками» необходимых дипломатических, экономических и военно-технологических ресурсов. Более того, обновлённый подход американской политики также включает реорганизацию партнёрских отношений с «традиционными» – региональными союзниками (экономически и политически стабильными государствами – напр., Австралия) для нивелирования стратегических издержек и обеспечения, таким образом, постоянного и беспрепятственного присутствия во внутрирегиональном пространстве в целях реализации контроля без рисков для военно-политического «имиджа» Вашингтона.

Доминирующей константой, призванной *обеспечить реальный вес* в новой военно-политической системе в Азиатско-Тихоокеанском регионе, для США является технологический компонент альянса AUKUS. Эквивалентно перераспределяя необходимые ресурсы, в большей степени между «младшими» участниками альянса, и, более того, обогащая военно-технологический потенциал американских вооружённых сил за счёт высокотехнологичных возможностей реальных и потенциальных союзников в рамках нового стратегического объединения, Вашингтон может улучшить не только положение в АТР, но и качественно улучшить личный оборонный и наступательный потенциал.

Влияние военно-технологической константы, обуславливающей осцилляцию баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, посредством нового военно-политического союза AUKUS качественно увеличивает маневренность и геополитические возможности для Вашингтона, снижая при этом реальные технологические риски и издержки, а также повышает возможности собственного военно-технологического развития.

Почему «новый» подход AUKUS? Интересы и цели сторон

США

Как уже упоминалось ранее, позиция Соединённых Штатов Америки относительно соглашения AUKUS определена рядом военных, технологических и экономических факторов активно развивающегося в регионе Китая. Именно КНР оценивается Вашингтоном как сила, способная вытеснить США с позиции лидера как в рамках регионального пространства АТР, так и на общемировом уровне [23].

Ключевой проблемой для США в вопросе обеспечения своей гегемонии в АТР являются «личные издержки» (военно-политического и экономического характера), понесённые в результате переноса американских внешнеполитических интересов на ближневосточный регион в начале 2000-х. Эти внешнеполитические издержки определили потерю контроля и положения Вашингтона в наиболее стратегически важном Азиатско-Тихоокеанском регионе на уже современном этапе.

Прежде всего это касается модернизации НОАК. Данный компонент китайской реформы, положительно коррелирующий с общим увеличением доли финансирования вооружённых сил КНР, не только качественно и количественно улучшает показатели боеспособности армии Китая, но и определяет ослабление позиций Соединённых Штатов в вопросе гарантий безопасности в отношении многих региональных союзников Белого дома в рамках имеющихся оборонных соглашений. И, конечно, главным образом – Тайвань. В этой связи наибольшее значение имеет и динамичная милитаризация спорных территорий архипелагов и отдельных «островов» в Южно-Китайском море [12], которая создаёт ещё один прецедент для ущерба внешнеполитическому «имиджу» США в регионе и предопределяет региональную доминанту в лице КНР.

Кроме того, общее ослабление влияния в совокупности со статичной конфронтацией между Вашингтоном и Пхеньяном в рамках северокорейской ядерной программы также снижает показатели эффективности американской модели. Ядерная деятельность КНДР качественно повышает военно-экономические и политические издержки США в рамках гарантий безопасности своим региональным союзникам. Прежде всего, это касается уже таких региональных партнёров, как Южная Корея и Япония.

В 2017 году в Стратегии национальной безопасности США впервые концептуально определили Китай как силу, которая бросает вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаясь подорвать американскую безопасность и процветание [24], что завершило переориентирование стратегического планирования Вашингтона, а также официально задекларировало позицию Соединённых Штатов об «азиатском лидере» как об одном из важнейших факторов формирования внешней политики в вопросе обеспечения своих национальных интересов и международной безопасности.

В этой связи стратегическое партнёрство AUKUS для США – это не просто инструмент для консолидации регионального влияния в АТР [25], а способ обеспечения «геополитической прибыли» и в общемировом пространстве. Прежде всего, посредством ограничения и обеспечения контроля за военно-политической деятельностью Пекина в регионе и за его пределами.

Для США AUKUS – это наиболее выгодный и «низкозатратный» способ обеспечения прочного форпоста инфраструктурно развитых военных баз, который будет создан австралийской стороной, для осуществления постоянного базирования и более свободного маневрирования ВМС США (прежде всего атомный флот) в акваториях Тихого и Индийского океанов¹. Это гарантирует высокий уровень контроля² за растущими «возможностями» военно-морских сил КНР в ЮКМ и за его пределами [26]. Снижая, таким образом, экономическую и военно-технологическую нагрузку на Вашингтон.

Также важнейшими качественными и количественными показателями к мотивации США в разработке инициативы AUKUS стали следующие положения, определившие ядро геополитического и военно-технологического интереса для Вашингтона, в рамках концепции более «эффективного инвестирования» в региональную систему безопасности: это исключительное технологическое превосходство Пекина [27], которое обеспечивает быстрый рост военной мощи КНР и развёртывание новых систем вооружений; а также количественные показатели соотношения военно-морских сил КНР и США³ [28].

В настоящее время текущая технологическая гонка, существующая между США и КНР, уже закрепила лидирующую позицию за Пекином, определяя ключевыми оборонные и космические технологии [27].

Это напрямую определяет повестку AUKUS в важнейшем стратегическом планировании, которое касается технологического компонента (искусственного интеллекта, кибернетических, квантовых и подводных технологий), помимо подводных лодок. Этот элемент предназначен для изменения военного баланса уже в 2020-х и

¹ С 2023 по 2026 год американские и британские АПЛ планируют совершать более длительные и частые визиты в Австралию. Эти расширенные визиты заложат основу для ротационного присутствия британских и американских АПЛ в Западной Австралии уже с 2027 года в рамках инициативы “Submarine Rotational Force-West (SRF-West)”.

² В совокупности с уже имеющимся стратегическим преимуществом в рамках американо-австралийского союза за счёт военного центра “Pine Gap”, главной задачей которого является обеспечение безопасности континентальной части США.

³ В соответствии с данными отчёта Министерства обороны США за 2020 год, судостроение КНР имеет самый большой военно-морской флот в мире с общей боевой силой около 350 кораблей и подводных лодок. Для сравнения: боевая сила ВМС США на начало 2020 года составляет примерно 293 корабля.

2030-х годах [29] за счёт делегирования необходимых ресурсных затрат для обеспечения американского влияния на более экономически и технологически развитых и политически устойчивых, «традиционных» партнёров, способных гарантировать Вашингтону его региональную доминанту и обеспечить большую манёвренность в политическом контуре взаимоотношений с КНР.

Австралия

Австралия также выступает одной из наиболее заинтересованных сторон в рамках нового партнёрства. Единогласие с позицией Вашингтона в отношении КНР, а также официальное определение внешнеполитического вектора государства на противодействие растущему влиянию Пекина закрепили новый курс Австралийского союза в контексте создания альянса в противовес источнику «угрозы» в регионе [30].

«Ухудшающаяся стратегическая обстановка» [31] в региональном кольце Австралии, которая была описана в обновлённом изложении Национальной стратегии обороны ещё в июле 2020 года, концептуально утвердила нацеленность государства на фортификацию военного потенциала путём увеличения наступательной мощи австралийских вооружённых сил для повышения собственной военно-политической выгоды в вопросе обеспечения национальной безопасности.

Основными причинами для вступления в оборонный союз для Австралии стали также военно-политические и экономические интересы, исходящие из динамично ухудшающейся политической ситуации в рамках австралийско-китайских отношений, а также негативного опыта возмещения прямого торгово-экономического ущерба в результате усиления конфронтации между Канберрой и Пекином с начала 2018 года.

Ключевыми интересами для Австралийского союза в рамках нового стратегического партнёрства стали: 1) повышение стратегической прибыли в рамках военно-технологического сотрудничества с США и Великобританией [32] посредством приобретения и развития новых «прикладных» технологий атомного подводного судостроения, а также высокотехнологичного компонента партнёрства AUKUS; 2) снижение издержек от доминирующего влияния Китая на экономическую и, как следствие, политическую сферы, которое обусловлено общей долей китайского капитала в экономике Австралии, высоким процентом торгового товарооборота и экспортной зависимостью страны [33]; 3) консолидация положения для снижения альтернативных издержек в рамках взаимоотношений со странами субрегиона «внутреннего кольца» (Южно-Тихоокеанский регион), которые возникли после значительного усиления влияния КНР¹ за счёт развития капитала и миграции человеческого ресурса в страны данного региона [34].

¹По данным на 2018 год, Китай стал крупнейшим международным актором (после Австралии) по вопросам экономической поддержки стран региона (главным образом, Папуа - Новая Гвинея, Вануату, Фиджи, Самоа и Микронезия).

Отрицательная динамика австралийско-китайских отношений, которая начала развиваться ещё с 2008 года и достигла своего пика к 2018 году, продолжила ухудшаться и на фоне пандемии 2020 года. Международная критика Канберры в отношении КНР по вопросам вмешательства Пекина во внутреннюю политику страны, а также торговые санкции со стороны Китая на экспортируемые Австралией товары и последующий виток претензий между странами в контексте ответственности КНР уже в проблеме пандемии COVID-19 [35] способствовали динамичному переориентированию интересов Австралии, после многолетнего политико-экономического лавирования Канберры между противоборствующими полюсами, в сторону «традиционного» партнёра – США.

В совокупности факторов все эти следствия конфронтации между Австралией и Китаем выявили для Австралийского союза серьёзные торгово-экономические и военно-политические издержки, для «упрощения» и нивелирования которых Канберра инициировала присоединение в рамках нового военно-политического партнёрства к более сильным и влиятельным союзникам, что также определило для южнотихоокеанского государства новый вектор внешнеполитического развития, отходя от многолетней эпохи балансирования между США и КНР.

Великобритания

Ресурсы Соединённого Королевства ограничены и значительно сдерживают внешнеполитические интересы Лондона. Особенно это стало ощутимо после завершения процедуры Brexit в 2020 году. Выход Великобритании из Европейского союза повлёк серьёзные издержки для государства, которые обусловили острую необходимость в поиске и выстраивании новых путей для реализации своего торгово-экономического и политического потенциала [36; 37].

Комплексная стратегия по вопросам обороны, дипломатии и международного развития – «Глобальная Британия», опубликованная в марте 2021 года, утвердила ряд важнейших направлений для развития «нового» пути Королевства, закрепляя особое стратегическое значение за Азиатско-Тихоокеанским регионом [38].

Данный документ определил не только переориентацию внешнеполитического курса Великобритании на Азию, но и задекларировал стремление к восстановлению британской «доминанты» в регионе, сепарируя, таким образом, стратегические интересы Лондона от бывших партнёров в ЕС [39; 40], а также обусловил новую интеграционную платформу в пределах АТР, способную обеспечить необходимую «прибыль» для снижения издержек политики выхода Королевства из союза. Подтверждает это и активная торгово-экономическая интеграция Лондона в регионе в рамках присоединения Великобритании к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнёрстве (ВПТП) в 2023 году [41].

AUKUS выступает практическим инструментом для Соединённого Королевства

не только в вопросе реализации новой внешнеполитической концепции, но и позволяет: 1) сократить разрыв реальных возможностей (военно-политических и экономических ресурсов) и своих стратегических целей¹; 2) реконструировать отношения с Австралией, обеспечивая конкретные военно-экономические выгоды: повысить общую военную совместимость и оперативность «королевских» флотов; укрепить торгово-экономические связи и технологическое кооперирование между странами²; 3) обеспечить включение в региональную систему безопасности и консолидировать присутствие британского флота на периферии Индийского и Тихого океанов [42, 43]; 4) качественно улучшить научно-технический потенциал путём углубления военно-технологического сотрудничества с США в рамках AUKUS³ [44].

Готовность к активному участию и интеграции Лондона в рамках AUKUS также подтверждают и официальные заявления премьер-министра Великобритании (2022–2024), согласно которым Соединённое Королевство планирует увеличить расходы на оборону до 2,5% от валового внутреннего продукта в долгосрочной перспективе (главным образом включая модернизацию британской программы атомных подводных лодок и финансирование «следующей фазы» AUKUS) [45]. С этой целью расходы на оборону будут пересмотрены в 2025 году.

Стратегическое партнёрство AUKUS для Великобритании – это прежде всего практический инструмент для более эффективного построения новой системы внешнеполитических и внешнеэкономических связей, которые особенно важны для Лондона после завершения Brexit. Также AUKUS выступает необходимым плацдармом для полномасштабного интегрирования Соединённого Королевства в стратегически важный Азиатско-Тихоокеанский регион для реализации собственных внешнеполитических амбиций, укрепления военно-политической статуры (как одного из ведущих мировых игроков) и, как следствие, извлечения таким образом геополитических и экономических выгод.

¹ Путём интеграции в рамках AUKUS в систему АТР Великобритания утверждает статус глобального игрока, не ограничивающего свои интересы исключительно «европейским пространством» (главным образом интересы ЕС в регионе).

² Совместная разработка ударной подводной лодки “SSN-AUKUS” для ВМС Великобритании и Австралии, основываясь на программе британской АПЛ (SSN(R) – модернизированная АПЛ, над которой Великобритания уже работает для замены своих подводных лодок класса “Astute”). Головная британская АПЛ SSN-AUKUS должна быть введена в строй в конце 2030-х годов. Австралийский вариант лодок SSN-AUKUS будет отличаться от британского американской ядерной энергетической установкой.

³ Повысить показатели мощности вооружения путём интеграции науки, технологий, связанных с безопасностью и обороной, сосредоточенных на кибервозможностях, ИИ, квантовых технологиях и дополнительных подводных возможностях (в том числе в рамках совместной ядерной программы с США).

Это полномасштабное военно-технологическое сотрудничество, которое соединяется с сильными сторонами Великобритании – в киберпространстве, науке и технологиях, которые определены основой для будущего развития экономической, технологической и военной мощи Лондона.

Заключение

Обобщая всё вышеизложенное, можно сказать, что коренное изменение в стратегическом мышлении США в отношении расширения возможностей своих союзников, перераспределения своих сил вокруг Азиатско-Тихоокеанского региона и улучшения интеграции своих союзников в собственные цепочки поставок и промышленное планирование качественно реконструирует подход Вашингтона в его военно-блоковой политике в АТР.

Созданная Соединёнными Штатами модель альянсов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как и прежде, определяет главный инструмент в политике утверждения гегемонии США. Но сложившаяся со второй половины XX века система союзов требовала серьёзных изменений и качественной модернизации, так как существующие издержки реализации данного подхода не обеспечивали стратегическую выгоду для США в полной мере и, более того, иллюстрировали низкую эффективность в формирующихся военно-политических условиях в регионе, не обеспечивая эквивалентного ответа на современные угрозы и вызовы со стороны новых региональных лидеров – КНР.

Интерес в создании нового стратегического партнёрства AUKUS мотивирован более практически ориентированным подходом США в обеспечении собственного влияния в АТР путём качественного снижения экономических издержек и перераспределения имеющихся военно-технологических ресурсов для увеличения «геополитической прибыли».

Повестка дня AUKUS, которая включает программу атомных подводных лодок, а также развитие ряда наукоёмких направлений сотрудничества в оборонной сфере участников альянса (искусственный интеллект, кибернетика, квантовые технологии и подводные технологии (помимо подводных лодок)), определяет решающее значение для трёх стран-участниц в концепции нового оборонного союза, который призван не только обеспечить военное присутствие США и Великобритании в регионе на несколько десятилетий вперед, но и качественно улучшить показатели геополитической выгоды стран, а также снизить экономические и военно-политические издержки в условиях конфронтационной стагнации между США и их союзниками и Китаем в АТР.

Список источников

1. Joint leaders statement on AUKUS // The White House. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/>
2. The AUKUS nuclear-powered submarine pathway // Australian Government. 2023. URL: <https://www.asa.gov.au/aukus>
3. Trends in world military expenditure // SIPRI Fact Sheet. April, 2022. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-04/fs_2204_milex_2021_0.pdf
4. Military strength ranking. 2023. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php>
5. Trends in international arms transfers // SIPRI Fact Sheet. March 2023. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-03/2303_at_fact_sheet_2022_v2.pdf
6. Obama B. Remarks by President Obama to the Australian Parliament. The White House Office of the Press Secretary, November 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament>
7. Remarks Hillary Rodham Clinton secretary of State East-West Center. U.S. Department of State, November 2011. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/11/176999.htm>
8. Iordan C. The Transatlantic relation in times of Multipolarity: European Security Implications // The Quarterly Jorنال. 2013. Vol. 13. № 1. P. 13–40. DOI: <https://doi.org/10.11610/Connections.13.1.02>
9. Пале С. Е. Закат «Тихоокеанской державы»: США стремительно теряют вес в Океании // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 36. С. 58–68. EDN: YSUWZB
10. Kaplan R. Asia's Cauldron: The South China sea and the end of a stable Pacific. New York: Random House Trade Paperbacks, 2015. 256 p.
11. Фролов А. В. Политика США в меняющемся мире // Международная жизнь. 2015. № 11. С. 5–26.
12. Автономов В. С. Австрийская школа и её представители // Австрийская школа в политической экономике: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992. 492 с.
13. Denmark A. M. U.S. strategy in the Asian century: Empowering allies and partners. New York: Columbia University Press, 2020. 336 p. DOI: <https://doi.org/10.7312/denm19764>
14. Мартынова Е. С. Альянсы QUAD и AUKUS и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы для России, Китая и АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 15 (3). С. 148–165. DOI: <https://doi.org/1031249/kgf/20220309>

15. Walt S. Alliance formation and the balance of world power // *International Security*. 1985. Vol. 9, no. 4. P. 3–43. DOI: <https://doi.org/10.2307/2538540>
16. Shambaugh D. Where great powers meet: America and China in Southeast Asia. New York: Oxford University Press, 2020. 352 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190914974.001.0001>
17. Ikenberry G. From hegemony to the balance of power: The rise of China and American grand strategy in East Asia // *International Journal of Korean Unification Studies*. 2014. Vol. 23, no. 2. P. 41–63.
18. Zhen Han, Paul T. V. China's rise and balance of power politics // *The Chinese Journal of International Politics*. 2020. Vol. 13, no. 1. P. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/poz018>
19. Reilly M., Chun-Yi L. A new beginning or more of the same? Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. 288 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-15-9841-8>
20. Лукин А. Л., Коротич С. А. Между Вашингтоном и Пекином: что ждет азиатско-тихоокеанские альянсы США? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61, № 4. С. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15>.
21. 张翔,王联合. 美国对其亚太同盟的"逆向搭便车". *国际展望*, 2023, 第19–43页. DOI: <https://doi.org/10.13851/j.cnki.gjzw.202302003>. Чжан Сян, Ван Ляньхэ. Соединенные Штаты «автостопом в обратном направлении» развивают свой Азиатско-Тихоокеанский альянс // *Международное обозрение*. 2023. № 15 (2). С. 19–43.
22. 吴昊,张景全. 霸权护持视角下美国"印太同盟体系"的建构动因与战略举措. *印度洋经济体研究*, 2022, 第84-100页. DOI: <https://doi.org/10.16717/j.cnki.53-1227/f.2022.06.005>. У Хао, Чжан Цзинцюань. Мотивы и стратегические меры по созданию американской «системы Индо-Тихоокеанского альянса» с точки зрения защиты гегемонии // *Исследование экономики Индийского океана*. 2022. № 6. С. 84–100.
23. Manicom J., O'Neil A. China's rise and middle power democracies: Canada and Australia Compared // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2012. Vol. 12, no.2. P. 199–228. DOI: <https://doi.org/10.1093/irap/lcs002>
24. The National Security Strategy of the United States of America 2017. Historical Office of the Secretary of Defense. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2017.pdf>
25. Le Billon, P., El Khatib, F. From free oil to “freedom oil”: terrorism, war and U.S. Geopolitics in the Persian Gulf // *Geopolitics*. 2004. Vol. 9, no.1. P. 109–137.
26. FACT SHEET: Trilateral Australia-UK-US partnership on nuclear-powered submarines // The White House. 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing->

room/statements-releases/2023/03/13/fact-sheet-trilateral-australia-uk-us-partnership-on-nuclear-powered-submarines/.

27. Annual report to Congress. Military and security developments involving the People's Republic of China // The Office of the Secretary of Defense (OSD). 2020. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF>

28. Remarks by President Biden, Prime Minister Albanese of Australia, and Prime Minister Sunak of the United Kingdom on the AUKUS partnership // The White House. 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/03/13/remarks-by-president-biden-prime-minister-albanese-of-australia-and-prime-minister-sunak-of-the-united-kingdom-on-the-aukus-partnership/>

29. Commonwealth of Australia, defence strategic update // Australian Government. Department of Defence, July 2020. URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2020-defence-strategic-update>

30. Wood S. The Chinese Communist Party and the COVID-19 Pandemic: face loss, status anxiety, resentment // Global Society. 2023. Vol. 37, no. 2. P. 245–265. DOI: <https://doi.org/10.1080/13600826.2022.2098701>

31. National defence: defence strategic review / Australian Government. 2023. URL: <https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review>

32. The US-Japan-India-Australia quadrilateral security dialogue. Finnish Institute of International Affairs (FIIA). May, 2018. URL: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2018/05/bp239_quad.pdf

33. America's Pacific Island allies: The freely associated states and Chinese influence // RAND Corporation. 2019. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2973.html

34. Doshi R. The long game: China's grand strategy to displace American order (Bridging the gap). New York: Oxford University Press, 2021. 432 p.

35. Australia insists WHO inquiry into Covid origin must be robust, despite China tensions // The Guardian. 2020. December 28. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/29/australia-insists-who-inquiry-into-covid-origin-must-be-robust-despite-china-tensions>

36. Becker S., Fetzer T., Novy D. Erratum to: Who voted for Brexit? A comprehensive district-level analysis // Economic Policy. 2018. Vol. 33, no. 93. P. 179–180. DOI: <https://doi.org/10.1093/epolic/eix017>

37. Fetzer T. Did austerity cause Brexit? // American Economic Review. 2019. Vol. 109, no. 11. P. 3849–3886. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.20181164>

38. Global Britain: delivering on our international ambition, Last updated. Foreign and Commonwealth Office and Foreign, Commonwealth and Development Office. September 2019. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/global-britain-delivering-on-our-international-ambition#full-publication-update-history>

39. Sampson T. Brexit: The economics of international disintegration // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31, no. 4. pp. 163–184. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.31.4.163>
40. Carter A., Swinney P. Brexit and the future of the UK's unbalanced economic geography // *The Political Quarterly*. 2019. Vol. 9. P. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12649>
41. The UK and the comprehensive and progressive agreement for Trans-Pacific partnership (CPTPP) // GOV.UK. 2023. March 31. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/the-uk-and-the-comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnershipcptpp#full-publication-update-history>
42. AUKUS, a golden opportunity for “Global Britain”? / Institut Montaigne. September 2021. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/aukus-golden-opportunity-global-britain>
43. AUKUS and the future of UK foreign policy. The British foreign policy group (BFPG). March 2023. URL: <https://bfpg.co.uk/2023/03/aukus-future-of-uk-foreign-policy/>
44. Baylis J. The 1958 Anglo-American mutual defence agreement: The search for nuclear interdependence // *The Journal of Strategic Studies*. 2008. Vol. 31, no. 3. P. 425–466. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402390802024726>
45. UK ramps up defense spending by \$6 billion ahead of key AUKUS submarine announcement // CNN. 2023. March 13. URL: <https://edition.cnn.com/2023/03/13/europe/uk-defense-spending-aukus-intl-hnk/index.html>

References

1. Joint leaders statement on AUKUS. *The White House*. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/>
2. The AUKUS nuclear-powered submarine pathway. *Australian Government*. 2023. URL: <https://www.asa.gov.au/aukus>
3. Trends in world military expenditure. *SIPRI Fact Sheet*. April, 2022. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-04/fs_2204_milex_2021_0.pdf
4. Military strength ranking. 2023. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php>
5. Trends in international arms transfers. *SIPRI Fact Sheet*. March 2023. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-03/2303_at_fact_sheet_2022_v2.pdf
6. Obama B. Remarks by President Obama to the Australian Parliament. The White House Office of the Press Secretary, November 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament>

7. Remarks Hillary Rodham Clinton Secretary of State East-West Center. U.S. Department of State, November 2011. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/11/176999.htm>
8. Iordan C. The Transatlantic relation in times of Multipolarity: European Security Implications. *The Quarterly Journal*, 2013, vol. 13, no. 1, pp. 13–40. DOI: <https://doi.org/10.11610/Connections.13.1.02>
9. Pale S. E. Zakat “Tihookeanskoy derzhavy”: SSHA stremitel'no teryayut ves v Okeanii. [The decline of the "Pacific power": the US quickly lose their weight in Oceania]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2017, no. 36, pp. 58–68.
10. Kaplan R. Asia's Cauldron: The South China sea and the end of a stable Pacific. New York: Random House Trade Paperbacks, 2015. 256 p.
11. Frolov A. V. Politika SSHA v menyayushchemsya mire [US policy in a changing world]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2015, no. 11, pp. 5–26.
12. Avtonomov V. S. Avstrijskaya shkola i eyo predstaviteli [The Austrian school and its representatives]. *Avstrijskaya shkola v politicheskoy ekonomii: K. Menger, E. Byom-Baverk, F. Vizer*. Moscow: Ekonomika Publ., 1992. 492 p.
13. Denmark A. M. U.S. strategy in the Asian century: Empowering allies and partners. New York: Columbia University Press, 2020. 336 p. DOI: <https://doi.org/10.7312/denm19764>
14. Martynova E. S. Al'yansy QUAD i AUKUS i balans sil v Aziatsko-Tihookeanskom regione: perspektivy dlya Rossii, Kitaya i ASEAN [QUAD and AUKUS and the balance of power in the Asia-Pacific Region: prospects for Russia, China and ASEAN]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 2022, no. 15(3), pp. 148–165. DOI: <https://doi.org/1031249/kg/20220309>
15. Walt S. Alliance formation and the balance of world power. *International Security*, 1985, vol. 9, no. 4, pp. 3–43. DOI: <https://doi.org/10.2307/2538540>
16. Shambaugh D. Where great powers meet: America and China in Southeast Asia. New York: Oxford University Press, 2020. 352 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190914974.001.0001>
17. Ikenberry G. From hegemony to the balance of power: The rise of China and American grand strategy in East Asia. *International Journal of Korean Unification Studies*, 2014, vol. 23, no. 2, pp. 41–63.
18. Zhen Han, Paul T. V. China's rise and balance of power politics. *The Chinese Journal of International Politics*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/poz018>
19. Reilly M., Chun-Yi L. A new beginning or more of the same? Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. 288 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-15-9841-8>
20. Lukin A. L., Korotich S. A. Mezhd u Vashingtonom i Pekinom: chto zhdet aziatsko-tihookeanskije al'yansy SSHA? [Between Washington and Beijing: What's next

for US Asia-Pacific alliances]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, no. 61 (4), pp. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15>

21. Zhang Xiang, Wang Lianhe. America's "Reverse Free Riding" to its Asia-Pacific Alliance. *International Outlook*, 2023, no. 15 (2), pp. 19–43. DOI: <https://doi.org/10.13851/j.cnki.gjzw.202302003> (In Chin.).

22. Wu Hao, Zhang Jingquan. The construction motives and strategic measures of the U.S. "Indo-Pacific Alliance System" from the perspective of hegemony protection. *Research on Indian Ocean Economies*, 2022, no. 6, pp. 84–100. DOI: <https://doi.org/10.16717/j.cnki.53-1227/f.2022.06.005> (In Chin.).

23. Manicom J., O'Neil A. China's rise and middle power democracies: Canada and Australia Compared. *International Relations of the Asia-Pacific*, 2012, vol. 12, no. 2, pp. 199–228. DOI: <https://doi.org/10.1093/irap/lcs002>

24. The National Security Strategy of the United States of America 2017. Historical Office of the Secretary of Defense. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2017.pdf?ver=CnFwURw09pJ0q5EogFpwg%3d%3d>

25. Le Billon P., El Khatib F. From free oil to "freedom oil": terrorism, war and U.S. Geopolitics in the Persian Gulf. *Geopolitics*, 2004, vol. 9, no. 1, pp. 109–137.

26. FACT SHEET: Trilateral Australia-UK-US partnership on nuclear-powered submarines. *The White House*. 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/state-ments-releases/2023/03/13/fact-sheet-trilateral-australia-uk-us-partnership-on-nuclear-powered-submarines/>

27. Annual report to Congress. Military and security developments involving the People's Republic of China. *The Office of the Secretary of Defense (OSD)*. 2020. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF>

28. Remarks by President Biden, Prime Minister Albanese of Australia, and Prime Minister Sunak of the United Kingdom on the AUKUS partnership. *The White House*. 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/03/13/remarks-by-president-biden-prime-minister-albanese-of-australia-and-prime-minister-sunak-of-the-united-kingdom-on-the-aukus-partnership/>

29. Commonwealth of Australia, defence strategic update. *Australian Government. Department of Defence*, July 2020. URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2020-defence-strategic-update>

30. Wood S. The Chinese Communist Party and the COVID-19 Pandemic: face loss, status anxiety, resentment. *Global Society*, 2023, vol. 37, no. 2, pp. 245–265. DOI: <https://doi.org/10.1080/13600826.2022.2098701>

31. National defence: defence strategic review. *Australian Government*. 2023. URL: <https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review>

32. The US-Japan-India-Australia quadrilateral security dialogue. *Finnish Institute of International Affairs (FIIA)*. May, 2018. URL: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2018/05/bp239_quad.pdf
33. America's Pacific Island allies: The freely associated states and Chinese influence. *RAND Corporation*. 2019. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2973.html
34. Doshi R. The long game: China's grand strategy to displace American order (Bridging the gap). New York: Oxford University Press, 2021. 432 p.
35. Australia insists WHO inquiry into Covid origin must be robust, despite China tensions. *The Guardian*. 2020. December 28. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/29/australia-insists-who-inquiry-into-covid-origin-must-be-robust-despite-china-tensions>
36. Becker S., Fetzer T., Novy D. Erratum to: Who voted for Brexit? A comprehensive district-level analysis. *Economic Policy*, 2018, vol. 33, no. 93, pp. 179–180. DOI: <https://doi.org/10.1093/epolic/eix017>
37. Fetzer T. Did austerity cause Brexit? *American Economic Review*, 2019, vol. 109, no. 11, pp. 3849–3886. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.20181164>
38. Global Britain: delivering on our international ambition, Last updated. Foreign and Commonwealth Office and Foreign, Commonwealth and Development Office. September 2019. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/global-britain-delivering-on-our-international-ambition#full-publication-update-history>
39. Sampson T. Brexit: The economics of international disintegration. *Journal of Economic Perspectives*, 2017, vol. 31, no. 4, pp. 163–184. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.31.4.163>
40. Carter A., Swinney P. Brexit and the future of the UK's unbalanced economic geography. *The Political Quarterly*, 2019, vol. 9, pp. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12649>
41. The UK and the comprehensive and progressive agreement for Trans-Pacific partnership (CPTPP). GOV.UK. 2023. March 31. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/the-uk-and-the-comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnershipcptpp#full-publication-update-history>
42. AUKUS, a golden opportunity for “Global Britain”? *Institut Montaigne*. September 2021. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/aukus-golden-opportunity-global-britain>
43. AUKUS and the future of UK foreign policy. *The British foreign policy group (BFPG)*. March 2023. URL: <https://bfpg.co.uk/2023/03/aukus-future-of-uk-foreign-policy/>
44. Baylis J. The 1958 Anglo-American mutual defence agreement: The search for nuclear interdependence. *The Journal of Strategic Studies*, 2008, vol. 31, no. 3, pp. 425–466. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402390802024726>

45. UK ramps up defense spending by \$6 billion ahead of key AUKUS submarine announcement. *CNN*. 2023. March 13. URL: <https://edition.cnn.com/2023/03/13/europe/uk-defense-spending-aucus-intl-hnk/index.html>

Информация об авторах / Information about the authors

Т.С. Чернева – соискатель учёной степени кандидата политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация),

✉ tatyana.cherneva6@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0007-6107-2074>

T.S. Cherneva – Candidate for the Degree of Candidate of Political Sciences, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 03.03.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 07.05.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 155–169.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 155–169.

ПРАВО / LAW

Научная статья

УДК 347.77

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/155-169>

Правовая охрана секретов производства (ноу-хау): современные тенденции судебной практики

Анна Петровна Рабец

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация;

✉ rabets.ap@dvfu.ru

Аннотация. В статье дан анализ современной судебной практики в области правовой охраны секретов производства (ноу-хау). Исследованы критерии охраноспособности указанного объекта интеллектуальной собственности, а также подходы к их установлению при рассмотрении соответствующих споров. Отмечено, что в отношении признака коммерческой ценности секретов производства в судебной практике превалирует вывод, что коммерческая ценность ноу-хау презюмируется, пока не доказано обратное. В статье сформулировано мнение об отсутствии в отношении секретов производства критерия новизны. Также сделана попытка решения проблемы охраноспособности секрета производства при наличии общеизвестности его отдельных частей. С учётом судебной практики автор пришёл к заключению, что общедоступность отдельных элементов состава секрета производства (ноу-хау) сама по себе не свидетельствует о неохраноспособности секрета производства в целом. В статье рассмотрен современный подход законодателя и судебных органов к такому критерию охраноспособности секрета производства, как необходимость принятия обладателем коммерчески ценных сведений разумных мер (юридических, технических, организационных и других) для соблюдения конфиденциальности информации. В исследовании проведён анализ судебных решений, касающихся необходимости назначения экспертизы для установления признаков ноу-хау. Автор пришёл к выводу об отсутствии в судебной практике единообразного подхода в решении этого вопроса. Кроме того, в статье исследуются дискуссионные вопросы, связанные с субъектами исключительного права на секрет производства, а также с интеллекту-

альными правами на указанный результат интеллектуальной деятельности. С учётом анализа судебной практики сделан вывод о наличии у правообладателя только исключительного права на ноу-хау при отсутствии права авторства и иных интеллектуальных прав (в частности, права на вознаграждение за создание служебного секрета производства).

Ключевые слова: секреты производства, ноу-хау, коммерческая ценность, конфиденциальность, новизна, режим коммерческой тайны, право авторства, иные интеллектуальные права, исключительное право, экспертиза, лицензионный договор

Для цитирования: Рабец А.П. Правовая охрана секретов производства (ноу-хау): современные тенденции судебной практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 155–169.

Original article

Legal protection of production secrets (know-how): modern trends in judicial practice

Anna P. Rabets

Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation

✉ rabets.ap@dvfu.ru

Abstract. The article provides an analysis of modern judicial practice in the field of legal protection of production secrets (know-how). The criteria for the protectability of the specified intellectual property object are investigated, as well as approaches to their establishment when considering relevant disputes. It is noted that with regard to the indication of the commercial value of production secrets, the prevailing conclusion in judicial practice is that the commercial value of know-how is presumed until the opposite is proven. The article expresses the opinion that there is no criterion of novelty in relation to production secrets. An attempt has also been made to solve the problem of the protectability of the production secret in the presence of the well-known nature of its individual parts. Taking into account judicial practice, the author has come to the conclusion that the general availability of individual elements of the secret of production (know-how) in itself does not indicate the secrecy of the secret of production as a whole. The article considers the modern approach of the legislator and judicial authorities to such a criterion of the security of a production secret as the need for the owner of commercially valuable information to take reasonable measures (legal, technical, organizational and others) to respect the confidentiality of information. The study analyzes court decisions regarding the need to appoint an expert examination to establish signs of know-how. The author came to the conclusion that there

is no uniform approach in judicial practice in dealing with this issue. In addition, the article explores controversial issues related to the subjects of the exclusive right to a trade secret, as well as intellectual property rights to the specified result of intellectual activity. Taking into account the analysis of judicial practice, it is concluded that the copyright holder has only the exclusive right to know-how in the absence of copyright and other intellectual property rights (in particular, the right to remuneration for the creation of an official production secret).

Keywords: production secrets (know-how), commercial value, confidentiality, novelty, commercial secret regime, copyright, other intellectual rights, exclusive right, expertise, licensing agreement

For citation: Rabets A.P. Legal protection of production secrets (know-how): modern trends in judicial practice. PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 155–169. (In Russ.).

В эпоху цифровизации и научно-технического развития в коммерческом обороте возрастает значение секретов производства (ноу-хау), признаваемых гражданским законодательством (статья 1225 Гражданского кодекса РФ [1]) объектами интеллектуальной собственности. В связи с достаточно фрагментарным правовым регулированием в главе 75 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) вопросов, связанных с критериями охраноспособности секретов производства, перечнем интеллектуальных прав на указанный объект, а также положений, касающихся субъектов и оснований возникновения исключительного права на ноу-хау, анализ современной судебной практики в сфере правовой охраны секретов производства представляется актуальным.

Согласно статье 1465 ГК РФ [1], секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путём введения режима коммерческой тайны.

Из понятия секрета производства можно вывести признаки (критерии охраноспособности) рассматриваемого объекта интеллектуальной собственности: 1) наличие действительной или потенциальной коммерческой ценности вследствие неизвестности сведений третьим лицам; 2) отсутствие у третьих лиц свободного доступа на законном основании к данной информации; 3) принятие обладателем сведений разумных мер для соблюдения конфиденциальности информации. При этом инфор-

мация, охраняемая в качестве ноу-хау, должна быть получена в результате интеллектуальной деятельности.

Одним из важнейших признаков секрета производства является его действительная или потенциальная коммерческая ценность в силу неизвестности информации третьим лицам. Данный критерий означает, что информация, не имеющая коммерческой ценности, не может получить правовую охрану в режиме секрета производства. В судебной практике последних лет достаточно много судебных споров по поводу отсутствия у передаваемых сведений указанного условия охраноспособности.

Например, индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с требованием к акционерному обществу о расторжении лицензионного договора, предоставляющего право использования ноу-хау, взыскании перечисленных по лицензионному договору платежей и возмещении убытков. При этом предприниматель полагал, что переданный ответчиком секрет производства не являлся таковым вследствие отсутствия признака коммерческой ценности.

Суд первой инстанции, исследовав материалы дела, пришёл к выводу о том, что ответчик выполнил свои обязательства по передаче секрета производства в полном объёме, истцом отсутствие коммерческой ценности секрета производства не доказано, в связи с чем в удовлетворении иска было отказано. Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о том, что предмет договора, способы использования секрета производства, условия о размере вознаграждения были согласованы в лицензионном договоре. Переданные сведения, входящие в предмет договора, в частности, включали в себя: дорожную карту клиента от знакомства с компанией до совершения сделки; механизм поиска сотрудников для работы в агентстве недвижимости; перечень информации о жилых комплексах; комплект маркетинговых материалов. Проанализировав условия договора, суд апелляционной инстанции сделал вывод о том, что коммерческая ценность переданных сведений состоит в обеспечении агентству недвижимости истца конкурентного преимущества на рынке, снижении расходов на оплату услуг экспертов по ведению бизнеса и проч.

Учитывая изложенное, при рассмотрении кассационной жалобы Суд по интеллектуальным правам пришёл к выводу, что нижестоящие судебные инстанции верно сделали вывод о том, что истец не предоставил доказательств, свидетельствующих об отсутствии коммерческой ценности в сведениях и документах, входящих в состав передаваемого секрета производства, и оставил кассационную жалобу предпринимателя без удовлетворения [2].

Схожий подход к установлению критерия «коммерческая ценность» можно найти и в ряде других судебных решений.

Так, в одном из дел истец, требуя признания лицензионного договора о предоставлении секрета производства (ноу-хау) незаключённым и взыскания неосновательного обогащения, не доказал отсутствия коммерческой ценности в сведениях и

документах, перечисленных в лицензионном договоре. Истец отмечал, что спорные объекты представлены на онлайн-платформе и находятся в открытом доступе. Ответчик же указал на то, что коммерческая ценность представленной истцу информации заключается в сборе и обобщении совокупности информации по организации и ведению предпринимательской деятельности в определённом направлении, обобщении методов ведения бизнеса, создании собственной бизнес-модели, что позволяет формализовать бизнес-процессы и сократить издержки производства. Весь объём информации, документов, наработок, ноу-хау, переданный ответчиком по акту приёма-передачи, представляет коммерческую ценность, являясь систематизированным комплектом документов, учитывающим наработанный ответчиком в этой деятельности опыт. Суд пришёл к выводу о том, что истцом не представлено надлежащих доказательств отсутствия в передаваемых сведениях и документах коммерческой ценности [3].

В свою очередь, в постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 3 ноября 2022 г. № 08АП-11493/2022 по делу № А70-4046/2022 суд указал на то, что довод апеллянта об отсутствии в переданном секрете производства коммерческой ценности не подтверждается материалами дела, доказательств несоответствия переданных ответчиком сведений и документов критериям, предъявляемым пунктом 1 статьи 1465 ГК РФ к секрету производства, не представлено [4].

Также и в постановлении Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 октября 2023 г. № 20АП-4737/2023 по делу № А54-5063/2021 истец указывал на недобросовестность действий ответчика, который, по его мнению, на момент подписания лицензионного договора не обладал какими-то эксклюзивными, специфическими сведениями, отличающимися определённым своеобразием, имеющим действительную или потенциальную коммерческую ценность. Суд отклонил указанные доводы истца, поскольку они основаны на ошибочной оценке фактических обстоятельств дела и неверном толковании норм действующего законодательства [5].

Таким образом, анализ судебной практики по указанному вопросу позволяет сделать вывод о том, что коммерческая ценность секрета производства презюмируется, пока не доказано обратное. Данный подход соответствует положению статьи 1465 ГК РФ [1], согласно которому коммерческая ценность ноу-хау может быть не только действительной, но и потенциальной, что означает отсутствие необходимости доказывать конкретную стоимость передаваемых сведений.

Как отмечалось, другим условием охраноспособности секрета производства признаётся отсутствие у третьих лиц свободного доступа на законном основании к данным сведениям. Если информация является общеизвестной, то это влечёт невозможность правовой охраны соответствующих сведений в качестве ноу-хау. Указанный аргумент приводят многие истцы в спорах о признании лицензионных договоров о предоставлении права использования ноу-хау незаключёнными и применении правовых последствий незаключённости договора.

Так, в одном из судебных споров истец указывал, что информация, содержащаяся на Яндекс-диске (секрет производства), не имеет коммерческой ценности, так как не охраняется специальным режимом и находится в открытом доступе в различных источниках [6].

В этой связи возникает вопрос: будет ли охраняться секрет производства в качестве такового, если его отдельные составляющие являются общеизвестными?

В судебной практике превалирует следующий подход к решению данной проблемы: общедоступность отдельных элементов состава секрета производства (ноу-хау), на которые ссылаются истцы, сами по себе не свидетельствуют о неохраноспособности секрета производства (ноу-хау) в целом, поскольку предполагается использование лицензиатом всех элементов непосредственно в совокупности [7; 8]. Аналогичный вывод можно найти и в других судебных решениях [6].

Следует отметить, что в некоторых случаях суды (Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 ноября 2023 г. № Ф03-5561/2023 по делу № А51-1540/2023, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25 февраля 2015 г. № 09АП-56340/2014 по делу № А40-28065/13), устанавливая факт наличия либо отсутствия признаков ноу-хау, ставят знак равенства между понятиями «новизна» и «необщеизвестность», имея в виду именно второе. При этом в первом случае информация представляла собой общепринятые и стандартизированные (общеизвестные) инструкции; во втором случае спорный материал представлял собой сведения описательного, компиляционного характера в форме реферата из разных источников, широко известных отраслевой общественности, содержал описание общеизвестных продуктов, услуг и технологий, применяемых большинством операторов связи на территории РФ и используемых в отрасли десятилетиями [9; 10].

Все вышеуказанные факты свидетельствуют именно об общеизвестности сведений. На секрет производства не распространяется требование новизны, поскольку, в соответствии с п. 2 ст. 1466 ГК РФ, лицо, ставшее добросовестно и независимо от других обладателей секрета производства обладателем сведений, составляющих содержание охраняемого секрета производства, приобретает самостоятельное исключительное право на этот секрет производства. Поэтому полагаем, что упоминание критерия новизны применительно к секретам производства является некорректным.

Наконец, критерием охраноспособности секрета производства является принятие обладателем коммерчески ценных сведений разумных мер (юридических, технических, организационных и других) для соблюдения конфиденциальности информации. Заметим, что указанный вопрос тесно связан с основанием возникновения исключительного права на секрет производства. В частности, исключительное право на рассматриваемый объект может возникнуть с момента установления режима коммерческой тайны в отношении соответствующей информации, то есть принятия пра-

вообладателем мер, направленных на охрану конфиденциальности сведений и закреплённых в статье 10 Федерального закона «О коммерческой тайне» [11].

Вместе с тем, согласно пункту 144 постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации», с 1 октября 2014 г. сохранение конфиденциальности сведений именно путём введения режима коммерческой тайны не является обязательным [12].

Так, в одном из дел ответчик утверждал, что в материалах дела не были представлены доказательства принятия истцом достаточных мер по обеспечению конфиденциальности сведений. Суд указал на то, что истец осуществлял свою деятельность уже после 1 октября 2014 года, в связи с чем введение режима коммерческой тайны в отношении сведений технического характера, имеющих имущественную ценность для истца, не являлось единственным способом обеспечения их конфиденциальности. Суд также отметил, что наличие в материалах дела технической документации истца на спорное изделие, а также отсутствие представленных ответчиком сведений, подтверждающих известность такой информации неопределённому кругу лиц, составляют совокупность доказательств, достаточную для вывода о принадлежности истцу исключительного права на ноу-хау [13].

Таким образом, введение режима коммерческой тайны в настоящее время является не обязанностью, а правом обладателя конфиденциальной информации. В судебной практике учитываются и иные меры, направленные на сохранение конфиденциальности сведений. Например, в постановлении Суда по интеллектуальным правам от 31 января 2025 г. № С01-2494/2024 по делу № А40-36357/2024 обеспечение конфиденциальности информации рядом мер (подписание соглашений о неразглашении с контрагентами и сотрудниками; введение обязательной процедуры аутентификации в системах, содержащих конфиденциальную информацию; организация контроля доступа к хранилищам информации; нанесение грифа «конфиденциально» на все материальные носители и внесение указанного грифа в содержание цифровых документов) было признано достаточным для вывода о возникновении права на ноу-хау [2].

Современный подход законодателя и судебных органов к вопросу, связанному с возникновением права на секрет производства, позволяет сделать предположение в отношении субъектов исключительного права на рассматриваемый объект интеллектуальной собственности. Федеральный закон «О коммерческой тайне» (статья 5, статья 10) [11] относит к указанным субъектам исключительно лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность (юридических лиц и граждан-предпринимателей), а ГК РФ данные положения чётко не регламентирует. Поэтому в правовой доктрине вопрос о субъектах права на секрет производства является дискуссионным.

Так, по мнению И.В. Яблоковой и С.Д. Волкова, «субъектами права на секрет производства могут быть только лица, осуществляющие предпринимательскую дея-

тельность, – предприниматели» [14, с. 148]. В свою очередь, другие учёные полагают, что субъектами права на ноу-хау могут быть любые физические или юридические лица [14, с. 11; 15, с. 208]. Представляется, что как раз исключение с 2014 года обязательного требования о введении режима коммерческой тайны для возникновения права на секреты производства позволяет приобретать данное право и физическим лицам, не являющимся предпринимателями, например самозанятым гражданам. В.О. Калятин считает, что формулировки ст. 1466 ГК РФ, регламентирующей исключительное право на секрет производства, «хотя и указывают на наличие коммерческой ценности у секрета производства, однако не требуют от обладателя соответствующих сведений ведения коммерческой деятельности» [17, с. 706]. С указанным подходом можно согласиться, ибо лица, не являющиеся предпринимателями, но при этом обладающие конфиденциальными коммерчески ценными сведениями, не должны находиться вне действия правового регулирования, установленного Главой 75 ГК РФ.

Проблемы, связанные с критериями охраноспособности секретов производства, имеют ещё один аспект. Вопрос о проведении экспертизы для установления признаков ноу-хау в судебной практике решается неоднозначно. Достаточно часто суды не усматривают оснований для назначения судебной экспертизы с целью выявления секрета производства [18]. К примеру, в одном из дел истец ходатайствовал о проведении судебной экспертизы, и направил в суд перечень вопросов, которые должны быть поставлены на разрешение эксперта:

1. Являются ли информация и материалы, которые были переданы ответчиком в качестве секрета производства (ноу-хау), действительно конфиденциальными и неизвестными неопределённому кругу лиц?
2. Являются ли информация и материалы, которые были переданы ответчиком в качестве секрета производства (ноу-хау), новыми и уникальными?
3. Имеют ли информация и материалы, которые были переданы ответчиком в качестве секрета производства (ноу-хау), действительную или потенциальную коммерческую ценность?

Суд отклонил ходатайство истца о проведении судебной экспертизы, указав, что вопрос о том, является ли ноу-хау таковым, разрешается с позиции права и не может быть поставлен на разрешение экспертов; критерии новизны и уникальности вовсе не предусмотрены законом для ноу-хау. Материалы дела позволяют установить фактические обстоятельства дела, порядок передачи ноу-хау, его правовую оценку, в связи с чем ходатайство о назначении экспертизы подлежит отклонению ввиду отсутствия оснований, предусмотренных ст. 82 АПК РФ [19].

Однако иногда суды всё же опираются на результаты судебной экспертизы при разрешении вопроса о том, является ли информация секретом производства. Так, в определении Верховного суда РФ от 28 августа 2020 г. № 307-ЭС20-12904 по делу

№ А13-3240/2018 [20] отмечено следующее: суды, исследовав фактические обстоятельства дела, с учётом результатов судебной экспертизы установили, что информация не является секретом производства, так как представляет собой общеизвестное описание процесса забивки свай.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в судебной практике отсутствует однозначный подход в решении вопроса о необходимости проведения экспертизы для определения критериев охраноспособности секретов производства.

Характеризуя систему интеллектуальных прав на секрет производства, можно отметить, что многие авторы выделяют личные неимущественные права на рассматриваемый объект интеллектуальной собственности, в частности право авторства [21, с. 8]. Например, Р.Б. Ситдиков считает, что «автором будет признаваться по общему правилу физическое лицо, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности, то есть ноу-хау» [16, с. 208]. Поддержку указанной точки зрения можно найти в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации» (пункт 3), где отмечено, что споры об авторстве секретов производства (ноу-хау) подсудны Суду по интеллектуальным правам в качестве суда первой инстанции [12].

В этой связи нельзя не отметить тот факт, что в судебной практике встречаются случаи, когда истцы ссылаются на использование ответчиком в коммерческих целях авторской секретной технологии, принадлежащей им [22], а также предъявляют требования о взыскании компенсации за нарушение авторских прав на конфиденциальные сведения (бизнес-план) [23].

Интересна и позиция некоторых судебных органов по вопросу авторства на секреты производства. Так, рассматривая спорную ситуацию, связанную с исполнением государственных контрактов на выполнение опытно-конструкторских работ, заключённых с Минпромторгом России, суды первой и апелляционной инстанции сделали вывод о том, что из содержания контрактов, безусловно, вытекает обязанность общества выплатить авторское вознаграждение работникам, принимающим участие в создании секрета производства (ноу-хау) [24].

Вместе с тем ряд учёных придерживаются противоположного подхода в отношении авторства на секрет производства. И.В. Яблокова и С.Д. Волков, анализируя точки зрения правоведов по данному дискуссионному вопросу, делают вывод, что «мнение об отсутствии права авторства на ноу-хау представляется наиболее разумным, поскольку в качестве секрета производства также выступают накопленные годами знания, опыт и навыки, результаты мыслительной деятельности нескольких поколений...» [14, с. 150].

Указанный подход в настоящее время превалирует в судебной практике. К примеру, отменяя решения судов нижестоящих инстанций, Суд по интеллектуальным

правам отметил, что действующее законодательство не предусматривает права авторства на секрет производства (ноу-хау). Поэтому на сторону государственного контракта не может быть возложена обязанность выплаты авторского вознаграждения лицам, которые в силу закона не могут быть признаны авторами [25].

При рассмотрении другого дела суд отметил, что бизнес-план не является произведением науки, литературы и искусства, тем самым не признав право авторства истцов на спорную информацию [26].

Действительно, анализ Главы 75 ГК РФ [1] позволяет сделать вывод об отсутствии личных неимущественных прав на секрет производства. «Это связано с тем, что личные неимущественные права по своей природе направлены на признание обществом связи между автором и созданным им результатом интеллектуальной деятельности, однако если сам объект сохраняется в тайне, то и в сознании общества такая связь его с автором отсутствует...» [17, с. 706].

Следует отметить, что в системе интеллектуальных прав на рассматриваемый объект отсутствуют и иные интеллектуальные права, в частности право на вознаграждение за служебный секрет производства. В отличие от ситуаций, связанных с созданием разработок, имеющих авторов, и, соответственно, не исключающих наличие иного интеллектуального права на вознаграждение за служебные произведения, изобретения и иные результаты интеллектуальной деятельности (например, ст. 1295 ГК РФ, ст. 1370 ГК РФ), исключительное право на секрет производства, созданный работником в связи с выполнением своих трудовых обязанностей, принадлежит работодателю (ст. 1470 ГК РФ) [1]. Таким образом, система интеллектуальных прав на секреты производства сводится к наличию у правообладателя только лишь исключительного права.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что по большинству дискуссионных либо фрагментарно урегулированных вопросов в сфере правовой охраны секретов производства в судебной практике, как правило, существуют единообразные подходы. Это способствует эффективности реализации способов защиты исключительного права на ноу-хау и повышению роли охранительной функции гражданского права в рассматриваемой области.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/
2. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31.01.2025 № C01-2494/2024 по делу № А40-36357/2024 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=140127>

3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.11.2024 № C01-1884/2024 по делу № A65-31236/2023 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/410979482/>
4. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 03.11.2022 № 08АП-11493/2022 по делу № A70-4046/2022 // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS008&n=153111>
5. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.10.2023 № 20АП-4737/2023 по делу № A54-5063/2021 // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS020&n=101049>
6. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 09.02.2024 по делу № A65-33113/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kFP63tVKA1Va>
7. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 18.07.2023 по делу № A65-3610/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/R0wmedNGrAVr>
8. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.09.2023 № 11АП-14121/2023 по делу № A65-3610/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS011&n=226774>
9. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.11.2023 № Ф03-5561/2023 по делу № A51-1540/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=133004>.
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.02.2015 № 09АП-56340/2014 по делу № A40-28065/13 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=808112>
11. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О коммерческой тайне» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699
12. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470
13. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 09.07.2020 № C01-645/2020 по делу № A71-23503/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=64262>
14. Яблокова И. В., Волков С. Д. Секрет производства (ноу-хау) как охраняемый результат интеллектуальной деятельности предпринимателей // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2016. № 1. С. 144–154. DOI: <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2016-9-1-144-154>
15. Амелина К. Е. Ноу-хау и патентная форма охраны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.

16. Право интеллектуальной собственности Российской Федерации: учебник / под общ. ред. Р. И. Ситдиковой. М.: Проспект, 2024. 296 с.
17. Калятин В. О. Комментарий к части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. А. Павлова. М.: ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. 928 с.
18. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.12.2023 № Ф01-7749/2023 по делу № А82-14097/2022 // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=120053>
19. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 05.08.2024 по делу № А65-4138/2024. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/eyji6aEknWUv>
20. Определение Верховного суда РФ от 28.08.2020 № 307-ЭС20-12904 по делу № А13-3240/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=637538>
21. Потрашкова О. А. Правовой режим секретов производства (ноу-хау): информационно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с.
22. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 07.03.2023 № С01-98/2023 по делу № А44-1956/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=107450>
23. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.12.2024 № С01-2225/2024 по делу № А56-50497/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=138325>
24. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.07.2019 № 09АП-24080/2019 по делу № А40-274664/2018. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/wl971TSjKxZr>
25. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.01.2020 № С01-1146/2019 по делу № А40-274664/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=57752>
26. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.08.2024 № 13АП-10525/2024 по делу № А56-50497/2023 // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=452296>

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part Four): Federal Law No. 230-FZ of 12/18/2006 (as amended on 07/22/2024)]. LAS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (In Russ.).
2. Resolution of the Intellectual Property Rights Court dated 01/31/2025 No. C01-2494/2024 in case No. A40-36357/2024. LAS "ConsultantPlus". URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=140127> (In Russ.).

3. Resolution of the Intellectual Property Rights Court dated 11/15/2024 No. C01-1884/2024 in the case No. A65-31236/2023. *LAS "Garant"*. URL: <https://base.garant.ru/410979482/> (In Russ.).

4. Resolution of the Eighth Commercial Court of Appeal dated 03.11.2022 No. 08AP-11493/2022 in case No. A70-4046/2022. *LAS "ConsultantPlus"*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS008&n=153111> (In Russ.).

5. Resolution of the Twentieth Arbitration Court of Appeal dated 10/30/2023 No. 20AP-4737/2023 in case No. A54-5063/2021. *LAS "ConsultantPlus"*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS020&n=101049> (In Russ.).

6. The decision of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated 02/09/2024 in the case No. A65-33113/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kFP63tVKA1Va> (In Russ.).

7. The decision of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated 07/18/2023 in the case No. A65-3610/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/R0wmedNGrAVr/> (In Russ.).

8. Decision of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated 28.09.2023 No. 11AP-14121/2023 in case No. A65-3610/2023. *LAS "ConsultantPlus"*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS011&n=226774> (In Russ.).

9. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated 11/28/2023 No. F03-5561/2023 in the case No. A51-1540/2023. *LAS "ConsultantPlus"*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=133004> (In Russ.).

10. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 02/25/2015 No. 09AP-56340/2014 in case No. A40-28065/13. Available at *LAS "ConsultantPlus"*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=808112> (In Russ.).

11. Federal Law No. 98-FZ dated 07/29/2004 (as amended on 08/08/2024) "On Commercial Secrets". *LAS "ConsultantPlus"*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699 (In Russ.).

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/23/2019 No. 10 "On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation". *LAS "ConsultantPlus"*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470 (In Russ.).

13. Resolution of the Intellectual Property Rights Court dated 07/09/2020 No. C01-645/2020 in case No. A71-23503/2018. *LAS "ConsultantPlus"*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=64262> (In Russ.).

14. Yablokova I. V., Volkov S. D. Sekret proizvodstva (nou-hau) kak ohranyaemyj rezul'tat intellektual'noj deyatel'nosti predprinimatelej. [The know-how production as a result

of intellectual activity of entrepreneurs]. *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya «Ekonomika i ekologicheskij menedzhment»*, 2016, no. 1, pp. 144–154. DOI: <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2016-9-1-144-154>

15. Amelina K. E. Nou-hau i patentnaya forma ohrany [Amelina K.E. Know-how and patent protection]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2007. 24 p.

16. Sitdikovoj R. I. (ed.). Pravo intellektual'noj sobstvennosti Rossijskoj federacii: uchebnik [Intellectual property law of the Russian Federation: textbook]. Moscow: Prospekt Publ., 2024. 296 p.

17. Kalyatin V. O. Kommentarij k chasti chetvyortoju Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Commentary to part four of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: S.S. Alekseev Institute of Emergency Situations under the President of the Russian Federation Publ. House, 2018. 928 p.

18. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated December 26, 2023 No. F01-7749/2023 in the case No. A82-14097/2022]. *LAS "ConsultantPlus"*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=120053> (In Russ.).

19. The decision of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated 08/05/2024 in the case No. A65-4138/2024. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/eyji6aEknWUv/> (In Russ.).

20. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/28/2020 No. 307-ES20-12904 in case No. A13-3240/2018. *LAS "ConsultantPlus"*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=637538> (In Russ.).

21. Potrashkova O. A. Pravovoj rezhim sekretov proizvodstva (nou-hau): informacionno-pravovye aspekty [Legal regime of production secrets (know-how): information and legal aspects]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2009. 23 p.

22. Resolution of the Intellectual Property Rights Court dated 03/07/2023 No. C01-98/2023 in case No. A44-1956/2022. *LAS "ConsultantPlus"*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=107450> (In Russ.).

23. Resolution of the Intellectual Property Rights Court dated 12/16/2024 No. C01-2225/2024 in case No. A56-50497/2023. *LAS "ConsultantPlus"*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=138325> (In Russ.).

24. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 17.07.2019 No. 09AP-24080/2019 in case No. A40-274664/2018. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/wl971TSjxxZr/?ysclid=marpqxjq6g184109469> (In Russ.).

25. Resolution of the Intellectual Property Rights Court dated January 24, 2020 No. C01-1146/2019 in case No. A40-274664/2018. *LAS "ConsultantPlus"*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=57752> (In Russ.).

26. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated 08/03/2024 No. 13AP-10525/2024 in case No. A56-50497/2023. *LAS "ConsultantPlus"*. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=452296> (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

А.П. Рабец – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация),

✉ rabets.ap@dvfu.ru

A.P. Rabets – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Civil Law and Process of Law School, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 12.03.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 19.05.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 170–184.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 170–184.

Научная статья

УДК 343.36

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/170-184>

**Неуважение к суду (ст. 297 УК РФ):
проблемные вопросы объекта и объективной стороны**

Евгений Александрович Мельников

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Москва, Российская Федерация

✉ evgmelnikov.1985@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу объекта и объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ. В статье обосновано, почему данное общественно опасное деяние посягает, прежде всего, на общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия. Подчёркнуто, что правильное определение объекта посягательства имеет важное значение для правоприменительной практики, что зачастую упускается рядом специалистов, стремящихся данный объект максимально конкретизировать. В статье рассмотрены вопросы соотношения понятий «неуважение к суду» и «оскорбление». Рассмотрены проблемные вопросы привлечения к уголовной ответственности за оскорбление потерпевших, круг которых определён в ст. 297 УК РФ.

Ключевые слова: оскорбление, неуважение к суду, неприличная форма, потерпевший, участник судебного разбирательства, состав преступления, преступление, преступления против правосудия, объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона

Для цитирования: Мельников Е.А. Неуважение к суду (ст. 297 УК РФ): проблемные вопросы объекта и объективной стороны // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 170–184.

Original article

Contempt of court (Article 297 of the Criminal Code of the Russian Federation): problematic issues of the object and the objective side

Evgeniy A. Melnikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ evgmelnikov.1985@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the object and the objective side of the crime under Article 297 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article substantiates why this socially dangerous act encroaches, first of all, on public relations that characterize the authority of justice. It is emphasized that the correct definition of the object of encroachment is important for law enforcement practice, which is often overlooked by a number of specialists who seek to specify this object as much as possible. The article discusses the relationship between the concepts of "contempt of court" and "insult". The problematic issues of criminal prosecution for insulting victims, the range of which is defined in Article 297 of the Criminal Code of the Russian Federation, are considered.

Keywords: insult, contempt of court, indecent form, victim, participant in the trial, corpus delicti, crime, crimes against justice, object, objective side, subject, subjective side

For citation: Melnikov E.A. Contempt of court (Article 297 of the Criminal Code of the Russian Federation): problematic issues of the object and the objective side. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 170–184. (In Russ.).

Подавляющее большинство специалистов полагает, что неуважение к суду относится к двухобъектным преступлениям. При этом в качестве основного непосредственного объекта преступления наиболее часто называются общественные отношения, регулирующие нормальную деятельность суда по осуществлению правосудия [1, с. 350; 2, с. 44], авторитет суда [3, с. 209; 4, с. 134], а дополнительного непосредственного объекта – общественные отношения, обеспечивающие честь и достоинство лиц, в отношении которых было совершено преступное посягательство [4, с. 134; 5, с. 204].

Однако некоторые специалисты склонны рассматривать в качестве основного непосредственного объекта преступления общественные отношения, «обеспечивающие честь и достоинство лиц, в отношении которых было совершено преступное посягательство» [6, с. 27], или общественные отношения, «обеспечивающие реализацию конституционного принципа неприкосновенности судей в части их чести и достоинства как основополагающего начала деятельности по отправлению правосудия»

[7, с. 99–100; 8, с. 150–151]. В данных случаях общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия в качестве самостоятельного объекта, пусть даже и дополнительного, не выделяются, т.е. объект посягательства является недифференцированным.

Очевидно, такой подход является концептуально не в полной мере обоснованным и может приводить к неоднозначной правоприменительной практике.

Неправильное определение основного непосредственного объекта может привести на практике к необоснованному прекращению уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Действительно, как быть в случае, если потерпевший примирился с лицом, в отношении которого было совершено преступление, предусмотренное ст. 297 УК РФ? В случае если основной непосредственный объект преступления – общественные отношения, характеризующие авторитет суда, то ответ должен быть отрицательным. Однако ситуация меняется, если в качестве основного непосредственного объекта преступления рассматривать общественные отношения, характеризующие честь и достоинство лиц, в отношении которых было совершено преступное посягательство.

Представляется правильным, что при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным УК РФ, примирение с потерпевшим должно учитываться лишь в совокупности с иными действиями обвиняемого, направленными на возмещение ущерба и заглаживание причинённого преступлением вреда¹.

Стоит согласиться с мнением, что авторитет судебной власти имеет самостоятельное, а не подчинённое значение по отношению к независимости судебной власти [4, с. 134]. Поэтому общественные отношения, характеризующие авторитет судебной власти, должны рассматриваться в качестве основного непосредственного объекта посягательства. Честь и достоинство указанных в ст. 297 УК РФ лиц необходимо рассматривать лишь в качестве дополнительного объекта преступления, поскольку посягательство связано с определённым психическим воздействием на этих субъектов.

Рассмотрим круг потерпевших от данного преступления. В качестве потерпевших от посягательства, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК РФ, законодатель называет участников судебного разбирательства.

Перечень таких участников зависит от вида судопроизводства, в связи с чем его следует устанавливать в соответствии с нормами УПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, АПК РФ, КоАП РФ.

¹ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утв. Президиумом Верховного суда РФ 10 июля 2019 г. Доступно из: СПС «КонсультантПлюс».

В УПК РФ понятие «судебное разбирательство» определено в п. 51 ст. 5: «судебное заседание судов первой, второй, кассационной и надзорной инстанции».

В доктрине в узком смысле судебное разбирательство также понимается как конкретная стадия уголовного судопроизводства, представляющая собой рассмотрение уголовного дела по существу в суде первой инстанции (гл. 35–39 УПК РФ) [9, с. 194]. Однако такое узкое понимание этого термина, как представляется, перешло из советской доктрины и законодательства, когда под судебным разбирательством понималась центральная стадия процесса, в которой уголовное дело разрешалось по существу (см., например, ст. 408 УПК РСФСР 1960 г.). Процессуальная деятельность в других судебных стадиях этим понятием не охватывалась. В настоящее время УПК РФ не даёт оснований для такого узкого понимания рассматриваемого термина.

Таким образом, видно, что термин «судебное разбирательство» уже термина «уголовное судопроизводство»¹, которым охватываются все стадии процесса. В связи с этим круг участников уголовного судопроизводства (разд. II УПК РФ) и судебного разбирательства не совпадают.

Также термин «судебное разбирательство» уже термина «судебное заседание». В связи с этим в качестве потерпевших от преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК РФ, *de lege lata* не могут выступать, например, лица, принимающие участие в заседании суда при разрешении вопроса об избрании меры пресечения в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ. УПК РФ предусматривает участие суда в досудебных стадиях уголовного судопроизводства и в других случаях: ст. 105.1 «Запрет определённых действий», ст. 106 «Залог», ст. 118 «Порядок наложения денежного взыскания и обращения залога в доход государства», ст. 125 «Судебный порядок рассмотрения жалоб», ст. 165 «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия». Кроме того, в УПК РФ предусмотрены производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, — кто занимается решением вопросов, возникающих при исполнении приговора (ст. 396–401 УПК РФ).

Во всех перечисленных случаях действие ч. 1 ст. 297 УК РФ не распространяется на соответствующих участников судебных заседаний.

Необходимо учитывать, что решения суда, принятые при осуществлении судебного контроля в ходе досудебного производства, решения, принятые им по итогам рассмотрения дела по существу, или решения, принятые им по итогам апелляционного, кассационного и других производств по проверке правильности вынесенных судебных решений, а также производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, являются актами правосудия. Поэтому ограни-

¹ Иногда встречается мнение о тождестве данных терминов, что, на наш взгляд, противоречит законодательству и доктрине. См., например: [10, с. 28–29].

чение в ч. 1 ст. 297 УК РФ круга потерпевших судебным разбирательством представляется не вполне логичным.

Можно при этом согласиться с мнением, что ч. 1 ст. 297 УК РФ допускает возможность привлечения к уголовной ответственности за неуважение к суду лиц, участвующих в предварительных слушаниях при подготовке дела к судебному разбирательству (гл. 33, 34, 42 УПК РФ).

Возможно, с учётом концепции полноты судебной власти¹ и отмеченных недостатков ч. 1 ст. 297 УК РФ было бы целесообразным ввести квалифицированный состав преступления, в котором предусмотреть ответственность за оскорбление лиц, способствующих осуществлению правосудия по долгу службы (*ex officio*), – следователя, дознавателя, прокурора и т.д., либо в силу профессиональных обязанностей (защитника) в связи с их участием в производстве по делу или материалам. Данный подход, на наш взгляд, является более предпочтительным. Очевидно, что в ст. 297 УК РФ должна идти речь о неуважении к правосудию в целом, а не только к суду. Следователь (дознаватель), прокурор и иные лица, осуществляющие процессуальную деятельность в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, выполняют свои функции в целях решения задач и достижения целей правосудия. В этой логике их оскорбление должно рассматриваться так же, как посягательство на авторитет правосудия. При этом данное деяние, на наш взгляд, является более общественно опасным, нежели оскорбление, например, свидетеля в ходе судебного разбирательства.

Существуют предложения расширить действие ч. 1 ст. 297 УК РФ за счёт следующей редакции: «оскорбление участника судебного заседания – наказывается...» [3, с. 221]. Данная новелла позволит не ограничивать круг потерпевших исключительно участниками судебного разбирательства. Однако если опираться на концепцию полноты судебной власти, то оскорбление следователя в ходе судебного заседания, в котором он участвует в силу должностных обязанностей, принципиально не отличается от ситуации, когда оскорбление ему наносится в связи с производством по делу или материалам. В обоих случаях осуществляется посягательство на авторитет правосудия, и неважно, что во втором случае оскорбление происходит без участия суда. Поэтому *de lege ferenda* разграничение между ст. 297 и 319 УК РФ должно учитывать наличие процессуальной составляющей в деятельности представителя власти (ст. 297 УК РФ) либо её отсутствие (ст. 319 УК РФ).

Ввиду того, что в УПК РФ понятие участника судебного разбирательства не закреплено, в науке и правоприменительной практике² также возникают вопросы о

¹Подробнее см.: Романов С.В. Обеспечение полноты судебной власти в уголовном судопроизводстве [11, с. 184–189].

²См.: Определение Верховного суда РФ от 3 февраля 2011 г. № 82-010-65. Доступно из: СПС «КонсультантПлюс».

круге потенциальных потерпевших от преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК РФ.

Например, А.И. Чучаев считает, что им может быть любое лицо (прокурор, подсудимый, защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, эксперт, переводчик, свидетель, специалист, секретарь судебного заседания), участвующее в судебном разбирательстве, за исключением названных в ч. 2 ст. 297 УК РФ [12, с. 396]. Однако именно с определением круга этих лиц зачастую и возникают вопросы. Например, является ли помощник судьи участником судебного разбирательства? Применительно к центральной стадии процесса перечень участников судебного разбирательства частично определён в ст. 266 УПК РФ «Объявление состава суда, других участников судебного разбирательства и разъяснение им права отвода». В соответствии с положениями УПК РФ к процессуальным потерпевшим от преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК РФ, при рассмотрении дела в суде первой инстанции должны быть отнесены: обвинитель, защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители, а также секретарь судебного заседания, эксперт, специалист и переводчик, помощник судьи. Аналогично перечень участников судебного разбирательства определён в УПК РФ для апелляционного (ч. 2 ст. 389.13), кассационного (ч. 2 ст. 401.13, ч. 1, 2 ст. 401.2) и надзорного производства (ч. 1 ст. 412.1, ч. 1, 2 ст. 412.2, ч. 3 ст. 412.10). Однако эти перечни не носят исчерпывающий характер. Так, в зависимости от вида судебного производства к участникам судебного разбирательства должны быть отнесены: прокурор, частный обвинитель (п. 2 ч. 4 ст. 321 УПК РФ), его представитель (ч. 5 ст. 321 УПК РФ), подсудимый (осуждённый, оправданный), защитник, законный представитель несовершеннолетнего подсудимого (осуждённого, оправданного) (ст. 428 УПК РФ), потерпевший, представитель потерпевшего, законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) (ч. 4 ст. 280 УПК РФ), гражданский истец, гражданский ответчик, а также их представители, свидетель, специалист, эксперт, секретарь судебного заседания, помощник судьи, судебный пристав, обеспечивающий порядок судебного заседания, переводчик, педагог или психолог (ч. 1 ст. 280, ч. 3–6 ст. 425 УПК РФ), законный представитель лица, в отношении которого ведётся производство о применении принудительной меры медицинского характера (ст. 437 УПК РФ), кандидат в присяжные заседатели (ст. 328 УПК РФ).

В отличие от УПК РФ в других кодексах, содержащих нормы процессуального законодательства, перечень лиц, участвующих в судебном разбирательстве, определён в отдельных главах (гл. 4 ГПК РФ; гл. 5 АПК РФ; гл. 4 КАС РФ; гл. 25 КоАП РФ). В данных законодательных актах для обозначения перечня лиц, участвующих в судебном разбирательстве, используется различная терминология – участники процесса (ГПК РФ, АПК РФ), участники производства (КоАП РФ), участники судебного

процесса (КАС РФ) – однако это не создаёт на практике каких-либо сложностей, связанных с квалификацией деяния по ст. 297 УК РФ.

В доктрине высказывается мнение, что, за исключением потерпевших, указанных в ч. 2 ст. 297 УПК РФ, оскорбление других участников судебного разбирательства «лишь с большой натяжкой можно рассматривать как неуважение к суду» [13, с. 195–196]. Мы не согласны с данной точкой зрения. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 297 УК РФ, также посягает на общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия. В данном случае неуважение к суду проявляется в нарушении его регламента и в конечном итоге в нарушении порядка отправления правосудия. В этом плане нам представляется, что преступление, указанное в ч. 1 ст. 297 УК РФ, посягает на общественные отношения, характеризующие авторитет процедуры отправления правосудия, т.е. динамику процесса.

Потерпевшими по ч. 2 ст. 297 УК РФ являются судьи, присяжные заседатели или иные лица, участвующие в отправлении правосудия. Соответственно, в качестве потерпевших от данного преступления могут выступать судьи любого звена и любой ветви судебной системы, присяжные и арбитражные заседатели.

В отличие от ст. 294–296, 319, 336 УК РФ законодатель не указывает на обязательную связь потерпевших с определённым видом деятельности, хотя она и презюмируется. Концептуально можно согласиться с мнением, что «оскорбление по ч. 1 ст. 297 УК РФ совершается в ходе судебного заседания, то есть при выполнении потерпевшими определённых процессуальных функций, тогда как оскорбление по ч. 2 ст. 297 УК – в связи с рассмотрением дел и материалов в суде» [3, с. 215].

В отношении ч. 1 ст. 297 УК РФ эта позиция также подтверждена в одном из решений Верховного суда РФ¹. При этом существуют примеры, когда гражданин привлекался к ответственности по ч. 1 ст. 297 УК РФ за то, что «во время перерыва в судебном заседании в коридоре здания районного суда грубо и неприлично он оскорбил участника судебного разбирательства, продемонстрировав в его адрес оскорбительные жесты, имитирующие половой акт» [Цит. по: 14, с. 255]. Основным критерием в подобных случаях должно являться нарушение регламента суда и порядка отправления правосудия. Если таких нарушений нет, то состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК РФ, отсутствует.

Применительно к ч. 2 ст. 297 УК РФ ситуация иная. Верховный суд РФ в одном из своих актов указал, что уголовная ответственность по ч. 2 ст. 297 УК РФ наступает вне зависимости от времени, а также места совершения преступления, если мотив преступного посягательства связан с деятельностью судьи, присяжного заседателя

¹ Определение Верховного суда РФ от 27 февраля 2013 г. по делу № 9-013-2. Доступно из: СПС «КонсультантПлюс».

или непосредственно судебным разбирательством¹. Поэтому мы не можем согласиться с мнением отдельных учёных, что оскорбление судьи, например, в виде оскорбительного комментария на сайте, даже если мотив преступного посягательства связан с деятельностью судьи, следует квалифицировать по ст. 319, а не по ч. 2 ст. 297 УК РФ [15, с. 76].

В соответствии со ст. 297 УК РФ уголовная ответственность наступает за неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства либо судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия. Ранее состав преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ, рассматривался как специальный по отношению к общему составу преступления, закреплённому в ст. 130 УК РФ «Оскорбление». В ч. 1 ст. 130 УК РФ было дано определение оскорбления – «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» преступление, предусмотренное ст. 130 УК РФ, было декриминализовано. В настоящее время понятие «оскорбление» не раскрыто в ст. 297, 319, 336 УК РФ либо в иных статьях Особенной части УК РФ.

В первоначальной версии ст. 5.61 КоАП РФ, введённой тем же Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, оскорбление понималось аналогично, как и в исключённой из законодательства ч. 1 ст. 130 УК РФ. Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 513-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» оскорблением было признано также такое унижение чести и достоинства другого лица, которое выразилось в *иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме*.

Указанные изменения, по всей видимости, были направлены на разрешение давней дискуссии о возможности нанесения оскорбления в форме, отличной от неприличной [16], а также о содержании самого понятия «неприличная форма» [17, с. 12; 18, с. 35; 19], его оценочном и субъективном характере [20, с. 44] – аналогично понятиям чести и достоинства.

Однако внесённые изменения в должной мере понятие «оскорбление» не конкретизировали. Стоит согласиться с мнением, что «соответствие высказывания нормам морали и нравственности практически нельзя оценить с точки зрения лингвистических методов и приёмов, такая оценка выходит за пределы компетенции эксперта» [21, с. 681]. Это, в свою очередь, будет создавать сложности и приведёт к неоднородной правоприменительной практике. С другой стороны, указанные изменения однозначно указывают на то, что оскорбление не сводится формально к нали-

¹ Кассационное определение Верховного суда РФ от 27 февраля 2013 г. по делу № 9-О13-2. Доступно из: СПС «КонсультантПлюс».

чию или отсутствию нецензурных высказываний, изображений и жестов, бранных выражений и т.д., т.е. элементов, прямо указывающих на неприличную форму. При отнесении деяния к оскорблению теперь важно также учитывать обстоятельства, контекст, обстановку, при которых оно было совершено.

В связи с этим под неуважением к суду в форме оскорбления следует понимать унижение чести и достоинства *участников судебного разбирательства либо судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия*, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме.

Оскорбление должно унижать честь и достоинство потерпевшего. В доктрине указывается на неразрывную связь понятий чести и достоинства, в основе которых лежит нравственная составляющая. Однако честь представляет собой общественную оценку личности, а достоинство – самооценку личности [14, с. 238]. В связи с этим можно согласиться с мнением, что унижением чести и достоинства признаётся отрицательная оценка личности, дискредитация человека, подрыв его морального престижа как в глазах окружающих, так и в своих собственных [22, с. 84]. Такое унижение может проявляться словесно, письменно (в том числе в виде рисунка), вербально (посредством символов или жестов), действием, телодвижением или в иной форме оскорбительного характера [23, с. 103].

Наличие унижения чести и достоинства, его степень (глубину) в первую очередь оценивает сам потерпевший¹.

Для квалификации не имеет значения, делались ли виновному лицу в ходе судебного заседания замечания судьей и как он на них реагировал: «...выяснение вопроса о том, делались ли судьёй замечания Г. за её нетактичное поведение в судебном заседании, не входит в предмет доказывания по делу о проявлении неуважения к суду в форме оскорбления потерпевшего» [14, с. 252].

Состав неуважения к суду связан с направленностью оскорбления к конкретному лицу (лицам), участвующему в судебном разбирательстве, или к судье, присяжному или арбитражному заседателю.

Презюмируется, что оскорбление должно быть воспринято потерпевшим. Поэтому оскорбление в отсутствие лица, которому оно было адресовано, либо незаметно для состава суда не может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 297 УК РФ. Более сложная ситуация, если оскорбление было нанесено, например, судье, рассмотревшему дело по существу (ч. 2 ст. 297 УК РФ), путём размещения комментария на сайте либо в апелляционной жалобе. В данном случае для квалификации деяния по ч. 2 ст. 297 УК РФ будет иметь значение, что виновное лицо совершает оскорбление

¹ Кассационное определение Верховного суда РФ от 8 ноября 2007 г. № 73-О07-41. Доступно из: СПС «КонсультантПлюс».

способом, который презюмирует, что оскорбление в конечном итоге будет воспринято адресатом: «Бухарец не мог не осознавать, что направление заявления на сайт суда приведёт к ознакомлению с содержанием заявления сотрудников суда, имеющих отношение к работе сайта суда, приёму и регистрации входящей корреспонденции и т.д.»¹.

Однако представляется, что деяние в рассматриваемой ситуации может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 297 УК РФ только в том случае, если судом будет установлено, что подсудимый, подавая заявление, имел намерение, чтобы оскорбление было доведено до сведения соответствующего лица.

Оскорбление может быть нанесено непосредственно в присутствии потерпевшего, или потерпевший может узнать о нём от других лиц.

Если оскорбление было обращено к неопределённому кругу лиц, то возможность квалификации деяния по ст. 297 УК РФ исключена.

Оскорбление может быть нанесено только лично. Например, если при подаче апелляционной жалобы текст документа, содержащий оскорбительные высказывания, составило одно лицо, а технически подписало и направило в суд другое, не имея при этом умысла на оскорбление, то объективная сторона преступления, предусмотренного в данном случае ч. 2 ст. 297 УК РФ, ни одним из них выполнена не будет².

Исследуемые составы преступлений (ч. 1–2 ст. 297 УК РФ) имеют формальную конструкцию, окончены с момента совершения деяния – оскорбления и восприятия его потерпевшим. Представляется, что если лицо совершает оскорбление судьи способом, который презюмирует, что оскорбление в конечном итоге будет воспринято адресатом (размещение комментария на сайте, направление апелляционной жалобы и т.д.), то для целей правоприменения моментом окончания преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 297 РФ, следует считать время размещения комментария на сайте, время регистрации документов в суде первой инстанции и т.д.

Очевидно, что название ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду» не в полной мере соответствует её содержанию, так как оскорбление является одной из возможных форм проявления неуважения к суду. В этом аспекте представляет интерес законодательство Франции, в котором установлена ответственность за любые формы проявления неуважения к представителям магистратуры при исполнении ими своих обязанностей или в связи с их исполнением, если оно направлено на унижение их достоинства или уважения, которое надлежит оказывать той должности, которую они занимают (ст. 424-24 УК Франции). Совершение данного деяния в ходе судебного разбирательства рассматривается не как конструктивный признак состава преступ-

¹ Кассационное определение Верховного суда РФ от 27 февраля 2013 г. по делу № 9-О13-2. Доступно из: СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного суда РФ от 27 февраля 2013 г. по делу № 9-О13-2. Доступно из: СПС «КонсультантПлюс».

ления, а как квалифицирующий (ч. 2 ст. 424-24 УК Франции). С учётом того что магистратура состоит из магистратов прокуратуры и судейских магистратов, потерпевшими наряду с ординарными судьями, присяжными заседателями могут выступать в том числе прокуроры и следственные судьи. В отличие от ст. 424-25 УК Франции, устанавливающей ответственность за «скандализацию правосудия», правоприменительная практика по ст. 424-24 УК Франции является более репрезентативной.

В частности, по данной статье были квалифицированы следующие деяния:

- телеграмма председателя профсоюза председателю исправительного суда, в которой он выразил решительный протест против «классового правосудия» и потребовал оправдания подсудимых;

- ответ врача, которую судья вызвал в целях лечения своей больной дочери, в котором врач сообщила, что отказывается лечить её, потому что этот судья осудил некоторых из её политических друзей;

- оскорбительный тон и жест в адрес суда, выходящие за рамки простого выражения намерения подать апелляцию в момент только что вынесенного приговора;

- использование в ходатайстве, поданном следственному судье, фразы: «ваша некомпетентность разбираться в моих делах», использованной в уничижительном значении [24, с. 370–371].

Таким образом, несоответствие названия содержанию ст. 297 УК РФ может быть устранено не только путём её переименования в «Оскорбление суда» [3, с. 215], но и путём криминализации иных форм проявления неуважения к суду. Законодательство Франции также подтверждает озвученный выше тезис о целесообразности введения повышенной уголовной ответственности за оскорбление следователя (дознавателя) и прокурора. Конечно, в России они не рассматриваются как представители судейского корпуса (в отличие от следственного судьи и прокурора во Франции). Однако наделение их юрисдикционными полномочиями в рамках уголовного судопроизводства выделяет их из числа потерпевших, перечисленных в ч. 1 ст. 297 УК РФ. Из перечисленных лиц выделяется защитник, оскорбление которого мы также считаем целесообразным рассматривать как квалифицированный состав преступления. Последний также действует в интересах осуществления правосудия, без его участия в установленных законом случаях достижение целей правосудия становится невозможным.

Список источников

1. Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник: в 3 т. / под ред. Н. А. Лопашенко. Т. 3. Особенная часть. М.: Юрлитинформ, 2014. 664 с.
2. Нуркаева Т. Н. Проблемы уголовно-правовой охраны чести и достоинства личности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2013. № 4 (62). С. 43–47.

3. Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ): монография / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2023. 560 с.
4. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2005. 491 с.
5. Коробейников Н. А. Правосудие как объект уголовно-правовой охраны // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 197–204. EDN: MUNZCD.
6. Бубон К. В. О чести, достоинстве, судьях и правосудии // Адвокат. 2008. № 8. С. 25–31.
7. Агузаров Т. К. Уголовно-правовое обеспечение независимости и неприкосновенности судей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 156 с.
8. Федоров А. В. Понятие и классификация преступлений против правосудия: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2004. 259 с.
9. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: в 2 ч. Ч. 2: учебник для вузов / под ред. Г. М. Резника. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 519 с.
10. Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации: учеб. пособие. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2001. 152 с.
11. Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов: в 2 т. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л. В. Головки. М.: Юстицинформ, 2014. 340 с.
12. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ИНФРА-М, 2009. 800 с.
13. Амиров К. Ф., Сидоров Б. В., Харисов К. Н. Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законотворчества. Казань, 2004. 301 с.
14. Энциклопедия уголовного права. Т. 28. Преступления против правосудия. Издание профессора Малинина. СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС. СПб., 2017. 1124 с.
15. Ахмедов Р. А. Некоторые проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 297, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: материалы Всероссийской науч.-практ. конференции. Иркутск, 2016. С. 75–78. EDN: WXMPJX.
16. Ткачевский Ю. М. Уголовная ответственность за оскорбление // Законодательство. 2000. № 1 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/969670/>.
17. Гертель Е. Оскорбление и клевета как виды психического насилия // Уголовное право. 2011. № 6. С. 10–14. EDN: OIICOD.
18. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шарманова. Ярославль, 2013. 35 с.

19. Салаяев В. А. «Неприличная форма выражения» как проблема лексикографии и лингвоэкспертологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 386–389. EDN: SPHBIF.
20. Кусов Г. В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: решение проблемы «неприличная форма» // Российский судья. 2013. № 5. С. 43–48.
21. Макаров В. И. «...Или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме». К вопросу об эффективности лингвистической экспертизы // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6 (39). С. 680–682. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.6\(39\).680-683](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.6(39).680-683).
22. Преступление против правосудия (Толкование уголовного закона. Комментарий статей УК РФ. Материалы судебной практики, статистика) / под ред. А. В. Галаховой. М.: Норма, 2005. 416 с.
23. Давитадзе М. Д., Эриашвили Н. Д. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 102–105. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10386>.
24. Mayaud Y. Code pénal Annoté – 120 ed. Paris: Delloz, 2022. 3228 p.

References

1. Lopashenko N. A. (ed.). Rossijskoe ugovnoe pravo. Obshhaya i Osobennaya chast: uchebnik: v 3 t. [Russian criminal law. General and Special parts: textbook]. Moscow: Yurlitinform Publ. 2014. Vol. 3. Osobennaya chast' [Special part]. 664 p.
2. Nurkaeva T. N. Problemy ugovno-pravovoj ohrany chesti i dostoinstva lichnosti [Problems of criminal law protection of personal honor and dignity]. *Vestnik Ufimskogo gosudarstvennogo instituta MVD Rossii*, 2013, no 4 (62), pp. 43–47.
3. Lopashenko N. A. (ed.). Prestupleniya protiv pravosudiya (gl. 31 UK RF): monografiya [Crimes against justice (Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2023. 560 p.
4. Gorelik A. S., Lobanova L. V. Prestupleniya protiv pravosudiya [Crimes against justice]. St-Petersburg: Yurid. Centr Press Publ., 2005. 491 p.
5. Korobejnikov N. A. Pravosudie kak ob`ekt ugovno-pravovoj ohrany [Justice as an object of criminal law protection]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal*, 2008, no 1, pp. 197–204.
6. Bubon K. V. O chesti, dostoinstve, sud'yax i pravosudii [About honor, dignity, judges and justice]. *Advokat*, 2008, no 8, pp. 25–31. (In Russ.).
7. Aguzarov T. K. Ugovno-pravovoe obespechenie nezavisimosti i neprikosновенности sudej [Criminal law provision of independence and inviolability of judges]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Moscow, 2003. 156 p.
8. Fedorov A. V. Ponyatie i klassifikaciya prestuplenij protiv pravosudiya [The concept and classification of crimes against justice]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Ulyanovsk, 2004. 259 p.

9. Reznik G. M. (ed.). *Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik dlya vuzov* [Criminal procedure law of the Russian Federation: textbook for universities]. Moscow: Yurajt Publ., 2023. Vol. 2. 519 p.

10. Kuleshov Yu. I. *Prestupleniya protiv pravosudiya: ponyatie, sistema, yuridicheskij analiz i problemy` kvalifikacii* [Crimes against justice: concept, system, legal analysis and qualification problems]. Khabarovsk: Ed. and Publ. Center of the Khabarovsk St. Academy of Economics and Law, 2001. 152 p.

11. Golovko L. V. (ed.). *Velikaya reforma: k 150-letiyu Sudebny`x ustavov: Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva* [The Great Reform: on the 150th anniversary of Judicial Statutes: The Statute of Criminal Proceedings]. Moscow: Yusticinform Publ., 2014. Vol. 2. 340 p.

12. Inogamovoj-Xegaj L. V., Rarog A. I., Chuchaev A. I. (eds.). *Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Osobennaya chast`: uchebnik* [Criminal law of the Russian Federation. The special part: the tutorial]. Moscow: Law Firm "KONTRAKT", INFRA-M Publ., 2009. 800 p.

13. Amirov K. F., Sidorov B. V., Kharisov K. N. *Otvetstvennost` za prestupnoe vmeshatel'stvo v deyatel'nost` licz, osushhestvlyayushhix pravosudie i ugolovnoe presledovanie: problemy teorii i zakonotvorchestva* [Responsibility for criminal interference in the activities of persons exercising justice and criminal prosecution: problems of theory and lawmaking]. Kazan, 2004, 301 p.

14. *Enciklopediya ugolovnogo prava. Prestupleniya protiv pravosudiya* [Encyclopedia of Criminal Law. Crimes against justice]. St-Petersburg: Interregional Institute of Economics and Law at the EurAsEC Interparliamentary Assembly, 2017, 1124 p. .

15. Axmedov R. A. *Nekotorye problemy kvalifikacii prestuplenij, predusmotrenny`x st.st. 297, 319 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii* [Some problems of qualification of crimes provided for in Articles 297, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnyj zakon Rossijskoj Federacii: problemy pravoprimeneniya i perspektivy sovershenstvovaniya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Irkutsk, 2016, pp. 75–78.

16. Tkachevskij Yu. M. *Ugolovnaya otvetstvennost` za oskorblenie* [Criminal liability for insult]. *Zakonodatel'stvo*, 2000, no 1. URL: <https://base.garant.ru/969670/>.

17. Gertel E. *Oskorblenie i kleveta kak vidy psikhicheskogo nasiliya* [Criminal insult and defamation as kinds of mental violation]. *Ugolovnoe pravo*, 2011, no 6, pp. 10–14.

18. Stermin I. A., Antonova L. G., Karpov D. L., Sharmanova M. V. *Vyyavlenie priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoj reputacii i oskorbleniya v lingvisticheskoy e`kspertize teksta* [Identification of signs of humiliation of honor, dignity, diminution of business reputation and insults in the linguistic examination of the text]. Yaroslavl, 2013. 35 p.

19. Salyaev V. A. «Neprilichnaya forma vyrazheniya» kak problema leksikografii

i lingvoekspertologii ["Indecent form of expression" as an issue of lexicography and linguistic expertology]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2014, no. 3, pp. 386–389.

20. Kusov G. V. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza «oskorbleniya»: reshenie problemy «neprilichnaya forma» [Forensic linguistic examination of «insults»: the solution to the «indecent form» problem]. *Rossijskij sud`ya*, 2013, no. 5, pp. 43–48. (In Russ.).

21. Makarov V. I. «...Ili inoj protivorechashhej obshheprinyaty`m normam morali i npravstvennosti forme». K voprosu ob e`ffektivnosti lingvisticheskoy ekspertizy` ["...Or other form contradicting the generally accepted norms of morals and ethics". To the effectiveness of linguistic expertise]. *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 6 (39), pp. 680–682. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.6\(39\).680-683](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.6(39).680-683).

22. Galakhova A.V. (ed.). Prestuplenie protiv pravosudiya (Tolkovanie ugolovnogo zakona. Kommentarij statej UK RF. Materialy sudebnoj praktiki, statistika) [Crime against justice (Interpretation of the Criminal law. Commentary on articles of the Criminal Code of the Russian Federation. Materials of judicial practice, statistics)]. Moscow: Norma, 2005. 416 p.

23. Davitadze M. D., Eriashvili N. D. Ugolovnaya otvetstvennost` za oskorblenie predstavatelya vlasti [Criminal liability for insulting a representative of authority]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 7, pp. 102–105. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10386>.

24. Mayaud Y. Code pénal Annoté. Paris: Delloz, 2022. 3228 p.

Информация об авторах / Information about the authors

Е.А. Мельников – кандидат юридических наук, доцент кафедры экономических и финансовых расследований, Высшая школа государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация),

✉ evgmelnikov.1985@mail.ru

E.A. Melnikov – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Economic and Financial Investigations, Higher School of Public Audit, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 31.03.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 15.05.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 185–196.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 185–196.

Научная статья

УДК 343.575

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/185-196>

Общественная опасность наркопреступлений: системный анализ

Илья Сергеевич Землюков

Дальневосточный юридический институт МВД РФ им. И.Ф. Шилова,

Хабаровск, Российская Федерация

✉ zes.bar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4321-1307>

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме уголовного права и криминологии – общественной опасности наркопреступлений. Правильная оценка характера и степени общественной опасности наркопреступлений имеет важное значение для выбора эффективных мер противодействия. Указанная оценка необходима законодателю с точки зрения более полной и точной криминализации этих деяний и их описания в уголовно-правовой норме. Практика показывает, что законодатель не всегда владеет такой оценкой. Изменения статей УК РФ о наркопреступлениях исчисляются двумя десятками за последние 15 лет. Объективная оценка характера и степени общественной опасности наркопреступлений имеет значение и для правоприменителя. Данные о количестве зарегистрированных наркопреступлений и данные о латентности этих деяний свидетельствуют о недостаточной оценке их общественной опасности и криминогенности. На основе системного анализа в статье выделяются три криминологических уровня характера и степени опасности наркопреступлений. Исследование общественной опасности наркопреступлений проводится исходя из понимания, что она имеет универсальное значение и в силу причинно-следственных связей отражает опасность не только одного вида преступлений (наркопреступлений), но и других, смежных, взаимосвязанных преступлений. В соответствии с таким подходом делается вывод о том, что общественная опасность наркопреступлений формируется не только на основе ценности объекта посягательства, опасности предмета и вредных последствий посягательства, но и на основе степени общественной опасности смежных преступлений, некоторых правонарушений и социально вредных явлений и состояний. Выявление этих зависимостей и корреляций позволяет представить более объективную характеристику криминологической ситуации в стране в сфере противодействия наркопреступности. Предложенный

в статье системный криминологический анализ структуры общественной опасности наркопреступлений позволяет более полно оценить её степень и характер и предложить системные меры по повышению эффективности противодействия распространению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Ключевые слова: наркопреступления, общественная опасность, криминологические уровни общественной опасности наркопреступлений, меры противодействия наркопреступности

Для цитирования: Землюков И.С. Общественная опасность наркопреступлений: системный анализ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 185–196.

Original article

Public danger of drug crimes: system analysis

Ilya S. Zemlyukov

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after I.F. Shilov, Khabarovsk, Russian Federation

✉ zes.bar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4321-1307>

Abstract. The article is devoted to the problem of criminal law and criminology – the public danger of drug crime. A correct assessment of the nature and degree of public danger of drug crime is important for the choice of effective countermeasures. This assessment is important for the legislator in terms of more complete and accurate criminalization of these acts and their description in the criminal law norm. Practice shows that the legislator does not always have such an assessment. There have been two dozen amendments to the articles of the Criminal Code of the Russian Federation concerning drug-related crimes over the past 15 years. An objective assessment of the nature and degree of the public danger of drug crime is also important for law enforcement. Data on the number of registered drug crimes and data on the latency of these acts indicate an insufficient assessment of their public danger and criminogenicity. Based on the systematic analysis, the article distinguishes three criminological levels of the nature and degree of danger of drug crimes. The study of the public danger of drug crimes is carried out on the basis of the understanding that it is of universal importance and due to causal relationships reflects the danger of not only one type of crime (drug crimes), but also other related, interrelated crimes. In accordance with this approach, it is concluded that the social danger of drug crimes is formed not only on the basis of the value of the object of encroachment, the danger of the object and the harmful consequences of the encroachment, but also on the basis of the degree of public danger of related crimes, some offenses and socially harmful phenomena and states. Iden-

tification of these dependencies and correlations allows us to present a more objective description of the criminological situation with the country in the field of countering drug crimes. The systematic criminological analysis of the structure of the public danger of drug crimes proposed in the article allows us to more fully assess its degree and nature, and to propose systematic measures to improve the effectiveness of countering the spread of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues.

Keywords: drug crimes, public danger, criminological levels of public danger of drug crimes, measures to combat drug crimes

For citation: Zemlyukov I.S. Public danger of drug crimes: system analysis. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 185–196. (In Russ.).

Категория «общественная опасность» имеет различное значение в зависимости от статуса действий и состояний, которые она характеризует.

Общественная опасность – это объективно измеряемая категория, которая имеет количественные и качественные характеристики. Основное значение общественной опасности состоит в её свойстве отражать реальный или потенциальный вред, причиняемый соответствующими деяниями охраняемым правоотношениям или правилам социально полезного поведения. В этом плане общественная опасность свойственна в той или иной степени не только правонарушениям, но и негативным социальным поступкам [1, с. 101]. В силу этого общественная опасность имеет уголовно-правовое, правовое и социальное значение.

Криминология изучает общие и особенные свойства общественной опасности деяний и явлений, которые причиняют вред или создают угрозу причинения вреда правоотношениям и социальным отношениям. В более широком аспекте общественная опасность является и социальной категорией. Она характеризует общественную опасность поведений, которые нарушают социальные нормы и правила, существующие в данном обществе в данный отрезок времени [2, с. 62].

Общественная опасность подлежит учёту и оценке как обязательный признак наиболее общественно опасных деяний (преступлений). Она учитывается при криминализации и декриминализации преступлений, при формулировании оснований и пределов уголовной ответственности. В этом свойстве она выступает как правовая и уголовно-правовая категория [3, с. 150–179]. Как криминологическая категория общественная опасность исследуется при анализе преступлений, правонарушений и социально вредных действий и состояний, взаимосвязанных с правонарушениями.

При исследовании общественной опасности наркопреступлений наиболее продуктивно исходить из понимания, что она имеет универсальное значение и в силу причинно-следственных связей отражает опасность не только одного вида преступлений (наркопреступлений), но и других, смежных, взаимосвязанных преступлений. Такой подход основан на криминологическом анализе преступности, который был

дан Н.Ф. Кузнецовой. «Преступность, – писала Н.Ф. Кузнецова, – не механическая сумма отдельных преступлений, а их органическая совокупность. Это значит, что между всеми признаками и свойствами преступности существует диалектическое единство. Это качественно-количественное единство её состояния, структуры и динамики; это взаимосвязь между всеми названными признаками преступности» [4, с. 174].

Обратим внимание, что есть ещё одно универсальное значение общественной опасности, которое состоит в том, что она отражает вредоносность для общества системы отдельных видов деяний или состояний, которые фиксируются на разных уровнях: уголовно-правовом, административно-правовом или социальном. И что очень важно подчеркнуть: в силу своего содержания общественная опасность может переносить и аккумулировать взаимосвязанные качественно-количественные вредные типовые виды поведения на более формализованные уровни фиксации. Как уголовно-правовую, правовую и социальную категории, общественную опасность можно рассматривать как систему и структуру в разных измерениях, в том числе в рамках философских категорий: единичное, особенное и общее.

Наиболее полное выявление характера и степени общественной опасности происходит в процессе принятия решения о криминализации деяний. Здесь первыми условиями для принятия решения о криминализации деяния, по мнению П.С. Дагеля, являются его вредоносность (опасность) и распространённость [5, с. 202].

Эти критерии взаимосвязаны и необходимы для криминализации. Сказанное относится и к криминализации наркопреступлений. Хотя доля таких преступлений в общей массе регистрируемых преступлений в РФ относительно небольшая – 9–10%¹, но не вызывает сомнения, что их общественная опасность определяется не только количественными показателями регистрируемой наркопреступности. Важно учитывать, что вред, причиняемый этими преступлениями, выходит далеко за рамки нарушения объекта посягательства, а причины и условия их совершения вряд ли устранимы в обозримом будущем. Поэтому невысокий уровень или кратковременное снижение количества регистрируемой наркопреступности не свидетельствует о снижении общественной опасности данного вида преступлений. Основная особенность общественной опасности наркопреступлений состоит в том, что она формируется не только на основе ценности объекта посягательства, но и опасности предмета и вредных последствий посягательства.

Существует причинно-следственная взаимосвязь общественной опасности нар-копреступлений с общественной опасностью смежных или взаимообусловлен-

¹ О состоянии преступности в России за январь – декабрь 2024 г. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 10.02.2025).

ных преступных деяний, правонарушений и социально вредных состояний. Указанная системная взаимосвязь прослеживается на уголовно-правовом, административно-правовом и социальном уровнях. Характер и степень опасности этих деяний на каждом из названных уровней системно взаимосвязаны между собой. Более того, степень опасности смежных деяний и правонарушений может передаваться в содержание и аккумулироваться (накапливаться) в степени опасности наркопреступлений.

Криминологическое исследование, формализация и фиксация взаимосвязи общественной опасности между отмеченными уровнями даёт научно обоснованный и объективный инструмент для совершенствования правовых и социальных мер противодействия наркопреступности и понимания сущности общественной опасности этих деяний [6, с. 128–136].

Рассмотрим уровни общественной опасности наркопреступности.

На первом уровне – уголовно-правовом – закреплена система наркопреступлений со свойственной им более высокой степенью общественной опасностью. Это общественная опасность преступных деяний, нарушающих установленные в законодательстве правила оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. В УК РФ криминализованы деяния, представляющие повышенную общественную опасность в силу непосредственного воздействия на охраняемый законом объект – здоровье населения (ст. 228–233 УК РФ). Именно система указанных преступлений с точки зрения криминологии представляет наибольшую опасность, так как включает самые вредоносные и самые массовые деяния, связанные с распространением наркотических и других запрещённых к обороту веществ, а также создаёт условия для их распространения – изготовление, переработка, производство, склонение к потреблению, нарушение правил производства и отпуска и т.д.

Эти преступления с криминологической точки зрения представляют взаимосвязанную систему с возможностью функционирования межрегиональной и международной организованной наркопреступности. Как уголовно-правовая категория, общественная опасность наркопреступлений имеет определённые особенности, которые отличают её от общественной опасности других преступлений. В науке уголовного права при анализе общественной опасности наркопреступлений чаще всего указывают, что её свойства определяются объектом посягательства и выражаются в причинении вреда здоровью населения; перечисляются и иные негативные последствия совершения наркопреступлений, например, наркотизация населения и т.д. [7, с. 7].

Общественная опасность наркопреступлений имеет определённую специфику. Она состоит в том, что наркопреступления не обладают такой непосредственно выраженной высокой вредоносностью, как, например, преступления против жизни или здоровья личности, насильственные преступления против собственности и т.д. Формально при совершении наркопреступлений отсутствует жертва, потерпевший. Это

неочевидное преступление с точки зрения степени его общественной опасности. Но данное обстоятельство не свидетельствует о меньшей общественной опасности и вредоносности наркопреступлений, хотя возможно и влияет на правосознание населения.

Объективное выражение степени общественной опасности наркопреступлений состоит в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Незаконное приобретение, хранение, изготовление, переработка названных средств или веществ и составляют вредоносный результат наркопреступной деятельности, который создаёт реальную угрозу здоровью населения. Иными словами, сами наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги и есть тот вредный результат, который характеризует степень общественной опасности наркопреступлений. Размер такого вреда зависит от размера наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Данный момент точно подчеркнул В.С. Комиссаров, отмечая, что общественная опасность наркопреступлений «определяется прежде всего особым характером предмета преступления» [8, с. 358].

Особый характер как раз и состоит в том, что предмет преступления несёт в себе основную вредоносность и выступает одновременно и предметом, и вредным результатом этого преступления. Такой подход позволяет обосновать механизм воздействия на сложный объект посягательства, который включает незаконный оборот вредных для здоровья веществ и создаёт опасность причинения вреда здоровью населения, а также установить непосредственную связь между вредоносными действиями и объектом посягательства и объективировать реальную степень общественной опасности этих преступлений. Весомым аргументом по предложенному подходу выступает размер (вес) наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, который учитывается при разграничении уголовной и административной ответственности.

Таким образом, жертвы, получившие вред здоровью или жизни после употребления наркотиков, – это вредные последствия, наступающие в результате совершения наркопреступления. Данные последствия находятся за рамками состава наркопреступления, но по степени опасности чётко взаимосвязаны и коррелируют с предметом – результатом наркопреступлений. Вредоносность наркотиков, психотропных веществ и их аналогов отличается как по составу, так и по размеру. Это учитывается при квалификации преступлений и при назначении наказания.

Вредность наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов подтверждается данными о средней продолжительности жизни наркозависимых лиц. Растёт число отравлений наркотическими средствами и психотропными веществами,

в том числе со смертельным исходом. После начала употребления наркотиков она составляет 4–4,5 года. Большинство хронических наркоманов не доживает до 30 лет¹.

Особенность наркопреступлений состоит в том, что они представляют сложную преступную деятельность, которая с точки зрения пресечения и процессуального доказывания подразделена в законе на отдельные этапы, или составы. Каждое из запрещённых действий – хранение, перевозка, изготовление наркотических средств – это и этап, и вредный результат незаконной деятельности, который опасен сам по себе и несёт в себе дальнейшую опасность для следующего этапа – сбыта. В этом и был смысл выделения ст. 2281 УК РФ из ст. 228 УК РФ с учётом значительного несходства в общественной опасности различных этапов наркопреступлений.

Таким образом, первая и отличительная характеристика общественной опасности наркопреступлений как отдельного вида преступлений состоит в том, что в силу особенностей механизма совершения преступных действий, содержания объекта посягательства и характера причиняемого вреда она формируется не только на основе незаконного оборота наркотических средств как вредного результата этой деятельности, но и на основе вредных последствий этого оборота – вреда здоровью населения. В этом проявляется высокая социальная вредность наркопреступлений.

Второй уголовно-правовой и криминологический уровень общественной опасности наркопреступлений связан с их криминогенностью. Наркопреступления через причинённый вред здоровью людей – наркозависимость – причинно обуславливают совершение новых преступлений, т.е. выходят на иной уровень общественной опасности. При этом наркопреступления в определённой степени вбирают в себя и общественную опасность преступлений, совершение которых они обусловили сбытом и наркозависимостью потребителей наркотиков. Наркозависимость – одна из целей и конечных результатов наркопреступлений, и, самое важное, это состояние не только вредное для здоровья наркозависимого, но и опасное для общества. Статистические данные свидетельствуют, что 65% всех преступлений в стране связаны с наркозависимыми и наркотиками. При этом до 80% всех мелких преступлений корыстно-насильственной направленности (кражи, неквалифицированные грабежи) совершаются наркопотребителями. Кроме того, ими осуществляется практически вся уличная реализация наркотиков [9, с. 11–16].

Мотивация наркозависимого человека на совершение преступления обусловлена острой потребностью в постоянном приёме наркотиков и в денежных средствах на их приобретение. Подобная зависимость между уровнем преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков и других запрещённых веществ, и об-

¹Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2023 году. Москва, 2024. URL: <https://me-dia.mvd.ru/files/embed/4498892> (дата обращения: 03.02.2024).

щим уровнем всех совершаемых преступлений находит неоднократное подтверждение. Так, в исследовании Д.К. Чиркова, О.А. Евлановой, Г.Ф. Коимшиди выявлена высокая прямая корреляционная взаимозависимость между уровнем преступлений, совершаемых в сфере НОН, и уровнем особо тяжких преступлений: коэффициент корреляции – 0,78. Между уровнем преступлений в сфере НОН и уровнем преступлений, совершённых лицами, ранее совершавшими преступления, коэффициент корреляции – 0,50 [10, с. 89–90].

Количество и тяжесть преступлений, совершаемых лицами, употребляющими наркотики, является важным показателем криминологической степени общественной опасности самих наркопреступлений. С одной стороны, наркопреступления через причинение вреда здоровью населения порождают совершение новых преступлений, с другой стороны, эти вновь совершённые преступления наркоманами направлены на приобретение наркотических веществ или совершаются под воздействием наркотиков.

Криминогенность наркопреступлений и взаимосвязь с вновь совершёнными преступлениями наркотически зависимыми людьми отражается и на степени общественной опасности наркопреступлений. Этот уровень общественной опасности наркопреступлений поддаётся фиксации и оценке.

Уголовно-правовой и криминологический уровень общественной опасности наркопреступлений включает в себя незаконный оборот преступных доходов и развитие криминальной экономики. Фактически это основная составная часть, выступающая целью и конечным результатом наркопреступлений и наркопреступности. По оценкам экспертов, экономический ущерб от незаконного потребления наркотиков составляет около 15% внутреннего валового продукта России. Степень общественной опасности таких преступлений явно недооценивается, хотя они составляют первопричину и основу наркопреступности. По данным учёных, доходы от распространения наркотиков в России составляют 8–10 млрд долларов США ежегодно [11, с. 874]. Очень условно названный доход можно подсчитать исходя из количества наркозависимых, стоимости дозы разных наркотиков и количества доз, необходимых для ежедневного потребления.

За 2023 г. правоохранительными органами России из незаконного оборота на момент возбуждения уголовных дел изъято 35,9 т (+27,2%; 2022 г. – 28,3 т) наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, 41,2 т (+174,4%; 2022 г. – 15 т) прекурсоров. При этом за 2022 и 2023 годы наравне с растительными наркотическими средствами «синтетика» стала основой российского подпольного наркорынка. Доля синтетических наркотиков в 2023 году в структуре изъятых наркотических средств составила 50,1% (+19,5%; с 13,7 т до 16,4 т). За 2023 год пресечена деятельность 225 нарколабораторий. Приведены данные лишь по возбуждённым уголовным делам. Если их пересчитать с учётом латентности наркопреступлений, то

ежегодный наркопреступный оборот денежных средств в РФ будет исчисляться триллионами рублей.

Не вызывает сомнения, что борьба с легализацией (отмыванием) преступных доходов, получаемых от наркобизнеса, является самым эффективным способом пресечения преступлений в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ. При этом статистика не свидетельствует о росте выявления наркопреступлений, совершённых преступными сообществами и связанных с отмыванием, легализацией преступных доходов. Этот криминологический уровень общественной опасности наркопреступлений имеет фиксируемые показатели и может подлежать оценке. По нашему мнению, имеются весомые основания для рассмотрения возможности придания данному показателю более значимого уголовно-правового значения.

Третий уровень общественной опасности наркопреступлений – криминологический. Он включает в себя коррупционные преступления, связанные, прежде всего, с попытками сотрудников правоохранительных органов скрыть наркопреступления, устранить привлечение к уголовной ответственности наркопреступников, а также с непосредственным участием в наркопреступных группах, с передачей наркотиков в местах отбывания наказания и т.д. Криминологи, анализируя криминологическую сферу незаконного оборота наркотиков, выделяют в качестве самостоятельной составляющей её коррупционность.

Криминологические исследования показывают, что незаконный оборот наркотиков и коррупция – тесно взаимосвязанные явления. Результаты исследований позволяют сделать вывод о широком распространении коррупции в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и её высокой латентности [12, с. 3]. Взаимосвязь незаконного оборота наркотиков с коррупцией отмечается во многих исследованиях. Это послужило основанием для разработки криминологического понятия коррупции в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и предложения по корректировке уголовной ответственности за наркопреступления с учётом коррупционных признаков [13].

Следующая особенность общественной опасности наркопреступлений состоит в том, что она коррелирует с общественной опасностью правонарушений в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (ст. 6.8–6.16.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ). Это завершающий, четвёртый уровень общественной опасности наркоправонарушений. Он фиксируется, может подлежать анализу и оценке. Так, последние статистические данные свидетельствуют о том, что количество лиц, совершающих административные правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков, имеет стабильную тенденцию к увеличению.

В силу общей криминологической структуры общественной опасности правонарушений в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов общественная опасность преступлений и административных правонарушений имеет корреляционные связи и зависимости. Выявление этих зависимостей и корреляций позволяет представить более объективную характеристику криминологической ситуации в стране в сфере противодействия наркопреступности. Рассмотренный системный криминологический анализ структуры общественной опасности наркопреступлений, взаимосвязанных с ними преступлений и правонарушений позволяет более полно оценить её степень и характер, а также предложить системные меры по повышению эффективности противодействия распространению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Список источников

1. Малеин С. М. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М.: Юридическая литература, 1985. 192 с.
2. Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М.: Юридическая литература, 1986. 237 с.
3. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий права. М.: Юридическая литература, 1976. 264 с.
4. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во МГУ, 1969. 232 с.
5. Дагель П. С. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация. М., 1982. 303 с.
6. Босхолов С. С., Номоконов В. А. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 2. С. 128–136.
7. Вьюнов А. В. Криминологическая характеристика предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Томск, 2007. 24 с.
8. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 4: учебник для вузов / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М.: Зеркало-М, 2002. 662 с.
9. Иванов В. П. Новые подходы в борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков // Совершенствование правовой базы реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: уголовный, уголовно-процессуальный и административный аспекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. Ч. 1. С. 11–16.
10. Чирков Д. К., Евланова О. А., Коимшиди Г. Ф. Региональные особенности и различия преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Национальная безопасность. 2013. № 6 (29). С. 89–90.

11. Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой, 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. 1008 с.
12. Павловская Н. В. Коррупция в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: криминологические и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2013. 28 с.
13. Корецкий Д. А., Стешиц Е. С. Тенденции борьбы с наркопреступностью: риторика и реальность // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 447–458.

References

1. Malein S. M. Pravonarushenie: ponyatie, prichiny, otvetstvennost'. Sotsial'nye otkloneniya. Vvedenie v obshchuyu teoriyu [Offense: concept, causes, responsibility. Social deviations. Introduction to the general theory]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ., 1985. 192 p.
2. Spiridonov L. I. Sotsiologiya ugolovnogo prava [Sociology of criminal law]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ., 1986. 237 p.
3. Vasiliev A. M. Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategoriy prava [Legal categories. Methodological aspects of developing a system of legal categories]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ., 1976. 264 p.
4. Kuznetsova N. F. Prestuplenie i prestupnost' [Crime and criminality]. Moscow: Moscow State University Publ. House, 1969. 232 p.
5. Dagal P. S. Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta: kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya [Grounds for criminal-legal prohibition: criminalization and decriminalization]. Moscow, 1982. 303 p.
6. Boskholov S. S., Nomokonov V. A. Ontologicheskie i metafizicheskie osnovy obshchestvennoy opasnosti prestupleniy: o tupike neokriminologii [Ontological and metaphysical foundations of the social danger of crimes: on the dead end of neocriminology]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 128–136.
7. Vyunov A. V. Kriminologicheskaya kharakteristika preduprezhdeniya prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv [Criminological characteristics of the prevention of crimes related to illegal drug trafficking]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Tomsk, 2007. 24 p.
8. Borzenkov G. N., Komissarov V. S. (eds.). Kurs ugolovnogo prava. Osobennaya chast'. T. 4. Uchebnik dlya vuzov [Course of criminal law. Special part. Vol. 4. Textbook for universities]. Moscow: Zerkalo-M Publ., 2002. 662 p.
9. Ivanov V. P. Novye podkhody v bor'be s narkomaniy i nezakonnym oborotom narkotikov [New approaches in the fight against drug addiction and drug trafficking]. In: *Sovershenstvovanie pravovoy bazy realizatsii Strategii gosudarstvennoy antinarkoticheskoy politiki Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda: ugolovnyy, ugolovno-protsessual'nyy i administrativnyy aspekty* [Improving the legal framework for the implementation of the

Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation until 2020: criminal, criminal procedure and administrative aspects: materials of the All-Russian scientific-practical. conf.]. Ekaterinburg, 2015. Part 1. Pp. 11–16.

10. Chirkov D. K., Evlanova O. A., Koimshidi G. F. Regional'nye osobennosti i razlichiya prestupleniy v sfere nezakonnogo oborota narkotikov [Regional features and differences in crimes in the field of drug trafficking]. *Natsional'naya bezopasnost'*, 2013, no. 6 (29), pp. 89–90.

11. Dolgovaya A. I. (ed.). *Kriminologiya: uchebnik* [Criminology: textbook]. 4th ed., revised and enlarged. Moscow, 2010. 1008 p.

12. Pavlovskaya N. V. *Korruptsiya v sfere protivodeystviya nezakonnomu obrotu narkotikov: kriminologicheskie i ugovorno-pravovye aspekty* [Corruption in the sphere of combating illegal drug trafficking: criminological and criminal-law aspects. Cfnd. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2013. 28 p.

13. Koretsky D. A., Steshits E. S. Tendentsii bor'by s narkoprestupnost'yu: ritorika i real'nost' [Trends in the fight against drug-related crime: rhetoric and reality]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 447–458.

Информация об авторах / Information about the authors

И.С. Землюков – адъюнкт, Дальневосточный юридический институт МВД РФ им. И.Ф. Шилова (Хабаровск, Российская Федерация),

✉ zes.bar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4321-1307>

I.S. Zemlyukov – Adjunct, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.F. Shilov (Khabarovsk, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 19.02.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 07.05.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 197–206.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 197–206.

Научная статья

УДК 344.1(470)(091)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/197-206>

Военно-уголовное право как подотрасль уголовного права: исторический аспект

Александр Сергеевич Усенко

Кубанский государственный университет,

Краснодар, Российская Федерация

✉ t055tt123@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению исторической парадигмы эволюции военно-уголовного права как подотрасли уголовного права. Цель данного исследования – обоснование тезиса о подотраслевом характере этой совокупности специфических уголовно-правовых предписаний. В работе использованы методы логического и системного анализа, проведён контент-анализ публикаций и мнений представителей отечественной правовой науки о генезисе военно-уголовного права. Автором анализируется значение исторического аспекта подотраслевого уровня организации уголовного права как основы для совершенствования современной структурной организации отрасли.

Ключевые слова: уголовное право, кодификация права, подотрасль уголовного права, источник права, военно-уголовное законодательство, военная служба, воинский артикул

Для цитирования: Усенко А.С. Военно-уголовное право как подотрасль уголовного права: исторический аспект // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 197–206.

Original article

Military criminal law as a sub-branch of criminal law: historical aspect

Alexander S. Usenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

✉ t055tt123@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the historical paradigm of the evolution of military criminal law as a sub-branch of criminal law. The purpose of this study is to substantiate the thesis about the sub-branch nature of this set of specific criminal law regulations. The research work uses the methods of logical and systemic analysis, a content analysis of publications and opinions of representatives of domestic legal science on the genesis of military criminal law. The author analyzes the significance of the historical aspect of the sub-branch level of the organization of criminal law as a basis for improving the modern structural organization of the branch.

Keywords: criminal law, codification of law, sub-branch of criminal law, source of law, military criminal legislation, military service, military article

For citation: Usenko A.S. Military criminal law as a sub-branch of criminal law: historical aspect. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 197–206. (In Russ.).

Введение

Архитектоника российского уголовного права включает в качестве одного из своих факультативных элементов подотрасли. Традиционно отечественная доктрина иллюстрирует эту особенность на примере военной компоненты. В истории до создания регулярной армии нормы военно-уголовного права не представляли в своей совокупности сколько-нибудь значимого правового образования. Как правило, нормы об ответственности за воинские преступления предусматривались в законах, носящих комплексный характер.

Начиная с Артикула воинского 1716 г. и до начала советского периода нормы военно-уголовного права как в самом праве, так и в законодательстве стали принципиальным образом обособляться от общеуголовного и военного права в отдельных нормативных правовых актах, образуя самостоятельную систему, что и даёт повод рассматривать эту совокупность предписаний как отдельный структурный компонент.

Данные обстоятельства и привели к научной дискуссии о качественной характеристике военно-уголовного права: это самостоятельная отрасль права или её структурный элемент в виде подотрасли?

Результаты исследования

Отечественное уголовное право в XVIII в. характеризовалось двумя взаимонаправленными векторами развития: интеграцией уголовно-правовых норм, их содержательной унификацией и формальным разрастанием источников. Создание при Петре I регулярной всесословной армии европейского образца и потребность в жёсткой регламентации отношений в сфере военной службы привели к утверждению Артикула воинского 1715 г. и Морского устава 1720 г. По мнению Т.Ю. Сухондяевой, именно в этот период происходит отраслевая дифференциация норм военно-уголов-

ного законодательства, которое заменяет крупные законодательные акты межотраслевого характера предшествующего периода [1].

Интеграционные процессы, приведшие к созданию Соборного уложения в середине XVII в., исчерпав свой потенциал, не могли адекватно реагировать на социально-политические преобразования петровской эпохи, а уровень юридической техники отставал от вызовов, требующих немедленного и соразмерного отражения правового регулирования в нормативных источниках. Поэтому прикладная правовая мысль пошла по пути создания самостоятельных, предназначенных для регулирования особой группы уголовно-правовых отношений кодексов, что можно воспринимать как свидетельство содержательной и формальной дифференциации уголовного права, непосредственно связанное с формированием одной из его подотраслей – военно-уголовного права.

Особенностями этого процесса выступало, по сути, не эволюционное развитие действующих нормативных положений, их приспособление к изменяющимся социальным условиям, а направленность на формирование нового, отдельного блока предписаний, специально предназначенных для решения задачи поддержания военной дисциплины посредством уголовного закона.

При этом специфика теоретической идентификации военно-уголовного права обусловлена генезисом его возникновения. Во-первых, в рассматриваемый период одновременно создаются два военно-уголовных закона, дифференцированных по сфере применения, – армия и флот, что ставит вопросы их внутреннего согласования и соотношения. Так, если П.С. Ромашкин и А.В. Наумов считают, что уголовно-правовые постановления Морского устава почти дословно повторяли Воинский устав [2; 3], то Н.Д. Дурманов видел между ними ряд принципиальных отличий [4]. Во-вторых, Артикул и устав, при их единой направленности, в структуре права были позиционированы различным образом. На это обратил внимание Н.Д. Дурманов, который доказал, что Артикул воинский всегда воспринимался как самостоятельный, отдельный от Соборного уложения и не являющийся частью Воинского устава собственно уголовный закон, тогда как Морской устав – документ военного права, лишь структурной частью которого выступали уголовно-правовые предписания, в основном, но не полностью сосредоточенные в книгах пятой и шестой [4]. В-третьих, наличие специальных уголовно-правовых актов обуславливает неоднозначность решения вопроса о персональной сфере их применения. А.В. Наумов, к примеру, пишет, что Воинский артикул применялся не только к военнослужащим [3]; П.С. Ромашкин и Н.Д. Дурманов, напротив, последовательно доказывают, что Артикул воинский при Петре I не был официально распространён на общегражданские суды, Петр I рассматривал артикулы как закон, подлежащий применению только в специальной сфере и требующий для своего применения в общих судах особого о том каждый раз указа [2; 4]. Наконец, в-четвёртых, Воинский артикул, в отличие от Собор-

ного уложения, которое являлось сводом разноотраслевых законов, и в отличие от Морского устава, который являл собой комплексный правовой акт, был специальным, одноотраслевым нормативным правовым документом, содержащим нормы военно-уголовного законодательства.

Несмотря на указанные обстоятельства, это, по сути дела, был первый в истории российского уголовного законодательства опыт институциональной кодификации военно-уголовного права, который стал одновременно и отражением наметившегося подотраслевого строения уголовного права, и основой для последующего его развития. Причём опыт этот настолько удачный, что лишь сто лет спустя отдельные главы Воинского артикула были заменены новым Полевым уголовным уложением 1812 г., а окончательно действие Артикула было отменено только в 1839 г. в связи с принятием Военно-уголовного устава.

Последующее развитие права признало обоснованность самостоятельной регламентации военно-уголовных правоотношений, что было подтверждено изданием в 1868 г. Воинского устава о наказаниях и в 1879 г. Военно-морского устава о наказаниях. Причём первые статьи этих документов чётко фиксировали их дополнительный и специальный статус, предписывая, что «во всех тех случаях, для коих настоящим уставом не постановлено изъятий или особых правил, к лицам, подлежащим действию военно-уголовных законов, применяются, относительно преступлений, проступков и наказаний, общие постановления действующих по гражданскому ведомству уголовных законов (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями)» [5, с. 1].

Такой дополнительный и специальный статус военно-уголовных законов дал основание Н.С. Таганцеву сделать важное в теоретическом плане заявление: «Постановления о специальных воинских преступных деяниях, а равно об ответственности военных за некоторые общие преступные деяния, хотя и были включены в отдельные сборники законов, представляются только отдельными узаконениями, дополняющими общие уголовные законоположения, но не могут образовывать самостоятельной отрасли законодательства. Поэтому изучение военно-уголовных законов, хотя и может быть предметом особой литературы, особых курсов, не может составить особой самостоятельной отрасли уголовного права» [6, с. 111].

Существенным образом ситуация с организацией военно-уголовных норм изменилась в советское время, но даже тогда специфика уголовно-правовой регламентации военных отношений сохранилась [7]. УК РСФСР 1922 г. включил в свой состав главу о воинских преступлениях. Тем самым военно-уголовное законодательство было интегрировано в общую систему уголовного законодательства и лишено статуса институционально кодифицированного акта. С образованием СССР и принятием Конституции 1924 г., согласно которой издание законов о воинских преступлениях было отнесено к компетенции СССР, были приняты общесоюзные акты: Поло-

жение о воинских преступлениях в 1924 и 1927 гг., а позднее, в 1958 г., – Закон «Об уголовной ответственности за воинские преступления»¹. Названные акты не содержали отдельных предписаний, относимых к Общей части (в этом отношении действовали общие нормы), были инкорпорированы в структуру всех республиканских уголовных законов для обеспечения единства законоположений и не применялись самостоятельно как отдельные уголовные законы [8]. Таким образом, заключает Н.Д. Дурманов, «в СССР не было и нет самостоятельного военно-уголовного законодательства» [9, с. 170], а предложения о создании военно-уголовного кодекса не встречают поддержки у теоретиков.

Унификация и консолидация военно-уголовных правовых норм, конечно, پوشатнула их особый статус в структуре отрасли уголовного права, лишила нормативных оснований саму идею о признании военно-уголовного права подотраслью права уголовного. Однако идея эта никогда не исчезала в теоретических рассуждениях полностью, но была лишь вытеснена на периферию научного дискурса об отраслевой структуре уголовного права, будучи замкнутой по преимуществу в корпоративных интересах учёных военных вузов. М.В. Чхиквадзе, например, в 1948 г. писал, что военно-уголовное право есть особая отрасль советского уголовного права [10]. Им же был разработан проект Военно-уголовного кодекса СССР [11]. В последующем этот подход был подвергнут жёсткой критике как «вредный» и «несостоятельный» [12, с. 67]. Но уже в 70-е гг. XX в. идея военно-уголовного права была возрождена. Х.М. Ахметшин рассматривал военно-уголовное право в качестве подотрасли уголовного права и законодательства [13]. С тех пор обсуждение статуса военно-уголовного права мало продвинулось вперёд. Дискурс остался «замороженным». И только в последние годы он возобновляется уже в новых условиях и новых рамках более широкого обсуждения тезиса о подотраслевом строении уголовного права.

Отмечаемые выше процессы унификации, дифференциации уголовно-правовых норм и их институциональной кодификации, ознаменовавшиеся реализацией идеи военно-уголовного права в XVIII в., были с особенной силой продолжены в XIX столетии, которое вошло в историю российского права как период его бурного и динамичного реформирования, заложившего во многом основы современного строения и наполнения правовой системы.

Характеризуя источники уголовного права России второй половины XIX в., до-революционные авторы отмечали их множественный характер, попутно делая весьма ценные для их современного теоретического понимания замечания.

¹ Постановление ЦИК СССР от 31.10.1924 «Положение о воинских преступлениях» // Собрание законодательства СССР. 1924. № 24. Ст. 207; Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 27.07.1927 «Положение о воинских преступлениях» // Собрание законодательства СССР. 1927. № 50. Ст. 505; Закон СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за воинские преступления» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 10.

На рубеже столетий стала традиционной классификация источников уголовного права на «общие» (с вычленением в них главного – Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – и дополнительных актов – Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. и Уголовного уложения 1903 г.) и «особенные» источники, регулирующие уголовно-правовые отношения на отдельных территориях империи, в отношении отдельных лиц или в отношении некоторых особых преступлений. Такая система сама по себе ставила вопрос о структурно-отраслевом статусе особенных и дополнительных уголовно-правовых норм.

Не повторяя сказанного относительно военно-уголовных правовых норм, претендующих на роль подотрасли уголовного права, следует обратить внимание на иные аспекты.

Российская империя характеризовалась сложной территориальной организацией уголовной юрисдикции страны. Наличие отдельных уголовных законов, пространственно ограниченных периферией, не усложнило внутреннего строения отрасли, а свидетельствовало об организации системы права и системы законодательства империи, допускавшей в установленных ей самой пределах сосуществование региональных законов [14].

Такая ситуация характерна для государств, складывающихся на основе объединения нескольких территорий с самостоятельной правовой историей и традициями, что было продолжено и в XX столетии в связи с образованием СССР, знавшим и общесоюзное уголовное законодательство, и региональное, республиканское.

Кроме вопросов юрисдикции следует обратить внимание на оценку тех источников права, которые регулируют содержательно специфическую область отношений, возникающих в связи с совершением преступлений.

Здесь на первое место выходят источники, регулирующие правоотношения по поводу уголовно-противоправных деяний, не представляющих большой общественной опасности. Главный из них – Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. [15], которым руководствовались общие и мировые суды. К этой группе источников примыкают также Устав Сельский Судебный 1839 г. [16], предназначенный для применения крестьянскими судами, а равно нормы обычного права, применяемые в ситуации совершения маловажных преступлений на территориях окраин империи представителями кавказских, степных кочевых, сибирских народностей.

Появление Устава о наказаниях 1864 г. стало результатом судебных реформ и связанного с ним пересмотра Уложения о наказаниях 1845 г. В материально-правовом отношении суть Устава состояла в обособлении правовой регламентации ответственности за деяния, не обладающие большой общественной опасностью, – проступки. В него были перенесены некоторые предписания Уложения 1845 г. «с удержанием его основных положений, но с отступлением... в некоторых частях от его системы и постановлений сообразно изменившимся со времени издания уложения

взглядом и потребностям, вызвавшим коренные преобразования в самом этом законе»; кроме того, «в уставе находим свою общую часть, во многом отличную от общей части уложения» [17, с. 97].

Важно отметить, что современники Устава, признавая его несомненные содержательные и юридико-технические достоинства по сравнению с Уложением, критически относились к самой идее существования двух самостоятельных уголовных законов. Н.С. Таганцев, например, считал, что появление Устава «внесло новую неурядицу в наше уголовное законодательство, так как самое одновременное существование двух общих уголовных кодексов, с различием в некоторых основных учениях о преступлении, об определении меры ответственности и т.п., представлялось и теоретически несостоятельным, и практически вредным, в особенности ввиду того, что оба кодекса регулировали преступные деяния, отличающиеся не родовыми, а видовыми признаками, что оба они нередко применялись одними и теми же судами» [6, с. 105].

Таким образом, доктрина XIX в. признавала военно-уголовное направление в качестве структурного элемента уголовного права.

Заключение

Подводя итоги рассмотрения исторических аспектов формирования и развития подотраслей в уголовном праве, стоит отметить, что значимая для формирования подотраслевой структуры уголовного права дифференциация правового регулирования всегда была связана с крупными социальными проектами, в частности с устройством регулярной армии, судебными реформами и организацией исполнения уголовных наказаний. Причём содержательное уголовно-правовое сопровождение этих проектов, как правило, приводило к формальному обособлению соответствующих норм в самостоятельные нормативные правовые акты, которые тем не менее не свидетельствовали о разрыве их генетической связи с уголовным правом, что даёт основание усматривать в этих процессах отражение идей именно подотраслевой организации уголовного права. При этом несомненно то, что формирование подотраслевых блоков в структуре уголовного права не является процессом с заранее заданным результатом, а потому развитие права и отражённых в нём социальных процессов накладывало свой отпечаток на логику дифференциации уголовно-правовых норм, в частности норм военного уголовного права, которое, вне зависимости от того, были ли соответствующие нормы обособлены в отдельный закон или инкорпорированы в уголовный кодекс, всегда оставалось частью отрасли уголовного права, возникло и развивалось именно как его подотрасль.

Список источников

1. Сухондяева Т. Ю. Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVIII – начало XX в.): историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 23 с.

2. Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. 96 с.
3. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. Ч. I. М., 2021. 704 с.
4. Памятники русского права. В 8 вып. Вып. 8. Законодательные акты Петра I, первая четверть XVIII в. / под ред. К. А. Софроненко. М., 1961. 668 с.
5. Воинский устав о наказаниях 1869 года // Свод военных постановлений. URL: <https://www.prilib.ru/item/443309>.
6. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции: часть общая: [в 2 т.]. Т. 1. М., 1994. 419 с.
7. Закомолдин Р. В. Становление отечественного военно-уголовного законодательства в советский период (1918–1991 гг.) // Армия и общество. 2013. № 4 (36). С. 51–58. EDN: RTCNYT.
8. Шаргородский М. Д. Курс уголовного права. Т. 3. Уголовный закон. М., 1948. 312 с.
9. Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. М., 1967. 319 с.
10. Чхиквадзе В. М. Советское военно-уголовное право. М., 1948. 451 с.
11. Чхиквадзе В. М. О необходимости создания военно-уголовного кодекса Союза ССР. С прил. Проекта военно-уголовного кодекса СССР. М., 1947. 60 с.
12. Ермолович Я. Н. Военно-уголовное право как подотрасль военного права: практические вопросы реализации подхода // Право в Вооружённых Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 64–73. EDN: WVIEZD.
13. Ахметшин Х. М. Советское военно-уголовное законодательство: учеб. пособие. М., 1972. 93 с.
14. Кодан С. В. Становление системы законодательства Российской Империи (XIX – начало XX в.) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2011. № 1 (14). С. 60–71.
15. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1867. 45 с.
16. Волчков В. Руководство для крестьян: сборник действующих узаконений, касающихся общественных их управлений и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции. М., 1880. 256 с.
17. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. 618 с.

References

1. Sukhondyaeva T. U. Rossijskoe voenno-ugolovnoe zakonodatel'stvo i ego evolyuciya v period absolyutizma (XVIII – nachalo XX v.): istoriko-pravovoe issledovanie [Russian military-criminal legislation and its evolution during the period of absolutism

(18th – early 20th centuries): historical and legal research]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. St. Petersburg, 2006. 23 p.

2. Romashkin P. S. Osnovnye nachala ugovnogo i voenno-ugolovnog zakonodatel'stva Petra I [Basic principles of criminal and military-criminal legislation of Peter I]. Moscow, 1947. 96 p.

3. Naumov A. V. Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii [Crime and punishment in the history of Russia]. In 2 parts. Part I. Moscow, 2021. 704 p.

4. Sofronenko K. A. (ed.). Pamyatniki russkogo prava. V 8 vyp. Vyp. 8. Zakonodatel'nye akty Petra I, pervaya chetvert' XVIII v. [Monuments of Russian law. In 8 issues. Issue 8. Legislative acts of Peter I, first quarter of the 18th century]. Moscow, 1961. 668 p.

5. Military Regulations on Punishments of 1869 // *Svod voennykh postanovlenij*. URL: <https://www.prilib.ru/item/443309>. (In Russ.).

6. Tagantsev N. S. Russkoe ugovnoe pravo. Lekcii: chast' obshchaya: [v 2 t.]. [Russian criminal law. Lectures: General Part: [in 2 volumes]]. Vol. 1. Moscow, 1994. 419 p.

7. Zakomoldin R. V. Stanovlenie otechestvennogo voenno-ugolovnog zakonodatel'stva v sovetskij period (1918–1991 gg.) [Formation of domestic military criminal legislation in the Soviet Period (1918–1991)]. *Armiya i obshchestvo*, 2013, no. 4 (36), pp. 51–58.

8. Shargorodsky M. D. Kurs ugovnogo prava. T. 3. Ugolovnyj zakon [Course in criminal law. Vol. 3. Criminal law]. Moscow, 1948. 312 p.

9. Durmanov N. D. Sovetskij ugolovnyj zakon [Soviet criminal law]. Moscow, 1967. 319 p.

10. Chkhikvadze V. M. Sovetskoe voenno-ugolovnoe pravo [Soviet military criminal law]. Moscow, 1948. 451 p.

11. Chkhikvadze V. M. O neobходимosti sozdaniya voenno-ugolovnog kodeksa Soyuza SSR. S pril. Proekta voenno-ugolovnog kodeksa SSSR [On the need to create a military criminal code of the USSR. With an appendix to the draft military criminal code of the USSR]. Moscow, 1947. 60 p.

12. Ermolovich Ya. N. Voенно-уголовное право как подотрасль военного права: практические вопросы реализации подхода [Military criminal law as a sub-branch of military law: practical issues of implementing the approach]. *Pravo v Vooruzhyonnyh Silah – Voенно-pravovoe obozrenie*, 2021, no. 12 (293), pp. 64–73.

13. Akhmetshin Kh. M. Sovetskoe voenno-ugolovnoe zakonodatel'stvo: ucheb. posobie [Soviet military criminal legislation: textbook. Manual]. Moscow, 1972. 93 p.

14. Kodan S. V. Stanovlenie sistemy zakonodatel'stva Rossijskoj Imperii (XIX – nachalo XX v.) [Establishment of the Russian Imperial legislative system (19th-beginning 20th centuries)]. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*, 2011, no. 1 (14), pp. 60–71.

15. Ustav o nakazaniyah, nalagaemyh mirovymi sud'yami [Charter on punishments imposed by justices of the peace]. St. Petersburg, 1867. 45 p.

16. Volchkov V. Rukovodstvo dlya krest'yan: Sbornik dejstvuyushchih uzakonenij, kasayushchihsya obshchestvennyh ih upravlenij i obyazannostej sel'skih i volostnyh dolzhnostnyh lic i nizhnih chinov uezdnoj policii [Volchkov V. Guide for peasants: A collection of current laws concerning their public administration and the duties of rural and volost officials and lower ranks of the district police]. Moscow, 1880. 256 p.

17. Belogrits-Kotlyarevsky L. S. Uchebnik russkogo ugolovnogo prava. Obshchaya i Osobennaya chasti [Textbook of Russian criminal law. General and Special Parts]. Kyiv, 1903. 618 p.

Информация об авторах / Information about the authors

А.С. Усенко – аспирант кафедры уголовного права и криминологии, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация),

✉ t055tt123@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3453-3315>

A.S. Usenko – Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 12.03.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 13.05.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 207–220.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 207–220.

Научная статья

УДК 341.225.5

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/207-220>

Эволюция доктрины исторических прав на морские пространства от античности до принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Глеб Станиславович Ляшко

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

✉ liashko.gs@dvfu.ru

Аннотация. Доктрина исторических прав на морские пространства развивалась из поиска баланса между восходящими к древнеримской юриспруденции буржуазными представлениями о свободе судоходства и прагматическими интересами государств по осуществлению контроля над ключевыми акваториями в целях обеспечения национальной безопасности, проистекающими из феодального права. Установление в международном обычном праве строгих географических критериев, определяющих ширину территориального моря, породило потребность государств в обосновании своих правопризнаний на заливы и закрытые моря, которые не укладываются в рамки таких критериев.

В первой половине XX в. в доктрине и международной судебной практике оформляется понимание чёткого юридического различия между «обычными» или «юридическими» заливами с шириной входа, не превышающей двукратной ширины территориального моря, и историческими заливами, обладание которыми основывается на консолидации исторического титула на акваторию, а также намечается тенденция к более широкому пониманию исторических прав на морские пространства, не ограничивающихся осуществлением суверенитета.

Кодификационные усилия государств во второй половине XX в. позволили выделить наиболее релевантные доктринальные критерии, доказывающие существование исторических прав на акватории – эффективный контроль над водным пространством, давность владения и согласие иностранных государств. Тем не менее авторы Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. намеренно оставили эти вопросы в сфере обычного регулирования. По этой причине анализ эволюции доктрины

исторических прав необходим для наиболее полного понимания данной правовой конструкции.

Ключевые слова: исторические воды, исторические права на морские пространства, исторический титул, заливы, территориальное море

Для цитирования: Ляшко Г.С. Эволюция доктрины исторических прав на морские пространства от античности до принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 207–220.

Original article

Evolution of the doctrine of historical rights to maritime spaces from antiquity to the adoption of the UN Convention on the Law of the Sea of 1982

Gleb S. Lyashko

Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation

✉ liashko.gs@dvfu.ru

Abstract. The doctrine of historical rights to maritime spaces developed from the search for a balance between bourgeois ideas about freedom of navigation, dating back to ancient Roman jurisprudence, and the pragmatic interests of states in exercising control over key water areas in order to ensure national security, stemming from feudal law. The establishment in international customary law of strict geographical criteria determining the width of the territorial sea gave rise to the need for states to substantiate their claims to bays and closed seas that do not fit into the framework of such criteria. In the first half of the 20th century, the doctrine and international judicial practice developed an understanding of a clear legal distinction between ‘customary’ or ‘legal’ gulfs, with an entrance width not exceeding twice the width of the territorial sea, and historic gulfs, the possession of which is based on the consolidation of the historic title to the water area, and a tendency towards a broader understanding of historic rights to maritime spaces not limited to the exercise of sovereignty.

Codification efforts by states in the second half of the 20th century made it possible to identify the most relevant doctrinal criteria proving the existence of historic rights to water areas – effective control over water space, prescription of possession and the consent of foreign states. Nevertheless, the authors of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea deliberately left these issues in the sphere of customary regulation. For this reason, an analysis of the evolution of the doctrine of historic rights is necessary for the most complete understanding of this legal structure.

Keywords historic waters, historic rights to maritime spaces, historic title, gulfs, territorial sea

For citation: Lyashko G.S. Evolution of the doctrine of historical rights to maritime spaces from antiquity to the adoption of the UN Convention on the Law of the Sea of 1982. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 207–220. (In Russ.).

В конце XIX в. американский военно-морской теоретик, основатель концепции геополитики, контр-адмирал А. Мэхэн в своём фундаментальном труде «Влияние морской силы на историю 1660–1783» вывел геополитический принцип, согласно которому «море – это не барьер, а путь». В соответствии с указанным принципом море не должно рассматриваться как средство изоляции, империя должна «поставить море себе на службу» как ключевое средство обмена и экономического развития [1, с. 25–89].

Многовековая история развития международного морского права, подтверждая этот тезис, развивалась в поиске баланса между свободой судоходства, обеспечивающей свободу торговли и международных экономических связей, и стремлением государств установить контроль над как можно более обширными морскими пространствами.

Истоки концепции как открытого моря, так и возможности установления суверенитета над морскими пространствами можно проследить уже в античности. Как указывают А.Л. Колодкин, В.Н. Гуцуляк и Ю.В. Боброва, в римском праве море не считалось объектом права собственности, что отражено в тексте юстиниановых Дигестов – извлечений из сочинений юристов, которые пришли к пониманию различного характера власти над сушей и над морем [2]. Обычно исследователи ссылаются здесь на высказывания Ульпиана и Цельса, считавших море и воздух свободными от завладения, находящимися в общем пользовании, т.е. общими для всех [3].

Между тем, как верно отмечают исследователи, в частности С.В. Молодцов, их высказывания касались не отношений международно-правового характера, а отношений, регулируемых внутренним римским правом [4]. Действительно, римляне, завоевавшие всё побережье Средиземного моря, называли его «mare nostrum» – наше море, и Дионисий Галикарнасский писал о том, что «Римский народ повелевает всеми морями, не только тем морем, которое простирается до Геркулесовых столбов, но и океаном, насколько он доступен для судоходства» [5, с. 227]. Истории известны и случаи объявления суверенной власти римских правителей на морские пространства. Так, римский император Лев распространил право собственности на моря «вплоть до пролива Босфора фракийского, так что их можно было замыкать какими-нибудь преградами» [5, с. 220].

В феодальную эпоху акцент в морском праве сместился в сторону закрепления притязаний монархов на обширные морские пространства. Как отмечает С.В. Молод-

цов, поскольку феодальное право не ведало различия между собственностью на землю и собственностью на морские пространства, суверены рассматривали прилегающие к суше акватории как часть своего наследия и объявляли своей собственностью целые моря и океаны [4].

Наивысшего развития эта позиция достигла в эпоху Великих географических открытий в XV–XVI вв. и противостояния испанских и португальских монархов, стремившихся закрепить свою власть над вновь открытыми территориями и морями и установить господство над всем миром. Соперничество великих держав вылилось в серию папских булл и заключение Договора 1494 г. в Тордесильясе, разделивших мир на испанскую и португальскую сферы влияния [6].

Развитие капиталистических отношений, рост товарного производства и международного товарообмена положили начало новой эпохе международного морского права. Л.В. Скалова делает вывод о том, что становление и утверждение свободы открытого моря в качестве международно-правового принципа объективно обусловлены развитием капитализма, который привёл к международному разделению труда, а мировой рынок стал предпосылкой и результатом капиталистического производства [2].

Принцип свободы моря был провозглашён в XVII в. Г. Гроцием в трактате «Свободное море, или О праве голландцев вести торговлю с Индией», написанном по заказу Нидерландской Ост-Индской компании. Гроций считал, что, поскольку всякая власть над территорией основывается на оккупации, а открытое море не может быть эффективно оккупировано, оно, соответственно, не может являться объектом права собственности. Кроме того, богатства открытого моря неистощимы и достаточны для всех, а следовательно, самой природой не дозволено присваивать предметы, доступные для общего пользования [2].

Однако уже в более поздней своей работе, «О праве войны и мира», Гроций описывает возможные отступления от принципа свободы моря и обосновывает возможность установления суверенной власти над ограниченными морскими пространствами. Так, он отмечает возможность занятия проливов и заливов «тем, кто владеет землями по обеим сторонам... лишь бы эта часть моря была не столь велика, чтобы при сравнении с твёрдой землёй не могла составить часть её» [5, с. 219]. Гроцием вместе с тем делается вывод о том, что, поскольку такое занятие не исходит из естественного права, для установления власти над частью моря требуется очевидное внешнее выражение владения им, а в случае прекращения такого владения «море возвращается в первоначальное состояние, то есть поступает в общее пользование» [5, с. 220]. Свидетельством владения частью моря, по мнению Гроция, является его приобретение «посредством лиц и территории», то есть эффективный контроль акватории посредством флота, а также близость берега, с которого имеется возможность оказывать принуждение на суда, находящиеся в прибрежных водах «в той же мере, как если бы они находились на самой земле» [5, с. 222].

Главный оппонент Гроция, английский учёный Д. Сельден в своём трактате «Закрытое море», написанном в 1618 г., стремился обосновать суверенное право Англии на прилежащие морские пространства. При этом высказанные им положения во многом рифмуются с выводами Гроция. Сельден считал, что закрытые участки моря, окружённые полуостровами и мысами, подобно рекам и озёрам являются частью суши, а потому составляют часть суверенной территории государства. Несмотря на то что его выводы о праве государства устанавливать суверенитет и над пространствами открытого моря (подобно занятию сухопутной территории) не нашли большой поддержки в континентальной науке, его теория легла в дальнейшем в основу концепции территориального моря [2].

Правовой режим закрытых морей и заливов долгое время не находил закрепления в международной практике, оставаясь в основном предметом доктринальных споров. Государства прекрасно осознавали стоящую перед ними экономико-политическую дилемму: с одной стороны – необходимость обеспечения военной безопасности родины и экономической эксплуатации собственных прибрежных вод, а с другой – интересы колониальной экспансии и международного товарообмена. Поэтому занимали в конкретный исторический момент ту позицию, что наиболее соответствовала текущей конъюнктуре [7].

Переломной точкой становится опубликование в 1702 г. голландским учёным К. ван Бингершуком трактата «*De Dominio Maris Dissertatio*», в котором была сформулирована «теория пушечного выстрела». Бингершук считал, что контроль над морем исходит не от моря, а от суши, и владение прибрежными водами обеспечивается не силой флота, а эффективным контролем над сухопутной территорией. Отвергая любые необоснованные претензии на морские пространства, он указывал на то, что государство владеет морским поясом лишь такой протяжённости, до пределов которой долетает выпущенное с берега пушечное ядро. Недостаток этой теории, состоящий в неопределённости расстояния пушечного выстрела, был устранён итальянским юристом Ф. Галиани, предложившим в 1782 г. универсальную ширину территориального моря в 3 морские мили, что нашло широкую поддержку в международной практике и оставалось обычной нормой вплоть до середины XX в. [7]. Ширина входа в территориальный залив, таким образом, составила двойную ширину территориального моря, отмеряемого от точек входа в него, или 6 морских миль.

Необходимо обратить внимание на то, что вплоть до указанного момента все предложенные обоснования для ограничения свободы судоходства в закрытых и прибрежных акваториях не имели ни исторического обоснования, ни требования о наличии выраженного или молчаливого согласия третьих государств на завладение ими. Фактически единственным источником власти над этими водами являлось осуществление над ними эффективного контроля, привязанного к вооружённой силе

государства – мощи морского флота или дальности береговой артиллерии. Однако закрепление в международном обычном праве чёткого географического и геометрического критерия – трёхмильной зоны территориального моря и шестимильной замыкающей линии залива – породило проблему сохранения за прибрежными государствами власти над акваториями, которые в эти рамки не укладываются.

По указанной причине в XVIII–XIX вв. споры в международно-правовой доктрине переходят в новую плоскость – учёные стремятся обосновать притязания государств на морские районы, не подпадающие под строгий географический критерий пушечного выстрела или трёхмильной зоны. В этот период утверждается понимание того, что морские пространства более обширных заливов могут находиться под суверенитетом государства, если им продолжительно осуществляется владение и эффективный контроль над ними, а также начинает складываться критерий молчаливого согласия и впервые встаёт вопрос о давности владения акваторией.

Развитие названные критерии получают во второй половине XIX в. в трудах американских учёных. В это время исследователи приходят к осознанию юридического различия между «обычными» заливами и морскими пространствами, которые впоследствии приобретут название исторических заливов или исторических вод. Впервые данный вопрос поднимается в 1861 г. американским офицером и юристом Г. Халлеком, который отмечал возможность обладания заливами на основании «незапамятного использования» и «приобретательской давности» [8, с. 254]. Дж. Дэвис, исследуя вопрос обладания крупными заливами, выделяет различные виды правооснований на них, отмечая при этом необходимость согласования такого обладания третьими государствами. По мнению Р. Гриллса, это отражает растущее в академическом сообществе того времени понимание «необходимости международной легитимации обладания крупными заливами, которая является подтверждением действительности и правомерности их приобретения» [8, с. 254].

Таким образом, к концу XIX в. практика государств стала допускать отступления от общепринятой ширины территориальных вод в отношении крупных заливов, а в доктрине начали появляться обоснования такого рода притязаний. Следует, однако, согласиться с мнением А. Джиоя о том, что вплоть до начала XX в. концепция исторических вод почти не влияла на международное право, оставаясь предметом академических дискуссий [9].

Впервые же в международной юриспруденции понятие «исторический залив» нашло закрепление в деле по вопросу о рыбных промыслах у побережья Северной Атлантики (по спору между США и Великобританией), рассмотренном Постоянной палатой третейского суда (далее – ППТС) в 1910 г. Трибунал, исследуя утверждение Соединённых Штатов о том, что только заливы, ширина которых не превышает шести миль, могут быть объявлены территориальными водами, пришёл к выводу, что действующие соглашения и обычные нормы могут рассматриваться как основания

для объявления государственной территорией заливов, которые могут быть названы «историческими заливами», в отсутствие опровергающих это принципов международного права¹.

Само решение исследует данный вопрос довольно скупо, и основная роль в разработке концепции исторических вод в данном случае принадлежит арбитру Л. Драго, который в своём особом мнении указал на допустимость присвоения государствами в исключительных случаях заливов, ширина которых превышает устоявшийся шестимильный предел. По его мнению, такие заливы, как Делаверский, Чесапикский или залив Ла-Плата, «образуют обособленный класс заливов, которые можно назвать историческими заливами... [и они], несомненно, принадлежат прибрежному государству, вне зависимости от их углубления и ширины захода в них, если такое государство утвердило свой суверенитет над ними и при учёте особых обстоятельств, таких как географическая конфигурация, незапамятное использование и, прежде всего, требования самообороны»².

Обращает на себя внимание, что ни Трибунал, ни арбитр Драго не выделяют в данном деле в качестве критерия консолидации исторического титула молчаливое согласие государств – оно рассматривается скорее как доказательство существования уже сложившегося правооснования, чем как его юридически значимый критерий. С другой стороны, Драго впервые выделяет здесь вызывающий в современности значительные дискуссии критерий «жизненной важности» водного пространства в контексте требований национальной обороны.

По мнению А.Н. Вылегжанина, указанное решение, помимо непосредственного юридического закрепления понятия «исторический залив», имеет ещё и далеко идущее значение в вопросе учёта исторических прав на морские пространства, а именно – исторических прав на промыслы. Оно показало, что концепция исторических прав значительно шире, чем концепция исторических вод. В этом споре поднимался вопрос о сохранении за американцами исторических прав на рыболовство в английских водах, где они традиционно осуществляли промысел. Арбитраж в описанном решении не только подтвердил международно-правовое значение особых исторических оснований, но и рекомендовал государствам создать постоянную смешанную рыболовную комиссию, которая определяла бы разумность и адекватность принимаемых Англией мер по регулированию промысла [10].

Данный пример подтверждает, что уже в начале XX в. исторические права на морские пространства понимались значительно шире, чем просто осуществление суверенитета в исторических заливах или иных морских пространствах, и могли вклю-

¹ Award of the tribunal of arbitration in the question relating to the north atlantic coast fisheries, the Hague. 7 september, 1910. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/496>.

² Grounds for the Dissent to the Award on Question V by Dr. Luis M. Drago. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1910/d624>.

чать в себя более ограниченный объём прав применительно к более обширным морским пространствам.

Следующим значимым моментом в развитии правового режима исторических вод стало решение Центральноамериканского суда правосудия по Делу о заливе Фонсека в 1917 г. Особенностью этого спора является расположение залива и окружающая его политическая история. Залив Фонсека омывает берега сразу трёх государств: Сальвадора, Никарагуа и Гондураса, которые до 1821 г. являлись регионами единого государства – Испанской империи. С 1821 по 1839 г. это побережье было частью территории Центральноамериканской федерации, а после её распада в 1839 г. залив Фонсека считался совместным достоянием всех трёх государств, которые владели им совместно как своими внутренними водами [10]. По договору 1914 г. между США и Никарагуа последняя предоставила Соединённым Штатам на срок 99 лет определённые права на часть территории Никарагуа, граничащей с заливом Фонсека, а также определённые права на строительство межokeанского канала. Сальвадор обратился в Центральноамериканский суд с целью оспорить действительность указанного договора. Рассмотрев спор, Суд постановил, что залив Фонсека является «историческим заливом, обладающим характеристиками закрытого моря», совладельцами которого являются все три указанных государства, «за исключением прибрежной морской лиги (3 морские мили), являющейся исключительной собственностью каждого»¹.

Данное решение, таким образом, подтвердило не только возможность установления исторического титула на залив, но и возможность его «наследования» в порядке правопреемства, причём в случае разделения единого государства на несколько суверенных государств, имеющих выход к одному и тому же заливу, такие государства осуществляют суверенитет над ним совместно, на правах кондоминиума.

Таким образом, к 20-м гг. XX в. сформировались достаточные основы для развития теории исторических прав на морские пространства (в основном – исторических заливов), и данная теория нашла подтверждение и развитие в арбитражной и судебной практике. Неудивительно, что эти вопросы стали предметом активного обсуждения в рамках кодификационных инициатив Лиги Наций [11; 12; 8].

Одним из наиболее значимых событий XX в. для определения содержания категории исторических вод стало решение Международного суда ООН (далее – МС ООН) по Англо-норвежскому спору о рыболовстве 1951 г. По справедливому замечанию А.Н. Вылегжанина, это первый из документов МС ООН, в котором обстоятельно изложены элементы, составляющие статус исторических вод [10].

В указанном деле Норвегия заявляла о своём праве на прибрежные воды, расположенные за прямыми линиями, соединяющими окаймляющие острова вдоль её глу-

¹ UN DocA/CONF.13/1. *Historic Bays: Memorandum by the Secretariat of the United Nations*. P. 9–10. URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1958_lof/docs/english/vol_1/a_conf13_1.pdf.

боко изрезанного побережья. Данные воды Норвегия рассматривала как свои внутренние воды на основании исторического титула, приводя в подтверждение его существования «национальное законодательство; административные меры; решения судов, исходящие из факта принадлежности данных вод прибрежному государству» [13, с. 85].

Решение Суда содержало ставшее классическим определение исторических вод: ««Под историческими водами обычно подразумевают воды, к которым относятся как к внутренним водам, но которые не имели бы такой характер без наличия исторического титула», а также составные элементы такого титула, обретение которого происходит в результате «длительного и постоянного пользования... Причём это становится возможным, если другие государства не чинят этому препятствий, постоянно не заявляют по этому поводу протестов»¹. Суд также обратил внимание на существенное значение географической конфигурации побережья и указал, что решение в пользу Норвегии продиктовано «особыми экономическими интересами данного района»².

Вместе с тем продолжались исследования и попытки кодификации положений об исторических водах, сначала в рамках Комиссии ООН по международному праву (КМП), а затем – в рамках Конференций ООН по морскому праву.

В 1956 г. КМП была завершена работа по подготовке проекта статей по морскому праву. Статья 7 проекта статей посвящена заливам, в пунктах 1–3 она содержит определение залива и правила проведения исходных линий, ограничивающих его в качестве внутренних вод. Пункт 4 проекта установил, что «изложенные выше постановления не распространяются на так называемые «исторические» заливы...»³.

На Первой конференции ООН по морскому праву в 1958 г. вопрос об исторических водах был детально исследован Секретариатом ООН. В качестве подготовительного документа для конференции был разработан и распространён Меморандум «Исторические заливы»⁴, являющийся одним из наиболее значимых официальных документов по этому вопросу. Меморандум посвящён толкованию и уточнению понятия «исторические заливы», данного в проекте статей КМП, обобщению государственной и судебной практики и доктрины по этому вопросу [12].

Несмотря на имевшие место в ходе Конференции дискуссии по поводу содержания положения об исторических заливах, соответствующая формулировка из про-

¹Fisheries case. Judgment of December 18th, 1951. I.C.J. Reports. 1951. P. 130–131.

² Там же. P. 133.

³ Report of the International Law Commission covering the work of its eighth session, 23 April – 4 July 1956, Official Records of the General Assembly Eleventh Session, Supplement No. 9 (A/3159). P. 5, 15.

⁴A/CONF.13/1. *Historic Bays: Memorandum* by the Secretariat of the United Nations.

URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1958_los/docs/english/vol_1/a_conf13_1.pdf.

екта статей, представленного КМП, была дословно воспроизведена в п. 6 ст. 7 Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г.¹

После завершения Второй конференции ООН по морскому праву КМП решила поручить исследование темы исторических вод, включая исторические заливы, Секретариату ООН [7]. Соответствующее исследование было распространено среди государств-членов 9 марта 1962 года и опубликовано в ежегоднике Комиссии международного права². Огромное доктринальное значение этого документа подчёркивается не только его единодушной высокой оценкой в международном сообществе [12], но и тем фактом, что с его изданием разработка проблемы исторических вод на уровне ООН фактически завершилась. Тема правового режима исторических вод, включая исторические заливы, была исключена из повестки дня КМП³, а через четыре года после начала Третьей конференции Организации Объединённых Наций по морскому праву было решено исключить эту тему из программы работы КМП, посчитав, что её можно будет пересмотреть в свете результатов Конференции [7].

В указанном документе Секретариата отмечено, что теория исторических заливов может применяться и к иным морским пространствам. Важно и то, что, по мнению Секретариата, правооснование на исторические воды нельзя считать исключением из общих норм международного права.

В качестве юридически обязательных критериев исторического титула на морские пространства Секретариат называет лишь три: 1) осуществление государством властных полномочий (суверенитета) над данным морским районом; 2) непрерывность такого осуществления властных полномочий и 3) терпимое отношение иностранных государств к их осуществлению. Критерий жизненно важных интересов в отношении акватории оценён Секретариатом как дискуссионный и опасный, однако прямо отвергнут не был.

В целом, к началу Третьей конференции ООН по морскому праву (1973–1982 гг.) доктрина и практика, касающиеся исторических вод, были в достаточной степени оформлены, что, однако, не помешало данному вопросу стать предметом трудных дебатов на Конференции [10]. В конечном счёте принятая по итогам Конференции Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. фактически воспроизвела положения об исторических заливах из Конвенции 1958 г., оставив квалификацию исторических вод в сфере международного обычного права.

¹Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г.

URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tsea.pdf.

²International Law Commission: Juridical Regime of Historic Waters, Including historic Bays. Study prepared by the Secretariat. ILC Yearbook. 1962. Vol. 2.

³A/CN.4/148. Report of the International Law Commission covering the work of its Fourteenth Session. 24 April – 29 June 1962. Документ ООН A/CN.4/148, ILC Yearbook. 1962. Vol. 2.

Заключение

Таким образом, главной предпосылкой к возникновению доктрины исторических прав на морские пространства является извечная проблема поиска баланса между свободой судоходства и территориальными притязаниями прибрежных государств. Уже в Древнем Риме, где юристы определяли море как объект, не поддающийся присвоению и открытый к всеобщему пользованию, существовали прецеденты объявления морских пространств собственностью римских императоров. Феодалное право и вовсе не ведало различия между сухопутной и морской территорией и допускало объявление целых океанов собственностью испанских и португальских монархов. Развитие капиталистических отношений и международной морской торговли объективно потребовало провозглашения и установления принципа свободы моря, однако даже в трудах первого апологета этого принципа – Г. Гроция – допускается провозглашение суверенитета над заливами, проливами и устьями рек. Сложная дилемма, стоящая перед всеми капиталистическими государствами, – необходимость свободного товарообмена по морю, с одной стороны, и интересы государственной обороны и внутриэкономического развития – с другой, – определила облик правового регулирования разграничения морских пространств.

К концу XIX в. сложился ряд обычных норм международного морского права, в соответствии с которыми открытое море было объявлено свободным для судоходства, а территориальная юрисдикция государств была распространена на узкий прибрежный пояс территориальных вод, сперва ограниченный дальностью выстрела артиллерийских орудий прибрежного государства, а затем формализованный в виде трёхмильной зоны. При этом если в отношении заливов и проливов, ширина входа в который составляла менее удвоенной ширины пояса территориальных вод, устоялся консенсус об их принадлежности прибрежному государству, то суверенитет над более крупными акваториями потребовал специального юридического обоснования.

В период с начала XX в. до принятия Конвенции ООН по морскому праву в 1982 г. происходит оформление доктрины исторических вод и закрепление её на практике, а также косвенно, в тексте международных договоров. В начале века происходит чёткое разграничение «обычных» заливов, замыкающая линия которых определяется геометрическим критерием удвоенной ширины пояса территориального моря, и «исторических» заливов, суверенитет над которыми распространяется в силу консолидации исторического титула. Постепенно оформляются и критерии, которыми руководствуются государства и международные органы по разрешению споров, при определении тех или иных вод в качестве исторических.

Хронологически первым формулируется критерий эффективного осуществления властных полномочий над акваторией, который восходит к классическим представлениям о контроле над территорией посредством вооружённой силы государств

ва. Его логичным продолжением является критерий давности непрерывного владения, который из простого доказательства осуществления эффективного контроля эволюционировал в самостоятельный юридически значимый факт. Вопрос о длительности владения акваторией при этом так и остался открытым. Третий критерий оформился хронологически позже остальных, он связан с развитием международного права как консенсуальной правовой системы, предполагающей согласие иностранных государств на осуществление тех или иных правомочий, которые могут посягнуть на их интересы. Критерий согласия, однако, также являлся и является до сих пор предметом бурных дискуссий относительно природы и формы такого согласия.

Дискуссионным оставалось и остаётся значение иных квалифицирующих критериев для определения вод как исторических, в частности – географической конфигурации акватории и её значения для жизненно важных интересов государства – обороны, безопасности и устойчивого экономического развития.

К моменту принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. также сложилось и понимание того, что понятие исторических вод и, шире, исторических прав не ограничивается одними лишь заливами. С одной стороны – практика государств и доктрина демонстрировали возможность объявления историческими и более крупных морских пространств, чем заливы, а с другой – международная арбитражная и судебная практика подтверждали существование исторических прав на акватории более узких, чем осуществление над ними полного суверенитета.

Список источников

1. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю 1660–1783. СПб.: Terra Fantastica, 2002. 634 с.
2. Колодкин А. Л., Гуцуляк В. Н., Боброва Ю. В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М.: Статут, 2007. 637 с.
3. Аббаслы Г. А.-о. Международно-правовые проблемы разграничения морских пространств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2008. 178 с.
4. Молодцов С. В. Международное морское право. М.: Междунар. отношения, 1987. 272 с.
5. Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
6. Путешествия Христофора Колумба: дневники, письма, документы. М., Географгиздат, 1961. 515 с.
7. Tani I. Historic waters: the everlasting anomaly of the Law of the sea // *International Journal of Marine and Coastal Law*. 2024. No. 39 (2). P. 279–321.
8. Gillis R. J. Chapter V. Navigational servitudes: parallels historic waters, cases, conferences & publicists // *Navigational Servitudes*. Leidenherlands: Brill., 2007. P. 205–265.
9. Gioia A. Historic titles. Max planck encyclopaedia of Public International Law.

2013. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e705>.

10. Международно-правовая квалификация морских районов в качестве исторических вод (теория и практика государств) / под ред. А. Н. Вылегжанина. М.: МГИМО-Университет, 2012. 112 с.

11. Kamiński T. The legal status of historic bays in the light of the works of the League of Nations committee of experts for the progressive codification of international law // *Journal of the History of International Law / Revue d'histoire du droit international*. 2022. No. 24 (1). P. 36–61.

12. Соколова Е. Л. Институт исторических вод в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2015. 149 с.

References

1. Mahan A. T. Vliyanie morskoi sily na istoriyu 1660–1783. [The Influence of sea power upon history, 1660–1783]. St-Petersburg: Terra Fantastica Publ., 2002. 634 p.

2. Kolodkin A. L., Gutsulyak V. N., Bobrova Yu. V. Mirovoi okean. Mezhdunarodno-pravovoi rezhim. Osnovnye problemy. [World ocean. International legal regime. Main problems]. Moscow: Statut Publ., 2007. 637 p.

3. Abbasly G. A.-o. Mezhdunarodno-pravovye problemy razgranicheniya morskikh prostranstv [International legal problems of delimitation of maritime spaces]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Moscow, 2008. 178 p.

4. Molodtsov S. V. Mezhdunarodnoe morskoe parvo [International Law of the sea]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1987. 272 p.

5. Grotius H. O prave voyny i mira [On the Law of war and peace]. Moscow: Ladimir Publ., 1994. 868 p.

6. Puteshestviya Khristofora Kolumba: dnevniki, pis'ma, dokumenty [Christopher's journey to Colombia: diaries, letters, documents]. Moscow: Geografizdat Publ., 1961. 515 p.

7. Tani I. Historic waters: the everlasting anomaly of the Law of the sea. *International Journal of Marine and Coastal Law*, 2024, no. 39 (2), pp. 279–321.

8. Gillis R. J. Chapter V. Navigational servitudes: parallels historic waters, cases, conferences & publicists. In: *Navigational Servitudes*. Leiden: Brill., 2007, pp. 205–265.

9. Gioia A. Historic titles. Max planck encyclopaedia of Public International Law. 2013. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e705>.

10. Vylegzhanin A. N.(ed.). Mezhdunarodno-pravovaya kvalifikatsiya morskikh raionov v kachestve istoricheskikh vod (teoriya i praktika gosudarstv) [International legal qualification of marine areas as historical waters (theory and practice of states)]. Moscow: MGIMO-Universitet Publ. House, 2012. 112 p.

11. Kamiński T. The legal status of historic bays in the light of the works of the League of Nations committee of experts for the progressive codification of international law. *Journal of the History of International Law / Revue d'histoire du droit international*, 2022, no. 24 (1), pp. 36–61.

12. Sokolova E. L. Institut istoricheskikh vod v sovremennom mezhdunarodnom prave [Institute of historical waters in Modern International Law]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Sinopsys. Moscow, 2015. 149 p.

Информация об авторах / Information about the authors

Г.С. Ляшко – ассистент кафедры международного публичного и частного права Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация),

✉ liashko.gs@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3779-2288>

G.S. Liashko – Assistant Department of the International Public and Private Law School, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 10.01.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 07.05.2025.